



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### **Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### **About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

### **Правила использования**

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.  
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.  
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.  
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.  
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

### **О программе Поиск книг Google**

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Э. ЭГГЕРЪ.

ИСТОРИЯ КНИГИ

ОТЪ ЕЯ ПОЯВЛЕНІЯ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

Переводъ съ 3-го французскаго изданія съ примѣчаніями  
переводчика

6340

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія д-ра М. А. Хана, Поварской пер., д. № 2.

1882

Digitized by Google

KC/3550



Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 2 Ноября 1881 года.

*Отъ издателя.*

Предлагаемое въ переводѣ произведеніе французскаго автора не представляетъ собою ученаго изслѣдованія объ исторіи послѣдовательнаго развитія книжнаго дѣла во всѣхъ его подробностяхъ; это не болѣе какъ написанный въ общихъ чертахъ очеркъ появленія на свѣтъ книги и ея послѣдующаго совершенствованія и умноженія, имѣющей цѣлью удовлетвореніе естественной любознательности обыкновеннаго читателя и юношества. Въ глазахъ русскаго читателя, эта книга должна имѣть тотъ, конечно извинительный для француза, недостатокъ, что въ ней не говорится о развитіи книжнаго дѣла у насъ въ Россіи. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ издатель предполагаетъ со временемъ издать **Исторію книги на Руси.**

---

## ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть первая. Книга до изобрѣтенія книгопечатанія . . . . .	1
Гл. I. Происхожденіе книги . . . . .	1
Гл. II. Книга папирусная и пергаментная . . . . .	16
Гл. III. Книга у грековъ и римлянъ . . . . .	27
Гл. IV. Книга у грековъ и римлянъ . . . . .	40
Гл. V. Различныя судьбы древнихъ книгъ . . . . .	50
Гл. VI. Книга въ первые христіанскіе вѣка . . . . .	62
Гл. VII. Книга въ средніе вѣка . . . . .	73
Гл. VIII. Книги въ средніе вѣка . . . . .	84
Гл. IX. Книги въ средніе вѣка . . . . .	96
Часть вторая. Книга послѣ изобрѣтенія книгопечатанія . . . . .	107
Гл. I. Первое время книгопечатанія . . . . .	107
Гл. II. Успѣхи и различныя судьбы книгопечатанія . . . . .	117
Гл. III. Книги анонимныя и псевдонимныя . . . . .	130
Гл. IV. Распространеніе торговли книгами . . . . .	140
Гл. V. Новые успѣхи книгопечатанія и книжной торговли . . . . .	144
Гл. VI. Послѣдніе успѣхи книгопечатанія и книжной торговли . . . . .	153
Гл. VII. Различныя замѣчанія . . . . .	171
Гл. VIII. Книги на всемірной парижской выставкѣ 1878 года . . . . .	191
Гл. IX. Французская книжная торговля и ея исторія . . . . .	200
Гл. X. Какимъ цѣлямъ не удовлетворяетъ книга . . . . .	207
Гл. XI. Продавцы и покупатели книгъ . . . . .	220
Гл. XII. Публичныя и частныя бібліотеки . . . . .	231

# ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

## ГЛАВА I.

### Происхождение книги.

Происхождение письменности. — Египетскіе гіероглифы. — Финикійская азбука. — Ассирійскія клинообразныя буквы. — Письменность на памятникахъ. — Надписи на металлахъ и другихъ твердыхъ веществахъ. — Египетскій папирусъ. — Его вліяніе на развитіе и распространеніе идей. — Пергаментъ. — Книга получаетъ удобную для переноски форму.

Когда появился на свѣтъ предметъ, общеизвѣстный нынѣ подъ названіемъ книги и производящій повсюду столько шума? На такой вопросъ не легко дать отвѣтъ. Разъ въ какую-то бібліотеку приходитъ почтенный читатель и, обращаясь къ бібліотекарю, говоритъ: «Милостивый государь! я желалъ бы получить самую древнѣйшую книгу, какая только существуетъ. — Что вы разумѣете подъ вашими словами? Самую-ли древнюю печатную книгу, или самую древнюю рукописную книгу? — Да я и не знаю; ну, да пожалуй, я желалъ бы видѣть самую древнюю существующую книгу, самую древнюю написанную». Тогда у

библіотекаря является прежде всего мысль о Библии, въ самомъ дѣлѣ представляющей самый древній кладъ мудрости и человѣческой исторіи; однако же, чтобы добраться до происхожденія книги, необходимо обратиться въ глубь вѣковъ гораздо раньше этой священной книги, въ которой дѣлаются ссылки на другія еще болѣе древнія, не дошедшія до насъ писанія. И такъ, попробуемъ же уйдти въ глубь вѣковъ и, если будетъ возможно, разъищемъ, когда и какъ была написана первая книга.

Одинъ старый ученый написалъ большое, нынѣ справедливо забытое, изслѣдованіе о бібліотекахъ до потопа «De Bibliothecis antidiluvianis». Если до потопа и были бібліотеки, то отъ нихъ, разумѣется, не осталось никакого слѣда, и приходится по неволѣ отказаться отъ мысли узнать, что за книги были въ этихъ бібліотекахъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что допотопные люди не умѣли писать, а слѣдовательно и бесполезно изслѣдовать, въ какой формѣ они могли записать преданія о первобытномъ мірѣ.

Но прежде чѣмъ говорить съ вами о книгахъ и вообще о веществахъ, на которыхъ человѣкъ письмененно выражалъ свои мысли и свои воспоминанія, слѣдовало бы, можетъ быть, сказать нѣсколько словъ о письменныхъ знакахъ и объ ихъ происхожденіи у различныхъ народовъ. Между тѣмъ, этому предмету пришлось бы удѣлить очень много мѣста, потому что извѣстно весьма много системъ письменности: свои



особыя системы письменности существовали въ Египтѣ, въ Греціи, Ассиріи, Индіи и Китаѣ, въ Америкѣ и, не выходя изъ Европы, въ Испаніи, въ Италиі, въ странахъ скандинавскихъ и въ земляхъ славянскихъ. У насъ письменные знаки позаимствованы отъ грековъ, которые, въ свою очередь, позаимствовали ихъ у финикянъ, а послѣдніе взяли ихъ изъ Египта. Честь изобрѣтенія искусства письма приписывали нѣкому Кадму. Между тѣмъ этотъ мнимый изобрѣтатель Кадмъ избралъ только изъ весьма значительнаго числа очень сложныхъ знаковъ, употреблявшихся египтянами, очень небольшое число знаковъ, необходимыхъ для выраженія звуковъ его роднаго языка. Потребовалось бы очень много страницъ для того, чтобы рассказать вамъ, какъ финикіане, народъ торговый и мореходный, занесли въ Грецію и затѣмъ распространили по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря ту азбуку, которая носитъ ихъ имя и которая встрѣчается повсюду на камняхъ гробницъ, на памятникахъ искусства, на монетахъ, начиная со дна Чернаго моря и до западныхъ береговъ Средиземнаго моря. Путешествіе не легкое, исполненное трудностей для молодыхъ головъ.

Письменные знаки можно употреблять на различныхъ веществахъ: ихъ вырѣзываютъ на камняхъ или на металлѣ; вычерчиваютъ ихъ ножомъ на древесныхъ листьяхъ, на навощенныхъ деревянныхъ дощечкахъ; выводятъ ихъ на глиняныхъ пластинкахъ, которыя

затѣмъ обжигаются въ печахъ и въ такомъ видѣ могутъ переживать цѣлыя столѣтія, не подвергаясь ни малѣйшей перемѣнѣ; выводятъ ихъ заостренною палкою или остріемъ, обмокнутаго въ чернила, пера на бумагѣ, которую можно приготовить изъ многихъ веществъ. За четыре тысячи лѣтъ до нашей эры, египтяне уже вырѣзывали цѣлыя религіозныя или историческія легенды, иногда очень длинныя, на стѣнахъ своихъ гробовъ, пирамидъ, храмовъ и дворцовъ; эти письма уже не простыя монументныя надписи, потому что иной разъ они могли бы занять, пожалуй, цѣлую сотню страницъ нынѣшней книги. Подобныя подписи, похожія не по формѣ отдѣльныхъ буквъ, а по содержанію и длинѣ, открыты на развалинахъ Персеполиса и Ниневіи. Недавно произведенныя раскопки въ Ассиріи доставили намъ нѣсколько договоровъ, заключенныхъ между частными лицами и писанныхъ на глиняныхъ пластинкахъ и сверткахъ, и даже цѣлыя страницы настоящихъ ассирійскихъ азбукъ или первоначальныхъ учебниковъ языка, на которомъ говорили въ той странѣ.

На развалинахъ древняго Вавилона попадаются даже кирпичи съ выдавленными на нихъ оттисками цѣлаго ряда знаковъ, которые первоначально были вырѣзаны рельефно на деревянной дощечкѣ. Это заставляетъ уже думать о приемахъ, которые впоследствии привели къ изобрѣтенію типографіи.

Однако подобный способъ писанія историческихъ,

религіозныхъ или грамматическихъ разсужденій не даетъ еще понятія о книгѣ — предметѣ, всегда представляющемся вамъ цѣлою коллекціей листовъ, болѣе или менѣе прочно соединенныхъ между собою брошюровщикомъ или переплетчикомъ, болѣе или менѣе удобныхъ для передачи изъ рукъ въ руки, для переноски съ одного мѣста на другое.

Иной разъ текстъ вырѣзывался рѣзцомъ или какимъ-либо остриемъ на металлическихъ пластинкахъ, довольно тонкихъ, а потому и не очень тяжелыхъ, и такимъ образомъ текстъ дѣлался сравнительно удобнымъ для переноски: на примѣръ, одинъ греческій путешественникъ, во второмъ вѣкѣ христіанской эры, видѣлъ въ одномъ беотійскомъ храмѣ собраніе изреченій въ стихахъ древняго поэта Гезіода, вырѣзанныхъ на длинныхъ свинцовыхъ листахъ. Офіціальныя акты у древнихъ народовъ: въ Египтѣ, Ассиріи, Греціи и Италіи, нерѣдко вырѣзывались на каменныхъ или бронзовыхъ пластинкахъ; такую именно форму имѣютъ самыя древніе архивы общаго и частнаго права, международнаго права и того, что нынѣ называется дипломатіей; и эти архивы, разумѣется, не хранились, подобно нашимъ, на полкахъ бібліотеки или въ картонахъ; документы размѣщались вдоль стѣнъ, иногда прибивались къ нимъ гвоздями. Таковы были формулы почетныхъ отпусковъ (*honestae missiones*), которые выдавались военными властями римскимъ солдатамъ послѣ многихъ лѣтъ хорошей службы; такихъ

формуль до насъ дошло штукъ до пятидесяти. А иногда также, если бронзовая пластинка была исписана съ обѣихъ сторонъ, ее подвѣшивали на маленькихъ пѣпочкахъ, такъ чтобы посѣтители могли прочитать написанное послѣдовательно на обѣихъ сторонахъ. Нѣкоторыя вещи, написанныя на бронзѣ и до нынѣ сохранившіяся, имѣють длину, поражающую насъ и кажащуюся намъ не совсѣмъ удобной; въ лѣонскомъ музеѣ, во Франціи, можно видѣть бронзовую доску, которая занимаетъ почти всю стѣну входной залы и представляетъ намъ лучшую часть рѣчи римскаго императора Клавдія о гражданахъ, избранныхъ въ лѣонской колоніи для присутствованія въ римскомъ сенатѣ; есть и еще болѣе длинные документы, написанные на томъ же металлѣ; въ музеѣ, въ городѣ Пармѣ, хранится предлинный договоръ объ арендѣ, который бы занялъ у насъ не менѣе двадцати страницъ in-folio, т. е. въ цѣлый листъ; этимъ договоромъ обезпечивалось существованіе нѣсколькихъ молодыхъ сиротъ. Это самый древній документъ, свидѣтельствующій о существованіи и у язычниковъ благотворительности и помощи, которую христіанская религія вскорѣ послѣ того такъ быстро распространила по всему міру.

Однако же этимъ архивнымъ документамъ, какъ они ни драгоцѣнны сами по себѣ, нельзя еще было придать форму книги. Для этого требовались болѣе удобныя вещества, которыя бы позволили придать

письменнымъ документамъ удобный для переноски видъ. Индійцы, — трудно сказать, съ какого именно времени, — начали употреблять для этой цѣли листья различныхъ растений, и между прочимъ, пальмовые листья. Надлежащимъ образомъ высушенные и отполированные, эти листья могли принимать письменные знаки, начерченные или остриемъ ножа, или перомъ. Нѣсколько листьевъ, приготовленныхъ такимъ образомъ и затѣмъ обрѣзанныхъ въ одинаковый форматъ, соединяли съ помощію нитки, которую продѣвали чрезъ ихъ концы. Самое лучшее представленіе объ этомъ собраніи листьевъ могутъ дать вамъ листья *жалюзи*, которыя мы употребляемъ на окнахъ для защиты отъ солнца. Обрѣзъ такихъ пластинокъ могъ быть окрашиваемъ въ какой-либо цвѣтъ или даже позолоченъ. На этотъ разъ мы уже очень близки къ нашей книгѣ съ раскрашеннымъ или золотымъ обрѣзомъ. Но не таково было начало книжной торговли въ западномъ мѣрѣ. Истинными предками нашихъ книгопродавцевъ были египтяне, а послѣ нихъ греки.

Жители Нильской долины очень рано изобрѣли искусство употреблять туземное растеніе *папирусъ* для приготовленія предмета, который уже можно назвать *бумагой*; объ этомъ свидѣлствуютъ стволы папируса, найденные въ египетскихъ гробницахъ и теперь сохраняемые въ Берлинѣ въ коллекціи Пас-салаквеа. Какъ интересно было бы знать первыхъ виновниковъ этой фабрикаціи! Къ сожалѣнію, до насъ

не дошло ни одного изъ различныхъ трудовъ, написанныхъ древними объ изобрѣтеніяхъ. Лишь въ первомъ вѣкѣ христіанской эры мы находимъ нѣсколько страницъ, о приготовленіи и торговлѣ папирусомъ, у Плинія, автора энциклопедіи, извѣстной подъ именемъ «Естественной исторіи». Изъ этихъ страницъ мы извлекаемъ наиболѣе интересную часть для нашего предмета; вамъ покажется, что это извлечение нерѣдко не отличается точностію, ясностію; но вина за эту неясность падаетъ на латинскаго компилятора или на тѣхъ лицъ, которыхъ онъ заставлялъ работать подъ своимъ руководствомъ, но не наблюдалъ за ихъ работой.

«Папирусъ родится въ болотахъ Египта или въ стоячихъ водахъ Нила, когда онѣ разлившись остаются въ застоѣ въ ямахъ, глубина которыхъ не превосходитъ двухъ локтей. Корневище кривое, толщею въ руку; стебель трехгранный и, имѣя въ вышину не болѣе четырехъ локтей, идетъ постепенно уменьшаясь къ концу...

«Бумагу готовятъ, раздѣляя папирусъ иглою на очень тонкіе, но по возможности широкіе листочки. Самый лучший листочикъ — это листочикъ изъ внутренней части стебля, и такъ далѣе по порядку дѣленія. Бумагу, приготовленную изъ внутреннихъ листочковъ, называли нѣкогда священной, потому что она употреблялась на священныя книги. Лестъ дала ей имя *Августа*, точно также какъ бумага втораго качества

получила имя *Ливии*, его жены. Такимъ образомъ священная бумага сдѣлалась уже бумагою третьяго качества. Четвертому сорту дано было названіе амфитеатровой, по мѣсту приготовленія. Искусный фабрикантъ Фанніусъ забралъ въ свои руки приготовленіе этой бумаги; тщательно выдѣлывая ее по новому способу, онъ сдѣлалъ ее тонкою, изъ простой бумаги превратилъ ее въ бумагу перваго качества и далъ ей свое имя. Бумага, приготовленная не по этому способу, сохранила названіе амфитеатровой, какое она носила и прежде. Затѣмъ идетъ *саитская* бумага, названная такъ по городу Саису, въ которомъ ее выдѣлывалось очень много; выдѣлываютъ ее изъ обрѣзковъ низкаго качества. *Тенеотская* бумага, названная такъ по сосѣднему съ Саисомъ мѣстечку, выдѣлывается изъ листочковъ болѣе близкихъ къ верхней кожицѣ; она продается уже не по качеству, а на вѣсъ. Что же касается до *эмпоретической* бумаги, то ее уже нельзя употреблять для письма; ее употребляютъ только для обертки другихъ сортовъ бумаги и для упаковки товаровъ; отъ этого она и получила свое названіе (бумага торговцевъ). Всѣ сорта готовятъ на столѣ, смоченномъ нильскою водою; мутная жидкость служитъ вмѣсто клея. Сначала, на этомъ поставленномъ наклонно столѣ, склеиваются листочки во всю длину папируса; только обрѣзываютъ ихъ на каждомъ концѣ; затѣмъ поперекъ кладутъ другія полосы, и такимъ образомъ получается череплетенная

ткань. Затѣмъ подвергаютъ ихъ давленію; такимъ образомъ получается листъ, который просушиваютъ на солнцѣ. При укладкѣ, сначала кладутъ самые лучшіе листья, и такъ далѣе до самыхъ худыхъ. Связка этихъ листьевъ составляетъ scapus (десть), въ которой ихъ никогда не бываетъ больше двадцати штукъ.

«Ширина бываетъ очень разнообразна: самые лучшіе сорта имѣютъ тринадцать пальцевъ ширины; священная бумага имѣетъ двумя пальцами меньше въ ширину; бумага Фанніуса—десять пальцевъ, а амфитеатровая—десять. Саитская бумага еще уже, а эмпортетическая имѣетъ болѣе шести пальцевъ. Въ бумагахъ цѣнятъ еще тонкость, плотность, бѣлизну, глянецовитость. Императоръ Клавдій измѣнилъ первое качество: бумага Августа была слишкомъ тонка и не выдерживала давленія пера; кромѣ того, она пропускала буквы насквозь, такъ что когда писали на оборотѣ, немудрено было смарать написанное на лицевой сторонѣ; во всякомъ случаѣ, прозрачность ея была неприятна для глаза. Поэтому основу бумаги дѣлали изъ полосокъ втораго качества, а утокъ изъ полосокъ перваго качества. Клавдій увеличилъ также ширину: размѣръ былъ одинъ футъ для обыкновенной бумаги, локоть для большого формата бумаги, но практика указала на одно неудобство: одна полоска отдѣлившись портила нѣсколько страницъ. Эти преимущества заставили предпочитать бумагу Клавдія всѣмъ другимъ; но слава осталась за бумагой Августа, для



письменныхъ сношеній. Бумага Ливіи, не содержащая въ себѣ ничего перваго качества, а все втораго, осталась на своемъ прежнемъ мѣстѣ.

«Неровности бумаги сглаживаются зубомъ или раковиной, но буквы могутъ стираться; будучи выложена, бумага дѣлается болѣе блестящею, но не совсѣмъ хорошо принимаетъ чернила.

«Обыкновенный клей готовится изъ самой лучшей муки, кипяченой воды и нѣсколькихъ капель уксуса; столярный клей и камедь дѣлаютъ бумагу ломкою. Лучшій же способъ слѣдующій: вскипятить въ водѣ нарѣзанный кусочками хлѣбный мякишъ и процѣдить его; такимъ именно способомъ можно всего менѣе наложить полосокъ сухими, и бумага дѣлается мягче даже полотна. Клей не долженъ быть ни старше, ни моложе одного дня. Затѣмъ разбиваютъ бумагу колотушкой, кладутъ новый слой клея; разглаживаютъ образовавшіяся складки и снова разбиваютъ колотушкой».

Пользуясь этими несовершенными, нерѣдко слишкомъ темными свѣдѣніями, новѣйшіе ученые пробовали не безъ успѣха готовить бумагу по египетскому способу. Одному изъ нихъ удалось даже, слѣдуя указаніямъ Плинія, приготовить изъ стволовъ папируса, и нынѣ растущаго еще въ дикомъ состояніи на островѣ Сициліи, нѣсколько листовъ *charta papyracea*, похожихъ на листы, найденные на развалинахъ въ Египтѣ.

На веществѣ папируса, которому придана форма

длинныхъ полосъ, уписывались цѣлыя страницы вертикальными столбцами, причемъ въ каждомъ изъ нихъ помѣщалось почти одинаковое число строкъ и страницы располагались одна параллельно другой; или же, наоборотъ, строки писались по наибольше узкому направлению полосы или ленты, такъ что получался только одинъ столбецъ отъ одного конца свертка до другаго. Само собою разумѣется, эти полосы не оставались развернутыми, хотя бы онѣ и не были длинны: ихъ свертывали въ свертки. А чтобы довольно хрупкое вещество папируса не ломалось, ихъ обыкновенно наворачивали на деревянный цилиндрической стержень, у котораго на концѣ была пуговка. Къ этой пуговкѣ можно было прикрѣплять билетикъ, на которомъ надписывалось названіе сочиненія. Подобные свертки были удобны для переноски, удобны для храненія. Когда ихъ нужно было переносить и когда ихъ было небольшое число, свертки ставили вертикально въ цилиндрической ящикъ, очень похожій на ящики, въ которыхъ наши парфюмеры сохраняютъ длинные флаконы съ эссенціями. При храненіи свертковъ въ этихъ ящикахъ, которые можно назвать *библіотеками*, ихъ укладывали бокомъ на полкахъ, такъ чтобы пуговка, къ которой привѣшивали заголовокъ сочиненія, торчала наружу. Все это, какъ видитъ читатель, должно было придавать египетской бібліотекѣ видъ одного изъ нашихъ магазиновъ обоевъ, въ которыхъ свертки укладываются подобнымъ же образомъ въ различныхъ

клеткахъ шкапа, смотря по ихъ цвѣту или цѣнѣ. Точно такимъ же образомъ укладываются нерѣдко географическія карты, какъ въ библіотекахъ, такъ и въ магазинахъ.

Нельзя оставить безъ вниманія и замычку свертка: самую древнюю замычку былъ, кажется, снурокъ, который обертывали вокругъ свертка и оба конца завязывали петлей. Маленькій сверточекъ, подобнымъ образомъ замкнутый, попадаетъ въ числѣ знаковъ египетской письменности на очень древнихъ памятникахъ. Нѣсколько штукъ подобныхъ папирусныхъ свертковъ было найдено въ гробницахъ, и теперь ихъ можно видѣть развѣшенными на стѣнахъ, или въ витринахъ въ нѣкоторыхъ музеяхъ.

О такомъ же обыкновеніи свидѣтельствуетъ намъ и прекрасное открытіе, сдѣланное въ прошломъ столѣтіи, на развалинахъ греческаго города Геркуланума, разрушеннаго изверженіемъ Везувія въ 79 году христіанской эры: тамъ въ одной комнатѣ, вѣроятно бывшей библіотекою какого-нибудь философа-эпикурейца, нашли цѣлыя сотни свертковъ, къ сожалѣнію обуглившихся; однако-же нѣкоторые изъ нихъ можно было отчасти развернуть и разобрать греческую надпись нѣсколькихъ философскихъ сочиненій.

Лишь только приготовленіе папируса сдѣлалось обычнымъ промысломъ въ Египтѣ, поэзія, религія и всѣ науки получили удобное, недорогое и, какъ кажется, очень хорошо приспособленное средство для

быстраго распространенія, въ предѣловъ Египта, всего того, что зналъ и думалъ этотъ народъ изобрѣтательныхъ земледѣльцевъ, рабочихъ, искусныхъ артистовъ, врачей, геометровъ, поэтовъ. Но подивитесь же разницѣ, существующей между гениемъ различныхъ народовъ: египтяне были китайцами классической древности; подобно китайцамъ, они питали отвращеніе, если не ненависть, къ другимъ народамъ. Нѣкоторые изъ ихъ царей любили завоеванія, и арміи ихъ проникали очень далеко въ глубь Азіи и на югъ Африки. Но подобнаго рода мирныя завоеванія, которыя мы называемъ прогрессомъ цивилизаціи, распространеніемъ благотворныхъ изобрѣтеній и полезныхъ промысловъ, египтяне искали только для самихъ себя и упорно отказывались подѣлиться ими съ сосѣдними имъ народами. Съ трудомъ върится, — между тѣмъ это почти вполне доказано, — что египетская бумага проникла въ Грецію только около VІІ вѣка до христіанской эры и ни въ какомъ случаѣ не ранѣе. По крайней мѣрѣ египтяне сохраняли за собою, если не секретъ, то привилегію приготовленія бумаги и распространенія ея среди народовъ Средиземнаго моря, для большей выгоды своихъ купцовъ.

Однако же эта монополія, принадлежавшая Египту благодаря тому, что онъ почти одинъ только производилъ въ изобиліи папирусъ, не замедлила вызвать конкурренцію. Въ Малой Азіи, около III вѣка до христіанской эры, промышленники города Пергама усовер-

шенствовали способъ употребленія кожи животныхъ для письма; пергамская бумага (*charta Pergamena*) начала соперничать съ папирусомъ и, во всякомъ случаѣ, послужила полезнымъ дополненіемъ къ египетской бумагѣ въ видѣ сплошныхъ свертковъ, или, благодаря своей большей прочности, въ видѣ крышки для свертковъ изъ папируса. Въ этой *charta Pergamena* вы безъ труда узнаете предметъ, который мы называемъ нынѣ пергаментомъ.

---

## ГЛАВА II.

### Книга папирусная и пергаментная.

Воспроизведение и умножение книг переписчиками.—Библиотеки александрийская и пергамская.—Книга, рассматриваемая как личный трудъ писателя, или какъ выраженіе върванной и національной жизни народа.—Книга государственная.—Книга синяя, Книга желтая и т. д.

Въ числѣ разныхъ народовъ, среди которыхъ торговля распространила египетское изобрѣтеніе, былъ одинъ, у котораго новый товаръ произвелъ изумительное дѣйствіе. Легкая возможность писать и распространять написанное на веществѣ, подобномъ папирусу, сообщила у грековъ сильный толчекъ чловѣческой мысли. Число книгъ всякаго рода значительно увеличилось; частныя лица собирали ихъ цѣлыя коллекціи, учителя школъ запасались имъ для того, чтобы обучать языку Гомера; рассказываютъ даже, что однажды Алкивиадъ (это было въ V вѣкѣ до нашей эры) прибилъ одного учителя школы, у котораго не было экземпляра *Илиады*. Большіе города

также устроили скоро свои библиотекы, въ которыхъ количество томовъ скоро стало считаться тысячами. Тогдашніе томы, безъ сомнѣнія, содержали въ себѣ матеріала меньше нынѣшнихъ. Мы видимъ это по нѣсколькимъ рѣдкимъ экземплярамъ, найденнымъ въ некрополяхъ Египта, и особенно по сверткамъ Геркуланума.

Одинъ документъ, недавно открытый, говоритъ намъ, что, по повелѣнію Птолемея Филадельфа, два поэта, бывшіе въ то же время и учеными, снимали точныя копіи, одинъ трагедій, а другой—комедій, собранныхъ въ громадной библиотекѣ, или скорѣе въ двухъ библиотекѣхъ, основанныхъ въ то время этимъ царемъ, другомъ литературы и науки. По тому же свидѣтельству, число томовъ въ первой библиотекѣ простиралось до 42,800, а во второй—до 490,000. Такое большое число не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, потому что мы можемъ утвердительно сказать, что въ то время существовало уже болѣе 550 трагедій и болѣе 1,500 комедій. Позднѣе, другой поэтъ-грамматикъ, Каллимахъ, составилъ каталогъ всѣхъ этихъ книгъ, о которомъ мы будемъ говорить дальше. Птоломей старался собирать не только греческія произведенія, но и произведенія, писанныя на различныхъ иностранныхъ языкахъ, которыя онъ приказывалъ переводить. Все это даетъ намъ понятіе объ изумительной литературной и ученой плодовитости.

Эти богатые собранія книгъ, нерѣдко уменьшавшіяся вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, какъ-то: пожаровъ или землетрясеній, постоянно возобновлялись и увеличивались, благодаря дѣятельности многочисленныхъ школъ ученыхъ и благодаря менѣе безкорыстной дѣятельности переписчиковъ и книгопродавцевъ. Въ то время нерѣдко раздавались жалобы на небрежно написанныя копии и на соревнованіе книгопродавцевъ, слишкомъ усердствовавшихъ распространять ихъ.

Это побуждаетъ меня сказать нѣсколько словъ о способахъ воспроизведенія книгъ сотнями и тысячами экземпляровъ.

Разъ написанная авторомъ, книга переходила въ руки переписчиковъ; но такъ какъ за однимъ оригиналомъ невозможно было работать разомъ въ нѣсколько рукъ, то книги распространялись бы очень медленно, еслибы не стали диктовать этотъ оригинальный текстъ нѣсколькимъ переписчикамъ, собравшимся въ одинъ кружокъ. Такимъ образомъ вообразите себѣ, что нѣсколько сотъ писцовъ пишутъ разомъ подъ диктовку; тогда они въ теченіи нѣсколькихъ дней воспроизведутъ одно и то же сочиненіе въ сотняхъ экземпляровъ. Разумѣется, такимъ только образомъ римляне могли уже издавать листокъ ежедневныхъ объявленій, который изъ Рима расходился до отдаленныхъ границъ имперіи и распространялъ тамъ военныя новости, городскіе анекдоты, въ сокра-



щенномъ видѣ пренія народа или римскаго сената. По всей вѣроятности, римская газета «Acta diurna populi Romani» ни редактировалась, ни переписывалась съ особенною тщательностью, да это и не особенно требовалось отъ рукописнаго листка, служившаго лишь матеріаломъ для исторіи. Но произведенія литературы, въ особенности образцовыя, подвергались большой опасности при такомъ быстромъ воспроизведеніи. Цицеронъ разъ писалъ одному изъ своихъ друзей: «Я не знаю что и дѣлать съ латинскими книгами, до того онѣ выходятъ искаженными изъ рукъ переписчиковъ и книгопродавцевъ». Около того же времени Страбонъ высказываетъ такія же жалобы греческихъ книгопродавцевъ въ Александріи; но зло пошло еще гораздо дальше: со временъ Демосоеена трагедіи Эсхила, Софокла и Эврипида были до крайности искажены вслѣдствіе неточности копій, нескромности актеровъ, позволявшихъ себѣ слишкомъ свободно передѣлывать ихъ въ угоду зрителямъ, такъ что пришлось подумать о пріисканіи средства противъ зла. Одинъ великій правитель, вмѣстѣ съ тѣмъ и большой любитель литературы, ораторъ Ликургъ, приказалъ тщательно свѣрить варианты наиболее древнихъ изъ этихъ драмъ, послѣ чего онъ велѣлъ написать одинъ образцовый экземпляръ, который и былъ положенъ въ Акрополь или цитадель Аѳинъ; съ тѣхъ поръ съ этого образцоваго экземпляра должны были списываться всѣ копіи для публичныхъ пред-

ставленій драмъ этихъ трехъ великихъ писателей. Много вѣковъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ утраченъ этотъ драгоцѣнный экземпляръ! Онъ недолго даже пролежалъ въ аеинскихъ архивахъ. Одинъ царь египетскій, изъ дома Птолемеевъ, желая непременно имѣть съ него копию для своей богатой александрійской библіотеки, выпросилъ его у аеинянъ подъ залогъ и рѣшился скорѣе лишиться своего залога, чѣмъ возвратитъ драгоцѣнную рукопись. Оставшіяся намъ нынѣ драматическія произведенія Греціи дошли до насъ въ копіяхъ, далеко худшихъ знаменитаго Лигургова экземпляра, и таковъ удѣлъ почти всѣхъ книгъ, оставшихся намъ отъ греческой или римской древности: иной разъ двадцать или тридцать копій отдѣляютъ насъ отъ рукописи самого автора. И авторъ самъ нерѣдко предвидѣлъ опасности, которымъ должно было подвергаться его произведеніе отъ частыхъ переписокъ. Главный христіанскій хронологъ, Евсевій, въ началѣ своей *Хроники*, обращается, въ примѣчаніи, съ горячею мольбою къ своимъ будущимъ переписчикамъ, чтобы они не забывали выставять каждое число противъ событія, къ которому оно относится. Писцы аккуратно переписывали это примѣчаніе, но все-таки не всегда точно исполняли свое дѣло!

Нерѣдко и самъ переписчикъ сознавалъ свои ошибки, и если этимъ переписчикомъ былъ монахъ, что почти постоянно случалось въ средніе вѣка, то онъ на послѣднемъ листѣ книги обращался къ читателю съ

смирвною просьбою простить ему проскользнувшіи ошибки.

Для предупрежденія столькихъ неудобствъ, нерѣдко также прибѣгали къ пересмотру экземпляровъ и поручали такое дѣло какому-нибудь грамматикъ или издателью по профессіи, который брался исправить погрѣшности, ошибочныя наставленія, или по крайней мѣрѣ отмѣчалъ на поляхъ болѣе правильныя наставленія, заимствованныя изъ какой нибудь древней и болѣе авторитетной рукописи; просматривавшій грамматикъ подписывалъ свою работу и обыкновенно обозначалъ даже время ея; мы имѣемъ не мало примѣровъ такихъ подписей.

Теперь, когда мы уже такъ далеко подвинулись впередъ, можетъ быть, пора представить вамъ нѣсколько соображеній о новомъ значеніи, которое придаютъ слову книга по мѣрѣ того, какъ развиваются наука и искусство письма. Поэтому авторъ проситъ читателя нѣсколько сосредоточить свои мысли и удвоить свое вниманіе.

Рядъ страницъ, помѣщенныхъ одна подлѣ другой, но не связанныхъ между собою единствомъ содержанія, а слѣдовательно и мыслей, могутъ занять собою цѣлый томъ, или даже нѣсколько томовъ, и всетаки не составятъ того, что собственно слѣдуетъ называть книгой. Напримѣръ, собраніе различныхъ стихотвореній, или нѣсколькихъ рассказовъ и анекдотовъ, если угодно, будутъ представлять собою книгу, чтеніе ко-

торой очень займетъ; хронологическій списокъ событій, собраніе астрономическихъ или другихъ наблюдений будутъ интересовать серьезныхъ читателей и ученыхъ по профессіи; но всѣ произведенія подобнаго рода не предполагаютъ у автора таланта задумать и написать совершенно самостоятельный по мысли трудъ, созданіе воображенія или знанія,—не предполагаютъ таланта составить планъ такого труда и выполнить этотъ планъ въ точности, давъ каждой части предмета соответствующіе размѣры. Это послѣднее качество самое высокое качество въ произведеніяхъ ума, и стоитъ указать авторовъ, которые представляютъ намъ первый примѣръ этого. Авторъ не хочетъ этимъ сказать, что можно съ полною точностью опредѣлить въ исторіи мѣсто и время этого перваго примѣра, но вѣдь хорошо уже и то, если мы можемъ подкрѣпить свои мысли нѣсколькими собственными именами, составляющими эпоху въ древней литературѣ. Для краткости, ограничимся однимъ именемъ, можетъ быть самымъ знаменитымъ и самымъ великимъ во всей греческой литературѣ. Аристотель составлялъ компиляціи фактовъ, анекдотовъ, наблюдений, вопросовъ и т. д.; но это не будутъ книги въ высокомъ значеніи этого слова, какъ стараемся опредѣлить его мы. Онѣ имѣютъ свою пользу, но не представляютъ собою громаднаго ума, обнимающаго различныя части науки для того, чтобы изложить ихъ по извѣстному методу. Этотъ самый Аристотель написалъ въ трехъ книгахъ *Pemo-*

*рику*, въ которой онъ методически излагаетъ начала и правила ораторскаго искусства; онъ написалъ *Исторію животныхъ* (Руководство къ зоологіи), въ которой распреждены по классамъ, по сходству органовъ, всѣ извѣстныя тогда животныя; въ которой описаны отправления этихъ различныхъ органовъ и объяснены настолько, насколько это позволяло состояніе знаній во времена Александра Великаго. Вотъ двѣ книги, двѣ прекрасныхъ книги, которымъ компетентные судьи удивляются еще и нынѣ, не смотря на всѣ успѣхи, сдѣланные наукою со временъ Александра Македонскаго. Сюда же можно бы было присоединить и *Политику* того же автора, еслибы она дошла до насъ въ лучшемъ состояніи.

Такъ какъ мы уже начали философствовать по поводу книгъ, то останемся еще на нѣкоторое время въ этой высокой области. Произведеніе, въ которомъ основатель какой-нибудь религіи изложитъ свое ученіе, становится у народа, среди котораго оно появилось, священной книгою, Книгою по преимуществу. Таковъ у учениковъ Магомета *Коранъ*, или собраніе наставленій, по ихъ глубокому убѣжденію продиктованныхъ свыше этому знаменитому пророку. Таковъ, говорятъ, у мексиканцевъ *Пополь-Вухъ*. Иногда также догматы и преданія народа излагаются въ цѣломъ рядѣ произведеній, собраніе которыхъ составляетъ *Книгу*; таковы въ Индіи *Веды*, собраніе религіозныхъ пѣсней, текстъ которыхъ сохранялся въ теченіи шестнадцати

столѣтій до нашей эры и составляетъ сущность браминской религіи. Таковы въ Китаѣ *Кини*, отчасти приписываемые Конфуцію, философу и реформатору, жившему въ VI вѣкѣ до Рождества Христова. У евреевъ болѣе пространный и всѣмъ намъ извѣстный подъ названіемъ *Ветхаго Завета* сборникъ содержитъ въ себѣ писанія, въ которыхъ изложены исторія, законодательство и религія народа Божія. Къ этимъ книгамъ, обыкновенно называемымъ *каноническими*, потому что онѣ включены въ *канонъ*, т. е. въ освященный духовными властями списокъ, у христіанъ присоединяются четыре Евангелія и другія писанія, составляющія *Новый Заветъ*; оба завета вмѣстѣ у грековъ получили названіе Библии. Библия представляетъ собою по преимуществу книгу всѣхъ христіанскихъ общинъ.

Въ такомъ частномъ смыслѣ книга служитъ нѣкоторымъ образомъ выраженіемъ національности; она представляетъ сущность вѣрованій великой семьи народовъ и иногда служитъ связью, соединяющею чрезвычайно крѣпко всѣхъ ея членовъ.

Двѣ великія Эпопеи, носящія имя Гомера, *Илиада* и *Одиссея*, имѣютъ почти такой же характеръ въ языческой Греціи; но если греки и почитали Гомера, какъ истолкователя ихъ стародавнихъ вѣрованій, однако они никогда не дѣлали изъ него пророка, вдохновеннаго богами. Двѣ его поэмы представляли первоначальную исторію и самую древнюю географію эллин-

скаго міра; собственно говоря, онѣ не выражали догматъ, теологію. Двѣ поэмы Гезіода: *Теогонія*, или краткая исторія боговъ, и *Труды и дни*, сборникъ наставленій въ стихахъ о земледѣліи, мореплаваніи, образѣ жизни, были также весьма почитаемыми памятниками мудрости древнихъ вѣковъ; но онѣ не имѣли авторитета, подобнаго авторитету Библии.

Сколько значеній слова книга можно бы еще привести вамъ! Но мы ограничимся только двумя или тремя.

Древніе уже знали книги воспоминаній (*libri commentarii*, или просто *commentarii*), какъ, на примѣръ, воспоминанія Юлія Цезаря о *Войнѣ галловъ*, по своей простотѣ представляющія образцовое повѣствованіе; они знали счетныя книги (*libri rationum*), въ которыя гражданинъ заносилъ свой приходъ, а иногда также дѣйствія своей повседневной жизни. Имѣя однажды надобность оправдать предъ лицомъ римскаго народа свою проконсульскую дѣятельность въ одной провинціи, древній ораторъ и римскій генералъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Катона Цензора, прочиталъ страницу изъ своей счетной книги,—страницу, дошедшую до насъ и представляющую свидѣтельство его рѣдкой бережливости и неподкупности. Въ христіанскихъ семействахъ, отъ среднихъ вѣковъ до нашихъ дней, также велись *Памятныя книги*, куда заносились главныя домашнія событія, какъ-то: рожденіе дѣтей,

подробности объ ихъ воспитаніи, объ ихъ гражданскомъ, военномъ или духовномъ призваніи.

А государственная книга? скажете вы; что такое государственная книга? Это цѣлый рядъ списковъ, въ которые занесены, въ министерствѣ финансовъ, имена всѣхъ кредиторовъ государства, съ суммою ихъ долговой претензіи. Нельзя не признаться, что хотя эта государственная книга и представляетъ собою замѣчательное орудіе для хорошаго управленія финансами, но мало привлекательна для чтенія.

А Синяя книга, Желтая книга, Зеленая книга и т. д.? Это сборники, издаваемые ежегодно въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ министрами иностранныхъ дѣлъ; въ этихъ сборникахъ перепечатываются главные дипломатическіе документы. Каждое государство избрало для обложки этихъ книгъ особый цвѣтъ, который и служитъ для отличія ихъ; у Франціи, на примѣръ, желтая обложка, у Англіи синяя, у Австріи—красная, у Италіи зеленая.

---



## ГЛАВА III.

### Книга у грековъ и римлянъ.

Библіотеки. — Торговля книгами. — Участъ поэтической книги. — Книжныя лавки мѣсто свиданія ученыхъ и библіофиловъ. — Гомеровскія поэмы долго передаются на память. — Микроскопическія изданія. — Стѣнныя карты. — Хроника острова Пароса. — Исторія въ барельефахъ для употребленія школь.

Въ то время, на которомъ мы остановились въ предыдущей главѣ, сдѣлавъ длинное отступленіе, ремесло переписчиковъ, переплетчиковъ, книгопродавецъ находилось уже въ полномъ процвѣтаніи. Книги готовились всякихъ размѣровъ, всякаго формата; появлялись дорогія изданія, компактыя изданія, изданія съ примѣчаніями, изданія иллюстрированныя, или по крайней мѣрѣ, украшенныя портретомъ автора. Частныя лица спорили въ щедрости съ царственными особами и республиками, основывая громадныя библіотеки, обогащая и организуя ихъ. Въ Афинахъ, городъ эллинскомъ по преимуществу, городъ чрезвы-

чайно гордившемся своимъ превосходствомъ надъ другими греческими городами и даже надъ своими побѣдителями, римлянами, сыновья которыхъ стремились въ ихъ школы, въ этихъ Аѳинахъ вы, вѣроятно, нашли бы только греческія книги. Тамъ господствовало сильное презрѣніе ко всякой иностранной литературѣ. Александрійская бібліотека открылась уже болѣе широко и для другихъ сочиненій, кромѣ сочиненій эллиновъ; она имѣла уже всѣ еврейскіе оригиналы всѣхъ книгъ Ветхаго Завета, которые были переведены въ этомъ городѣ на греческій языкъ для употребленія весьма многочисленныхъ евреевъ, забывшихъ свой родной языкъ; этотъ переводъ извѣстенъ подъ названіемъ перевода семидесяти толковниковъ. Основанная въ Египтѣ, при самомъ впаденіи Нила въ Средиземное море, Александрія имѣла также громадное населеніе египтянъ, въ числѣ которыхъ было не мало ученыхъ, способныхъ перевести на греческій языкъ нѣкоторыя изъ произведеній египетскихъ писателей, относящихся къ первоначальнымъ временамъ удивительной цивилизаціи, такъ долго процвѣтавшей въ этой странѣ. Такимъ образомъ, одинъ жрецъ, по имени Манетонъ, перевелъ съ египетскаго языка хронологію царей, отъ самаго начала до того времени, въ которое онъ жилъ самъ, т. е. до царствованія Птолемея Филадельфа; три вѣка спустя, другой переводчикъ, вѣроятно грекъ по происхожденію, Хермонъ, написалъ книгу объ іероглифахъ, въ ко-

торой объяснилъ, конечно для своихъ соотечественниковъ, тайны языка фараоновъ. Какъ жаль, что подобныя сочиненія не дошли до насъ цѣликомъ, что отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ остались только клочки, а отъ другихъ даже одинъ лишь заголовокъ! Сохранившись до нашего времени, они избавили бы отъ большаго труда ученыхъ, называемыхъ нынѣ египтологами и занимающихся, съ необыкновенною проицательностью, истолкованіемъ трехъ различныхъ письменъ, оставшихся намъ на памятникахъ и папирусахъ древняго Египта.

Но главнымъ образомъ вы въ Римѣ нашли бы, въ началѣ христіанской эры, богатые книгохранилища, основанныя и организованныя учеными, которые еще не были лингвистами по профессіи, какіе есть нынѣ, но интересовались сочиненіями, написанными на различныхъ языкахъ. Этрусскіе писатели присоединили свою долю къ богатствамъ библіотеки, которую Цезарь поручилъ заботамъ перваго ученаго его времени, Теренція Варрона. Послѣ покоренія въ Африкѣ карфагенянъ, римляне вывезли изъ ихъ земли книги, написанныя на пуническомъ, т.-е. финикійскомъ языкѣ, въ особенности же трактаты о земледѣліи, которые были скоро переведены на латинскій языкъ для употребленія римлянъ; но Греція по преимуществу наводняла римскіе рынки своими произведеніями; а такъ какъ римская литература соперничала въ плодovitости съ литературою грековъ, то въ главныхъ римскихъ

библіотекахъ пришлось создать два отдѣленія: одно для греческихъ книгъ и другое—для латинскихъ; причемъ каждое отдѣленіе имѣло своего хранителя. Иные изъ этихъ хранителей, какъ, напримѣръ, грамматикъ Юлій Гигинусъ, отпущенникъ Августа и другъ Овидія, оставили славное имя въ исторіи литературы; было даже время, когда надсмотръ надъ библіотеками былъ одною изъ важныхъ должностей въ имперіи. При императорѣ Адрианѣ, эту должность занималъ Кай Юлій Вестинусъ, который, кажется, былъ также въ это царствованіе и начальникомъ императорской канцеляріи. Около того же времени, въ Римѣ умеръ грекъ Епафродитъ, родившійся рабомъ; благодаря своимъ познаніямъ сдѣлавшись наставникомъ сына одного египетскаго правителя, онъ приобрѣлъ громаднаго богатства, имѣлъ два дома въ Римѣ, въ торговомъ кварталѣ. Въ этихъ двухъ домахъ, если вѣрить его біографу, онъ собралъ тридцать тысячъ томовъ, избранныхъ изъ числа самыхъ лучшихъ и самыхъ рѣдкихъ.

Римъ былъ въ то время городомъ, изобиловавшимъ учеными и любителями чтенія. Утромъ вы могли встрѣтить на улицахъ мальчика, отправляющагося, какъ описываетъ намъ поэтъ Ювенальъ, въ школу, въ сопровожденіи маленькаго невольника, несшаго за нимъ въ сумкѣ его учебники, тетрадки и письменныя принадлежности. Иной изъ этихъ учениковъ получалъ даже въ награду прелестный экземпляръ какого-ни-

будь классика, сообразно обычаю, первый примѣръ которому подалъ въ Греціи Исократъ и которому послѣдовалъ римскій профессоръ Верій Флаккъ. Учитель школы, въ свою очередь, имѣлъ небольшой запасъ книгъ съ замѣтками его самого или кого-нибудь изъ его собратовъ, которыми онъ и пользовался при своихъ урокахъ. По дорогѣ въ школу попадались книжныя лавки, выставки книгъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ, прежде чѣмъ купить книгу, можно было перелистовать ее и до нѣкоторой степени ознакомиться съ ея содержаніемъ, какъ мы дѣлаемъ это и нынѣ.

Раскрывъ сборникъ посланій Горация, можно прочесть тамъ, напримѣръ, прелестное прощаніе поэта со своею книгою, лучшую часть котораго мы приводимъ здѣсь въ прозѣ: «Ты моя, книга, какъ будто смотришь въ сторону Вертумна и Януса (намекъ на кварталъ книгопродавцевъ), горя, безъ сомнѣнія, нетерпѣніемъ, по отполированіи пемзой, отправиться на полки къ Сосіямъ (братья Сосіи знаменитые въ то время книгопродавцы въ Римѣ). Ты не можешь выносить ни ключей, ни печатей, этихъ милыхъ для стыдливости стражей; ты боишься попасть въ руки челоуѣка слишкомъ мало любопытнаго; ты добиваешься извѣстности, ты, которую я вскормилъ съ другими чувствами. Ну, бѣги же туда, гдѣ ты такъ горишь желаніемъ споткнуться. Разъ ты вышла, для тебя уже нѣтъ возврата. «Что я надѣлала, несчастная, чего я пожелала?» скажешь ты, если тебя постигнетъ неудача; и ты

знаешь, какъ захлопнетъ тебя пресыщенный любитель, котораго ты не съумѣла завлечь. Если я могу, не навлекая на себя вины, предсказать твою участь, то ты будешь мила римлянамъ до тѣхъ поръ, пока ты сохранишь прелести возраста. Тогда, измученная въ рукахъ толпы, ты упадешь въ цѣнѣ, или будешь безмолвно питать червей, спрятавшихся въ твоихъ листахъ, или ты бѣжишь въ Утику (т. е. въ захолустный, отдаленный городъ), въ Африкѣ, или тебя отправятъ крѣпко связанною въ Илерду (въ Испанію); другая опасность: можетъ придти время, когда отвергнутая въ Римѣ, заброшенная въ его предмѣстья, на старости лѣтъ ты попадешь въ руки малыхъ ребятъ для обученія ихъ началамъ грамматики.»

Безъ сомнѣнія, учителя школъ, по личной бережливости или въ видахъ экономіи для своихъ учениковъ, покупали у книгопродавцевъ предпочтительно завлащившіяся книги. Горацій боялся, чтобы и его книгу не постигла такая печальная участь.

Книжныя лавки привлекали не однихъ покупателей; они служили также мѣстомъ свиданія людей любознательныхъ, занимавшихся тамъ литературными бесѣдами. Тамъ между ними завязывались споры о достоинствахъ выставленныхъ изданій; вонъ такая-то книга была за подписью грамматика, съ величайшею тщательностью просмотрѣвшаго текстъ, а вотъ этотъ экземпляръ Вергилія, будто бы, происходитъ изъ дома и даже изъ самаго семейства поэта. Съ любо-

пытствомъ разсматривали въ немъ, какое чтеніе, какую ореографію тотъ предпочиталъ въ мѣстѣ, подвергавшемся спорамъ критиковъ. Но всего болѣе привлекали вниманіе безспорно собственноручныя рукописи, т. е. писанныя рукою самого автора ихъ. Историкъ Тацитъ зналъ въ молодости ученаго, составившаго такимъ образомъ коллекцію автографовъ знаменитыхъ личностей. При такой чрезмѣрной любознательности, слѣпая страсть библіофиловъ нерѣдко впадала въ ошибки, и поддѣльватели разставляли ей не разъ сѣти: на примѣръ, когда Птоломеи основали въ Александріи свою знаменитую библіотеку, книги начали туда стекаться массами; но, увы! торговля приносила ихъ безъ всякаго разбора, и нерѣдко продавцы представляли въ это книгохранилище произведенія, или поддѣльныя, или и совсѣмъ ложныя; такимъ образомъ библіотекарю, завѣдывавшему покупкою книгъ, предлагали по два и по три экземпляра одного и того же сочиненія съ именемъ Аристотеля. Нѣкоторые плоды подобнаго обмана и нынѣ еще имѣются на нашихъ глазахъ,—между прочимъ, краткое изложеніе Системы міра, будто бы написанное для юнаго царя Александра его наставникомъ, философомъ; это произведеніе одинаково мало достойно какъ того, такъ и другаго. Смѣлость поддѣльвателей нерѣдко простиралась еще гораздо дальше. Одно важное лицо, другъ императора Веспасіана, снисходительно дозволило показать себѣ автографъ мнимаго

письма, писаннаго къ царю Пріаму однимъ изъ его союзниковъ, Сарпедономъ, царемъ ликійцевъ. (Нужно замѣтить, что и самое искусство письма, по всей вѣроятности, еще не было извѣстно въ Азіи во время троянской войны.) Три вѣка спустя, на рынкѣ въ Аѳинахъ продавали рукопись *Одиссеи* Гомера, которую владѣлецъ выдавалъ за собственноручную рукопись поэта; здѣсь мы напомнимъ еще разъ, что, по наиболѣе вѣроятному мнѣнію, Гомеръ и гомеровскіе герои не знали употребленія письма, гомеровскія поэмы, долгое время, передавались изъ устъ въ уста и сохранились въ памяти пѣвцовъ, рассказывавшихъ ихъ на публичныхъ площадяхъ или въ палатахъ важныхъ особъ. Слѣдовательно, эти пѣвцы, во времена героической Греціи, были чѣмъ-то въ родѣ ходячихъ книгъ, содержащихъ въ своей памяти поэтическія преданія о прошломъ. Говорятъ, что нѣкоторые туземные народы въ Америкѣ имѣли также «людей-архивы», вѣрно сохранявшіе въ своей памяти длинныя отрывки прозы и даже цѣлыя мирныя договоры. Подобнымъ же образомъ, въ древней Индіи, Веды и длинныя эпическіе рассказы долгое время передавались на память; не доказано, чтобы индійцы знали искусство письма до времени похода Александра Македонскаго. Даже въ нашемъ столѣтіи и почти на нашихъ глазахъ былъ еще примѣръ такого могущества памяти сохранять древнія поэмы: національная эпопея финляндцевъ *Калевала* записана на бумагѣ лишь не



болѣ сорока лѣтъ назадъ; отдѣльныя пѣсни ея распѣвались и все еще распѣваются въ деревняхъ странствующими пѣвцами *рунойями*; изъ ихъ-то устъ онѣ и были послѣдовательно собраны и записаны.

Впрочемъ, память во всѣ времена могла быть нѣкоторымъ образомъ соперникомъ письменности. У нѣкоторыхъ лицъ, какъ, на примѣръ, у актеровъ и музыкантовъ по профессіи, она бываетъ такъ велика, что удерживаетъ вѣрно такіе длинные тексты, что ими можно покрыть нѣсколько сотъ страницъ. Древніе знали много примѣровъ такой изумительной памяти: такова именно была память знаменитаго афинянина *Θемистокла*; такова же была память и римскаго риторика *Сенеки*, отца философа. Иной разъ, это искусство запоминанія становилось почти низкимъ ремесломъ, ремесломъ рабовъ. Философъ, имя котораго только-что было упомянуто, рассказываетъ въ своемъ *XXVII Письмѣ*, что одинъ римлянинъ, богатый и глупый педантъ, окружилъ себя рабами, изъ которыхъ каждый зналъ наизусть всѣ произведенія какого-нибудь знаменитаго поэта, такъ что, по знаку своего господина, могъ повторить тотъ или другой отрывокъ, подходящій къ предмету разговора съ его друзьями.

Но вернемся снова къ книгопродавцамъ въ Афинахъ и въ Римѣ. Нерѣдко они предлагали покупателямъ экземпляры, весьма цѣнные по различнымъ причинамъ. То они были замѣчательны по качеству папируса или пергамента, то—по роскоши или изяще-

ству переплета; иногда привлекали благоухание кедра или полировка кипариса, изъ которыхъ были сдѣланы корки книги. Въ это время не всѣ уже книги были свертками; то были не рѣдко квадратныя книги или Codices, т. е. подобранные листки, связанные другъ съ другомъ, какъ у насъ, ниткой, стиснутые между двумя дощечками, или, покрайней мѣрѣ, между двумя листами пергамента. Въ концѣ-концовъ этотъ способъ одержалъ верхъ надъ другими, и въ слѣдующіе вѣка мы почти его одного только и видимъ въ употребленіи.

Плодовитость писателей, въ особенности историковъ и компиляторовъ (указываютъ на одного изъ послѣднихъ, грамматика и компилятора Дидима Александрійскаго, выпустившаго въ свѣтъ, во времена Августа, 8,000 томовъ!), заставила очень рано почувствовать необходимость уменьшенія толщины и вѣса ихъ книгъ; съ этою цѣлью книги писались на очень тонкой бумагѣ и очень мелкимъ почеркомъ. Такимъ образомъ, сто дварцать семь книгъ, изъ которыхъ состояла *Римская исторія* Тита Ливія, представляли собою во времена Марціала (въ I вѣкѣ послѣ Рождества Христова) компактное изданіе, можетъ быть даже всего изъ одного тома. Другое диво. Цицеронъ видѣлъ, неизвѣстно въ какой библіотекѣ, всю *Иліаду* (т. е. болѣе 15,000 стиховъ) заключенною въ такомъ маломъ пространствѣ, что вся рукопись умѣщалась въ орѣховой скорлупѣ. Вы съ трудомъ этому вѣрите,

а между тѣмъ семнадцать столѣтій спустя, придворѣ французскаго короля Людовика XIV, ученый эллинистъ Гюэ, епископъ авраншскій, доказывалъ однажды, что это чудо можно бы было воспроизвести на надлежащаго качества веленовой бумагѣ вороновымъ перомъ и почеркомъ столь мелкимъ, какъ его (онъ забылъ прибавить и съ глазами, какъ его).

Но драгоценныя книги и компактыя книги представляютъ собою не болѣе какъ мало полезныя курьезы и свидѣлствуютъ только о крайнихъ предѣлахъ искусства у переписчиковъ. Серьезнѣе была заслуга иллюстрированныхъ изданій, какъ ихъ называли бы нынѣ, въ которыхъ рисунки для иллюстраціи текста, а иногда портреты, были исполнены или посредствомъ копирования, на глазъ, или посредствомъ болѣе грубаго слѣпка.

Геометрическая или астрономическая книга не могла обойтись безъ фигуръ; естественно-историческая книга также чрезвычайно нуждалась въ нихъ; географическій трактатъ былъ бы бесполезнымъ безъ картъ. Но кажется, что во времена Варрона уже дошли до обнаруженія біографій съ портретами каждой личности. Два или три портрета древнихъ писателей, переданные намъ въ средневѣковыхъ рукописяхъ (портреты поэтовъ Теренція, Горація и Виргилія), дозволяютъ опасеніе, что до изобрѣтенія гравюры подобная *иконографія*, называемая, однакоже, Плиніемъ «благодѣтельнымъ изобрѣтеніемъ», передавала очень невѣрно черты лица

знаменитыхъ людей. Многочисленные бюсты, изъ мрамора и бронзы, дошедшіе до насъ изъ классической древности, и полурельефныя фигуры на греческихъ и римскихъ медаляхъ, кажется, имѣли большое сходство.

Впрочемъ, за неимѣніемъ удобнаго способа для точнаго воспроизведенія большаго числа экземпляровъ географическаго или топографическаго рисунка, старались облегчать способы пользованія ими; съ этою цѣлію ихъ рисовали или вырѣзывали на стѣнахъ.

Во времена Августа общая карта міра, приготовленная трудами ученыхъ географовъ, покрывала стѣны портика, построеннаго зятемъ самого императора, знаменитымъ Агриппой. Одинъ поэтъ того же времени свидѣтельствуетъ, что географію изучали по стѣннымъ картамъ, но не въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова, подразумѣвающаго у насъ карты, которыя должны висѣть на стѣнахъ; тогдашнія же карты были буквально нарисованы на стѣнахъ публичныхъ зданій, а иногда школъ. Въ римской школѣ древняго французскаго города Отена карты были также нарисованы на стѣнахъ ея классовъ, и обломки ихъ попадаются на развалинахъ этого города.

Это напоминаетъ о другомъ любопытномъ документѣ, который не можетъ не интересовать молодежь. На греческомъ островѣ Паросѣ, столь знаменитомъ своими предестными мраморами, нашли, лѣтъ двѣсти назадъ, на развалинахъ школы мраморныя доски, на которыхъ была написана краткая хронологія всей гре-

ческой исторіи, со времени баснословнаго царствованія Кевропса въ Аѳинахъ (въ 1582 году) и до 243 г. до Рождества Христова, вѣроятно до-того самаго года, въ которомъ была сдѣлана эта надпись.

Такимъ образомъ дѣти на стѣнахъ своей школы учились не только географіи, но иногда и первоначальной исторіи; эти каменные книги имѣли то преимущество, что могли сохраняться много лѣтъ безъ серьезнаго поврежденія вмѣстѣ съ самымъ зданіемъ, часть котораго онѣ составляли.

Иногда для сосредоточенія вниманія учениковъ, прибѣгали къ скульптурѣ барельефомъ. Мы имѣемъ еще нѣсколько такихъ барельефовъ, исполненныхъ на камнѣ или слоновой кости; на нихъ изображены главные сцены изъ героическихъ легендъ Греціи и даже сцены изъ исторіи въ собственномъ смыслѣ слова. Подъ каждымъ предметомъ находится короткая легенда на греческомъ языкѣ, а иногда имя поэта, у котораго дѣти могли найти болѣе подробный рассказъ каждой сцены. Это было нѣчто въ родѣ памятной книжки, очень привлекательной для молодыхъ умовъ.

Въ римскихъ земляхъ мы находимъ нѣсколько календарей, написанныхъ на камнѣ для употребленія публики. У римскихъ гражданъ не было книжечекъ съ картами ихъ города, но они могли, по крайней мѣрѣ, видѣть на Капитоліи планъ Рима, вырѣзанный на мраморѣ. Многочисленные обломки этого плана сохранились донинѣ.

## ГЛАВА IV.

### Книга у грековъ и римлянъ.

Критики.—Издатели.—Авторы.—Странная судьба нѣкоторыхъ произведеній.—Литературные отрывки, найденные въ египетскихъ гробницахъ.—Книга мертвыхъ.—Каталогъ греческой литературы, составленный хранителемъ александрийской библіотеки.—Списки театральныхъ представлений.

Каменные книги немного отвлекли насъ отъ другихъ книгъ; пора уже вернуться къ нимъ. Гораздо больше картинъ рекомендовали любителямъ книгу комментаріи ко всѣмъ произведеніямъ, чтеніе которыхъ было затруднительно или вслѣдствіе устарѣлости языка, или по самому свойству предмета. Гомеръ, на примѣръ, чрезъ двѣсти или триста лѣтъ послѣ сочиненія *Илиады* и *Одиссеи*, уже не читался бѣгло; къ нему нужны были объясненія, или, какъ говорили впоследствии, схоліи. Примѣчанія, сначала очень короткія и выставившіяся на поляхъ или между строками, скоро превратились въ очень длинныя, вслѣдствіе толкованія темныхъ мѣстъ, объясненія древ-

нихъ нравовъ и обычаевъ; и страницы поэмы оказывались окруженными и обремененными этимъ грузнымъ вѣсомъ учености. Иногда также комментаріи превращались въ особое произведеніе, въ которое помѣщали только тѣ строки или слова текста, которыя желали объяснить; тогда приходилось ссылаться, съ помощью какихъ-либо пояснительныхъ знаковъ, на каждое нужное мѣсто оригинальнаго текста; но эти ссылки дѣлались не такъ, какъ у насъ, указаніемъ страницы, а указаніемъ строкъ. Такимъ образомъ комментаторъ рѣчи Цицерона сказалъ бы: «строка 226, считая съ начала», и вслѣдъ за этою ссылкой удовольствовался бы выпискою нѣсколькихъ строкъ текста, который онъ жаждетъ объяснить. Вообще у грамматиковъ и критиковъ древности длина отрывка прозы измѣряется числомъ строкъ, что намъ кажется сначала страннымъ, но во всякомъ случаѣ такой способъ ни чуть не произвольнѣе нашего способа счисления по страницамъ. Однако же неудобство этого способа состоитъ въ томъ, что греческое слово *stichos* и слово *versus*, которымъ оно переводится на латинскій языкъ, оба имѣютъ значеніе какъ стиха, такъ и строки; такимъ образомъ иной новѣйшій библіографъ можетъ принять за поэму прозаическое сочиненіе.

Книги, написанныя тщательно искусными каллиграфами, и тексты, дополненные комментаріями, не были единственными предметами, стоившими дорого въ древней книжной торговлѣ. Очень рано поэмы,

а также и прозаическія произведенія, болѣе и болѣе старѣясь, возбуждали вопросы, разрѣшить которые старались грамматика по профессіи, или *критики*, какъ ихъ называли въ то время; на примѣръ, въ обѣихъ эпопеяхъ Гомера многіе стихи, а нерѣдко и длинныя мѣста подавали поводъ къ спорамъ; оспаривали ихъ значеніе, или подлинность; приписывали погрѣшности памяти рапсодовъ или рукъ переписчиковъ иные варианты, оскорблявшіе щепетильный умъ издателя-критика. Позднѣйшія сочиненія, какъ, на примѣръ, *Диалогы* Платона, какъ извѣстно, написанныя и изданныя самимъ авторомъ ихъ, требовали толкованій для лучшаго пониманія ихъ. Задавались вопросомъ, дѣйствительно-ли историческая личность то или другое лицо, или не скрылъ-ли Платонъ, подъ псевдонимомъ, ритора, демагога, философа, на идеи или на поведеніе которыхъ онъ нападалъ. Самыя подраздѣленія діалога, въ которомъ, какъ въ комедіи, говорящія лица перемѣняются почти на каждой строкѣ, могли сбивать переписчиковъ и заставлять дѣлать ошибки, которыхъ добросовѣстный издатель долженъ былъ, конечно, остерегаться. Мы знаемъ нѣкоторыхъ изъ такихъ издателей: Аполлоній и Аристархъ—для Гомера, Гермодоръ и Дерциллидасъ—для Платона. Чтобы привести въ порядокъ столь разнообразныя примѣнанія, требовавшіяся къ трудному тексту, они придумали особенные знаки, изъ которыхъ каждый соотвѣтствовалъ извѣстному роду при-



мѣчанія. Эти знаки, выставленные на поляхъ текста, указывали читателю, что нужно справиться съ комментариемъ. Знаменитая рукопись *Илиады*, относящаяся къ X вѣку христіанской эры и принадлежащая бібліотекѣ святаго Марка въ Венеціи, представляетъ намъ именно такую повѣсть, снабженную знаками Аристарха и грамматиковъ, его учениковъ.

Легко догадаться, что подобныя книги нельзя было воспроизводить въ очень большомъ числѣ и что ихъ рѣдкость дѣлала ихъ очень дорогими. Поэтому для насъ не можетъ быть ничего удивительнаго въ томъ, что нѣкоторые книгопродавцы хранили въ своихъ лавкахъ такіе экземпляры, которые они позволяли просматривать только за деньги; въ такихъ случаяхъ книжная лавка превращалась почти въ такое мѣсто, какое мы нынѣ называемъ кабинетомъ для чтенія.

Вы, конечно, уже сами догадываетесь, что среди такой торговой и ученой дѣятельности книгопродавцы и служащіе у нихъ работали не даромъ и что книжная торговля была выгоднымъ промысломъ. Горацій въ слѣдующихъ выраженіяхъ отзывается о поэмѣ, которая должна имѣть успѣхъ: «Вотъ эта книга дастъ барышъ Сосіямъ». Но какую долю въ этихъ прибыляхъ имѣлъ авторъ? Это обстоятельство плохо извѣстно, и объ этомъ предметѣ до насъ дошло очень мало свѣдѣній. Разумѣется, слѣдовало бы быть такъ, чтобы поэтъ жилъ своимъ талантомъ, но, увы! всего чаще случалось, что талантъ не обогащалъ его, и начало писа

тельской карьеры требовало гораздо больше издержекъ, чѣмъ доставляло выгодъ. Если авторъ дѣлался знаменитостью, тогда онъ уже могъ предлагать свои условія своему книгопродавцу, а при случаѣ и разорить его въ свою очередь, отдавая ему новыя сочиненія только за наличныя деньги или по формальному контракту для того, чтобы обезпечить себѣ большую долю въ прибыляхъ.

Что же касается до поэтическихъ произведеній, дававшихся на театрѣ, то и за нихъ тоже давалось вознагражденіе; но такъ какъ древніе театры открывались лишь нѣсколько разъ въ теченіе года и такъ какъ право входа было весьма ограниченное, то антрепренеръ не могъ платить дорого ни Плавтамъ, ни Теренціямъ. Талантъ же актеровъ, напротивъ, очень щедро вознаграждался, и въ этомъ отношеніи наибольшее сходство между древними и нашими нравами; талантливый лицедѣй пожималъ руку авторамъ и антрепренерамъ. Несомнѣнно, трагедія или комедія, имѣвшая успѣхъ на представленіи, легко находила книгопродавцевъ для распространенія своего въ свѣтѣ, и такая продажа могла принести хорошую пользу. Рассказываютъ, что нѣкій греческій поэтъ, по имени Анаксандридъ, жившій въ IV вѣкѣ до нашей эры, не могъ перенести неуспѣха на сценѣ. Когда одна комедія его сочиненія потерпѣла крушеніе на сценѣ, онъ «отдалъ ее дрогисту, чтобы тотъ разорвалъ ее на клочки». Эти клочки разорванной книги шли на заверты-

ваше товара. Объ этомъ свидѣтельствуемъ намъ Гораций, когда онъ обращается съ слѣдующими грустными словами къ сборнику своихъ стихотвореній: «Меня вынесутъ на улицу, гдѣ продаютъ оиміамъ и духи, и перецъ и все, что завертываютъ въ безсмысленную бумагу». Для книги, не понравившейся публикѣ, это то же, что плѣсневѣть и быть стѣвденной червями гдѣ-нибудь въ углу лавки, о чемъ говоритъ тотъ же самый поэтъ въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій.

Негодная бумага, испачканная чернилами какимъ-нибудь писателемъ—неудачникомъ, служила также матеріаломъ для упаковки, и много разъ клочки папируса, за которые мы заплатили бы болѣе, чѣмъ на вѣсъ золота, находили себѣ такое вульгарное употребленіе. Въ Египтѣ нѣкоторые ящики съ муміями заключали въ себѣ цѣлые кипы бумаги, въ которыхъ попадались иной разъ отрывки, представлявшіе для насъ настоящія сокровища. Мумія, недавно найденная Маріеттомъ въ гробницѣ Саккахъ, содержала въ себѣ письменное произведеніе, лежавшее на груди умершаго вмѣсто нагрудника. Эта рукопись представляла, ни болѣе, ни менѣе какъ сотню стиховъ, написанныхъ прелестнымъ греческимъ языкомъ; то были стихи Алкмана, одного изъ наиболѣе знаменитыхъ лирическихъ поэтовъ древности; странная судьба для произведенія, спасеннаго отъ забвенія только благодаря этой единственной въ своемъ родѣ случайности.

Такъ какъ этотъ странный анекдотъ переносить насъ съ читателями въ долину Нила, то будетъ кстати рассказать здѣсь о другомъ обычаѣ египтянъ. Они имѣли обыкновеніе класть подлѣ умершаго, въ ящикъ, содержащій его мумію, вещи, относившіяся къ его дѣламъ, напримѣръ, письма и въ особенности экземпляръ погребальнаго служебника, который антикваріи обыкновенно называютъ *книгою мертвыхъ*. Подобно тому какъ въ Египтѣ существовало бальзамированіе перваго, втораго или третьяго разряда, такъ и погребальные служебники были различныхъ размѣровъ: болѣе или менѣе пространные, писанные и украшенные рисунками руки искусныхъ каллиграфовъ. Такимъ же точно образомъ и въ наши дни имѣются церковные служебники неодинаковой толщины и дѣны, что зависитъ отъ полноты или краткости текста, отъ болѣе или менѣе роскошныхъ печати и переплета.

Если авторы такого множества сочиненій всѣхъ возможныхъ родовъ не извлекали изъ нихъ матеріальной для себя выгоды, то не было-ли имъ, по крайней мѣрѣ, обезпечено право на почетъ, на извѣстное уваженіе? Къ сожалѣнію, имя писателя подвергалось всегда большой опасности исчезнуть съ заголовка его книги. Сначала, нѣкоторыя сочиненія,—какъ, напримѣръ, большая часть защитительныхъ рѣчей, у аеи-нянъ, писались для того, чтобы быть прочитанными или произнесенными другими лицами, а не самимъ авторомъ, и послѣдній, получивъ извѣстную сумму за

свой трудъ, не имѣлъ возможности обезпечить за собою въ послѣдствіи право литературной собственности. Имена, поставленные во главѣ или въ концѣ свертка, по справедливости подвергались тамъ болѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, всѣмъ удобствамъ для уничтоженія; всѣмъ извѣстно, какимъ опасностямъ обыкновенно подвергаются первыя и послѣднія страницы книги, нерѣдко исчезая вслѣдствіе ветхости или крайней небрежности. Этой бѣдѣ книгопродавцы и библиографы старались помочь таблицами и каталогами, гдѣ подъ именемъ каждаго автора были выставлены заголовки его сочиненій, а иногда даже и первыя строки каждой книги для того, чтобы облегчить ихъ отысканіе. Одинъ очень извѣстный поэтъ александрійской школы, бывшій хранителемъ громадной библіотеки въ этомъ городѣ при третьемъ царѣ изъ дома Птолемеевъ, по имени Каллимахъ, составилъ такимъ образомъ настоящую библиографію греческой литературы, о громадномъ объемѣ которой можно судить уже потому, что она состояла болѣе, чѣмъ изъ ста двадцати книгъ, изъ которыхъ каждая соотвѣтствовала извѣстному классу сочиненій, въ стихахъ или прозѣ. Какъ далеко простиралось въ этомъ трудѣ усердіе ученаго хранителя, вы можете видѣть изъ того, что кухня занимала въ немъ мѣсто рядомъ съ исторіей и философіей. Тамъ вы могли видѣть сочиненія автора пересчитанными по строкамъ, сообразно обычаю, о которомъ уже было говорено выше: напримѣръ, собраніе сочиненій Ари-

стотеля, по словамъ одного компилятора, безъ сомнѣнія почерпавшаго свѣдѣнія изъ этого источника, достигало страшной цифры 445,270 строкъ!

Другаго рода каталогъ, болѣе древній, чѣмъ трудъ Каллимаха, представляли списки театральныхъ представлений, въ которыхъ фигурировали имена авторовъ и названія ихъ пьесъ, при чемъ время обозначалось именемъ дѣйствовавшаго въ томъ году правителя; иногда тамъ выставлялось имя артиста, написавшаго музыку къ пьесѣ, а иногда также и имена главныхъ актеровъ. Вы безъ труда поймете пользу подобныхъ документовъ для литературной исторіи. Они помогли опредѣлить время появленія знаменитыхъ произведеній, сравнить между собою различныя редакціи одного и того же произведенія, которыя могли оказаться въ одной и той же библіотекѣ, и рѣшить которая изъ этихъ редакцій была дѣйствительно подлинною. Чтобы понять услуги, оказанныя Каллимахомъ и его послѣдователями біографамъ знаменитыхъ людей, стоитъ только открыть книгу Діогена Лаерція, сборникъ свѣдѣній о главныхъ философахъ Греціи, изъ которыхъ каждое заканчивается довольно правильно спискомъ ихъ сочиненій. Эти списки нерѣдко поддѣльны, и для исправленія ихъ нужны болѣе древніе документы; но, увы! эти документы погибли всѣ, и въ отношеніи каталоговъ египетскія развалины до сихъ поръ доставили намъ лишь разрозненные остатки, на нѣсколькихъ клочкахъ папируса, списка сочиненій Аристотеля и

его учениковъ; вотъ все, что, по всей вѣроятности, осталось отъ древнихъ инвентарей александрійской библиотеки. Къ счастью для насъ, нѣкоторыя части сочиненій, въ которыя занесено столько названій, встрѣчаются въ компиляціяхъ новѣйшаго времени, откуда наши новѣйшіе историки считаютъ долгомъ извлекать ихъ.

---

## ГЛАВА V.

### Различныя судьбы древнихъ книгъ.

Временная скудость папируса даже на берегахъ Нила.—Замѣна бумаги дощечками и обломками глиняной посуды.—Бѣдный ученый принужденъ писать свои сочиненія на обломкахъ своей столовой посуды.—Истребленныя огнемъ библиотеки въ Александріи, Римѣ и Ліонѣ.—Свертки папируса, найденныя въ библіотекѣ Геркуланума.—Стѣсненіе при Цезаряхъ свободы письма.—Книги, истребленныя или сожженныя по повелѣнію сената.

До сихъ поръ мы почти исключительно видѣли только возростающее процвѣтаніе литературы и книжной торговли, но правдивый историкъ не долженъ умалчивать и объ ихъ злословіяхъ.

Многочисленны и разнообразны были они.

Если никогда не ощущался недостатокъ въ мысли, составляющей существенный матеріалъ книги, за то въ матеріалѣ коммерческомъ и промышленномъ, бумагѣ, не разъ чувствовали нужду какъ писатели, такъ и книгопродавцы. Повидимому, на нее всегда стояла довольно высокая цѣна. Во времена Перикла, въ самый



блестящій вѣкъ эллинской цивилизаціи, листъ бумаги средней величины стоилъ около четырехъ франковъ на нынѣшнія деньги, т. е. столько же, сколько нынѣ стоятъ почти полтораста листовъ бумаги среднихъ размѣра и качества. Это подтверждаетъ намъ одинъ аѳинскій документъ, относящійся къ 410 году до христіанской эры: счетъ расходовъ, сдѣланныхъ на постройку знаменитаго храма Эрехтея, одного изъ красивѣйшихъ зданій аѳинскаго акрополя. Поэтому для сочиненій, не требовавшихъ слишкомъ много мѣста, нерѣдко употребляли легкія деревянныя дощечки. Отъ такихъ дощечекъ осталось нѣсколько обломковъ, изъ которыхъ одинъ сохраняется въ витринахъ луврскаго египетскаго музея, въ Парижѣ. Такой же обычай существуетъ еще и нынѣ у мусульманскихъ народовъ въ Африкѣ и на Востокѣ.

Въ Египтѣ, главнымъ и, можетъ быть, единственномъ средоточіи приготовленія папирусной бумаги, это драгоцѣнное растеніе подобно всякому другому, было подвержено переменчивости временъ года. Были годы урожайные и были годы неурожайные. Вслѣдствіе этого иной разъ ощущался недостатокъ бумаги, который не всегда возмѣщало приготовленіе болѣе дорогаго пергамента. Было, по крайней мѣрѣ, два случая, когда ощущался недостатокъ въ бумагѣ: одинъ—при Даріѣ Охусѣ, и другой—въ царствованіе императора Тиберія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, когда единственною причиною бѣдствія, можетъ быть,

было замедленіе подвоза изъ Александріи, недостатокъ бумаги принялъ размѣры настоящаго бича для столицы міра; возникли бы серьезныя смуты и, можетъ быть, опасности для общественнаго спокойствія, еслибы не поручили тогда третейскимъ судьямъ распредѣленіе, соотвѣтственно потребности и спросу, того малаго количества, которое Египетъ прислалъ въ итальянскіе порты.

Въ нашихъ нынѣшнихъ музеяхъ есть другія свидѣтельства, и для насъ очень странныя, скудости папируса даже на берегахъ Нила. Нѣкоторыя рукописи на папирусѣ, происходящемъ изъ Египта, представляютъ собою, что называется, *опистографы*, т.-е. онѣ написаны съ обѣихъ сторонъ, и написанное на оборотѣ представляетъ совсѣмъ другой по содержанію текстъ противъ написаннаго на лицевой сторонѣ: на примѣръ, семейныя письма или хозяйственные счета на оборотѣ трактата объ астрономіи или діалектикѣ. Это дѣлалось, очевидно, изъ экономіи, чтобы утилизировать такимъ образомъ другую поверхность свертка папируса. Но вещь еще болѣе странная, кто повѣрилъ бы, что въ I вѣкѣ нашей эры римскіе солдаты, размѣщенные въ верхнемъ Египтѣ, и чиновники римскаго управленія, не имѣя бумаги для веденія своихъ повседневныхъ счетовъ, на примѣръ, росписокъ въ полученіи жалованья и различныхъ поборовъ, писали эти росписки на остракахъ, т. е. на обломкахъ глиняной посуды? Нельзя не признать, что это былъ ма-

териаль не совсѣмъ удобный для переписки, и однако имъ пользовались даже для интимной переписки. Еслибы письменность на этихъ особенныхъ документахъ не была чаще всего греческая и легко разбираемая, еслибы на ней не было удобочитаемыхъ помѣтокъ времени написанія, никто не подумалъ бы, что такой обычай существовалъ такъ долго, и что онъ появился за долго до упадка древней литературы и книжной торговли. Однако въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ моемъ маленькомъ музеѣ есть нѣсколько такихъ обломковъ, есть одинъ даже чрезвычайно рѣдкій: это почти третья часть вмѣстимости большой вазы, на которой какой-то египетскій христіанинъ написалъ очень плохимъ греческимъ языкомъ рассказъ о чудѣ Иисуса Христа и дополнилъ его трогательнымъ и простодушнымъ гимномъ во славу Божію.

Предполагають, что бѣдность заставляла нѣкоторыхъ писателей писать такимъ порядкомъ цѣлыя сочиненія на обломкахъ ихъ столовой посуды. Таковой именно фактъ рассказываютъ объ Апполоніѣ Дисколѣ, наиболѣе знаменитомъ изъ всѣхъ греческихъ грамматиковъ, жившемъ въ вѣгѣ Антониновъ. Но изъ его многочисленныхъ сочиненій намъ осталось еще столько, что если собрать все, то' получится очень толстая книга. Сколько мѣста должны были занимать и сколько вѣсить подобныя черновыя сочиненія! Намъ скорѣе думается, что легенда раздула фактъ, дѣйствительный

въ своемъ основаніи. Грамматикъ, прежде чѣмъ сдѣлаться знаменитымъ, жилъ, можетъ быть, очень бѣдно и подобно римскимъ солдатамъ и чиновникамъ въ Египтѣ, подобно впослѣдствіи христіанскимъ отшельникамъ Оиваиды, могъ отъ времени до времени писать нѣкоторыя замѣчанія, нѣкоторыя воспоминанія на обломкахъ глиняной посуды. Вѣдь есть же у арабовъ легенда, что Магометъ писалъ Коранъ, подъ диктовку ангела, на дощаткахъ барана. Подобно всѣмъ историческимъ героямъ, подобно Александру Македонскому и Карлу Великому, и книга имѣетъ свою легенду.

Перейдемъ же теперь къ серьезной исторіи.

Въ странахъ, наиболѣе богатыхъ трудолюбивыми писателями, всякаго рода тружениками для воспроизведенія и распространенія созданий ума, прискорбно видѣть, сколькимъ опасностямъ могли подвергаться книги, которыя, казалось, даже съ самаго своего появленія на свѣтъ должны были найти у публики самый радушный пріемъ. Знаменитый Аристотель, говорятъ, завѣщалъ всѣ свои рукописи наиболѣе ученому изъ своихъ учениковъ, Теофрасту. Послѣдній, не имѣя времени обнародовать ихъ всѣ, въ свою очередь, завѣщалъ ихъ наслѣдникамъ, мало достойнымъ такой чести, такъ что наслѣдство долгое время оставалось заброшеннымъ въ подвалѣ, гдѣ много томовъ испортилось. Это преданіе, если оно вѣрно истинно, объясняетъ намъ, почему въ такомъ плохомъ

состояніи дошли до насъ многія сочиненія величайшаго философа древности. Оно объясняетъ также, почему эти книги распространились такъ поздно на Западѣ и почти не были извѣстны римлянамъ до взятія Аѳинъ ихъ полководцемъ Силлой. Другой болѣе странный примѣръ печальной участи: одинъ изъ Птоломеевъ въ Египтѣ, преемникъ государей, основавшихъ богатую александрійскую бібліотеку, однажды, неизвѣстно за что, разгнѣвался на ученыхъ и изгналъ всѣхъ изъ своего царства. Подобнаго рода преслѣдованіе не могло продолжаться долго у народа столь дружественно расположеннаго къ искусствамъ, какъ эллины и, слава Богу, мы видимъ, что оно не причинило большаго вреда ни наукѣ, ни поэзіи. По странному совпаденію, китайскія лѣтописи относятъ къ царствованію Чинъ-Тси-Гоанга, бывшаго почти современникомъ Птолемея Филометора, большое преслѣдованіе ученыхъ и истребленіе многихъ тысячъ древнихъ книгъ, въ числѣ которыхъ указываютъ на замѣчательные памятники китайской мудрости, отъ которыхъ какъ бы чудомъ сохранилось лишь нѣсколько экземпляровъ.

Эти злословія слѣдуетъ приписать причудамъ деспотической воли, но даже при регулярномъ состояніи древняго общества, книги и ихъ авторы не разъ подвергались другимъ опасностямъ:

Прежде всего случались несчастные случаи. Очень часто архивы и бібліотеки были опустошаемы или

совсѣмъ истребляемы огнемъ. При взятіи Александри Юліемъ Цезаремъ, пламя похитило одну изъ громаднѣхъ библіотекъ этого города, находившуюся въ кварталѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Брухіума. Во время пожара, устроеннаго въ Римѣ безумно-жестокимъ Нерономъ; также исчезли три библіотеки со всѣми заключавшимися въ нихъ литературными сокровищами. Провинціальныя города не были защищены отъ подобныхъ бичей. Въ царствованіе Клавдія, городъ Ліонъ (называвшійся тогда Лугдунумъ) былъ до основанія уничтоженъ огнемъ въ одну ночь. Но послѣ такихъ несчастныхъ случаевъ обыкновенно почти всегда довольно быстро возстановлялись. Когда сгорѣлъ Капитолій, во время гражданской войны, окончившейся побѣдою Веспасіана, отъ всѣхъ сокровищъ, собранныхъ въ этомъ древнемъ святилищѣ религіи и патриотизма, остались одни разрушенныя клочки: тамъ съ давняго времени были собраны многія тысячи списковъ и бронзовыхъ таблицъ, составлявшихъ архивы имперіи.

Прибѣгнувъ къ копіямъ большинства этихъ подлинныхъ текстовъ, находившимся въ другихъ складахъ, удалось опять возстановить собраніе ихъ, доходившее числомъ до трехъ тысячъ отдѣльныхъ документовъ; это Светоній, біографъ Веспасіана, справедливо называетъ *instrumentum imperii pulcherrimum*. Полвѣка спустя послѣ пожара, истребившаго городъ Ліонъ до основанія, послѣдній дѣлается болѣе, чѣмъ когда либо,

цвѣтушимъ, благодаря изящнымъ искусствамъ и торговлѣ. Онъ имѣетъ книгопродавцевъ, и эти книгопродавцы наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшатъ выставлять въ своихъ лавкахъ то, что нынѣ называется новостями литературы. Плиній младшій узналъ съ радостью, которую онъ и высказываетъ въ своей перепискѣ, что его книги находили поклонниковъ на столь отдаленномъ отъ Рима и даже отъ его родины, Кома, рынкѣ.

Къ тому же періоду исторіи (79 г. послѣ Рождества Христова) относится воспоминаніе о Геркуланумѣ и Помпеи, засыпанныхъ горячимъ пепломъ Везувія. По крайней мѣрѣ въ первомъ изъ этихъ двухъ городовъ нашли въ одной комнатѣ тысячу семьсотъ свертковъ папируса, которые всѣ принадлежали библіотекѣ эпикурейца и значительную часть которыхъ могли разобрать неаполитанскіе ученые, благодаря своему изумительному терпѣнію и прилежанію. Менѣе счастливый въ этомъ отношеніи городъ Помпея не далъ намъ ни одной изъ книгъ, которыя онъ заключалъ въ себѣ въ свое время; а между тѣмъ и теперь еще можно видѣть тамъ лавку книгопродавца съ рабочей комнатой для переписчиковъ, которую очень легко узнать по надписямъ на ней и по ея внутреннему устройству; но влажный пепелъ, проникшій повсюду въ этомъ городѣ, разрушилъ тамъ до мельчайшихъ частицъ папирусъ и пергаментъ. Искусные исследователи, руководящіе раскопками этихъ развалинъ,

отчапваются найти тамъ остатки хотя одной рукописи, имѣющей видъ книги; нашли тамъ лишь нѣсколько приходорасходныхъ счетовъ, написанныхъ на навощеныхъ деревянныхъ дощечкахъ; всѣ эти счета разобраны безъ большого труда.

Рядомъ съ этими несчастными случаями надо предполагать и болѣе или менѣе насильственные разрушенія, которыя приходится приписать, увы! злой волѣ людей.

Поэтъ Овидій представляетъ намъ первый примѣръ этого; изгнанный изъ Рима императоромъ Августомъ за проступокъ, тайну котораго такъ никогда и не узнали, и сосланный въ небольшой городокъ на берегахъ Эвксинскаго Понта (нынѣ Черное море), онъ могъ еще писать тамъ довольно свободно элегіи, въ которыхъ онъ оплакиваетъ свою печальную участь; но посылая свои стихи въ Римъ, онъ, какъ мы видимъ, не совсѣмъ былъ увѣренъ въ приемѣ, который они должны были найти тамъ. Вы не безъ интереса прочтете, даже въ слабомъ прозаическомъ переводѣ, нѣсколько строкъ посланія, которое Овидій, въ подражаніе Горацию, обращаетъ къ сборнику своихъ *Tristes*, какъ онъ называлъ ихъ: «Маленькая книжка, —я не досадую на это,—ты отправляешься безъ меня въ *Городъ* (Римъ), куда не можеть послѣдовать за тобою твой господинъ. Иди, но плохо одѣтая, какъ и подобаеть книгѣ изгнанника. Несчастливая, береги нарядъ своего несчастія; да не окраситъ пурпуръ



твоего покрыва, — его цвѣтъ не идетъ къ тому, кто носить трауръ. Да не привлекаетъ глазъ сурикъ твоего заголовка, и кедръ да не наполняетъ благоуханіемъ твоихъ листьевъ. Два бѣлыхъ шарика да не выдѣляются на твоёмъ черномъ обрѣзѣ (это концы стержня, на который наворачивался папирусъ). Такой красивый уборъ будетъ украшать счастливыя книги. А ты, ты не можешь забыть о моёмъ несчастіи. Твои два обрѣза не будутъ отполированы пемзой, чтобы можно было видѣть въ беспорядкѣ твой головной уборъ (т. е. необрѣзанные края папируснаго свертка). Не краснѣй за свои помарки: при видѣ ихъ, всякій пойметъ, что онѣ сдѣланы моими слезами. Иди же, моя книга, и привѣтствуй отъ моего имени тѣ дорогія мѣста...» И послѣ этого подробнаго до мелочей описанія поэтъ переносится мысленно въ храмы и дворцы своего дорогаго города Рима, въ которомъ онъ опасается повсюду козней и пробужденія гнѣва государя, отправившаго его въ изгнаніе. Онъ представляетъ книгу попадающую въ домъ, въ которомъ она встрѣтитъ своихъ старшихъ сестеръ, и опасующеюся и тамъ возбудить подозрѣнія противъ своего господина. Изъ этого мы видимъ, какъ нерѣдко тяжело уже было положеніе писателей въ послѣдніе годы царствованія Августа.

Свобода сочиненія и обнародованія книгъ, конечно, была велика у грековъ и римлянъ; но такъ какъ она вырождалась иной разъ въ разнузданность, то для

сдерживанія ея въ границахъ нужны были законы, и эти законы не рѣдко примѣнялись съ большою строгостью. Не только присуждали къ сожженію позорящіе честь пасквили (что, конечно, было вполне справедливо), но строгость распространялась даже на серьезные историческіе труды, авторъ которыхъ грѣшилъ только излишнимъ поклоненіемъ или просто уваженіемъ къ павшему правительству. Такимъ образомъ, при императорѣ Тиберіѣ, былъ осужденъ историкъ Кремуцій Кордъ за то, что говорилъ съ уваженіемъ о послѣднихъ защитникахъ республики, Брутъ и Кассіѣ. До него, другой лѣтописецъ, книги котораго были сожжены по повелѣнію сената, не захотѣлъ пережить ихъ истребленія и покончилъ жизнь свою самоубійствомъ. Сочиненія Тацита дошли до насъ не всѣ. Этотъ великій писатель отзывался съ суровой независимостью о царствованіи первыхъ императоровъ; онъ мужественно порицалъ Нерона и Домициана. Можно думать, что именно эта свобода и была до извѣстной степени причиною исчезновенія нѣкоторыхъ его произведеній. Преемникамъ первыхъ Цезарей не нравилось, что въ римскомъ обществѣ распространяются проникнутыя столь благородною печалью сужденія о политическихъ порядкахъ, отъ которыхъ страдалъ, которыхъ, можетъ быть, заслужилъ своими преступленіями давно уже выродившійся Римъ.

Разсказываютъ, что императоръ Тацитъ, считавшій

себя потомкомъ знаменитаго историка, озаботился о воспроизведеніи его сочиненій и о распространеніи ихъ по бібліотекамъ. Кто знаетъ, не этой-ли счастливой случайности мы обязаны тѣмъ, что можемъ читать, по крайней мѣрѣ, половину этихъ краснорѣчивыхъ разсказовъ, дѣлающихъ честь уму человѣческому.

---

## ГЛАВА VI.

### Книги въ первые христіанскіе вѣка.

Нетерпимость христіанства къ еретическимъ книгамъ.—Что дѣлается съ языческою литературою при суровости Церкви и невѣжествѣ варваровъ.—Сохраненіе древнихъ преданій Боаціемъ и Кассіодоромъ.—Дѣятельность первыхъ отцовъ Церкви по защитѣ и распространенію христіанства.—Многоязычная Библия Оригена.—Уменьшеніе научныхъ сочиненій.—Сокращеніе въ руководства нѣкоторыхъ великихъ произведеній.—Сохраненіе нѣкоторыхъ произведеній греческихъ писателей въ переводахъ на восточные языки.—Преимущества и неудобства этихъ переводовъ.

Послѣ политическихъ страстей слѣдуетъ отдать отчетъ также и о религіозныхъ спорахъ.

Въ дѣлѣ религіи языческіе народы отличались часто терпимостью. У нихъ было столько различныхъ боговъ, что имъ ничего не стоило впустить еще одного лишняго въ свои храмы. Общественныя власти были строги у нихъ только къ завѣдомымъ безбожникамъ. До сихъ поръ еще мало извѣстно безспорныхъ примѣровъ этихъ строгостей. Процессы за нечестивость

были нерѣдки; но не видно, чтобы погубило много книгъ, болѣе или менѣе не религіозныхъ, вслѣдствіе осужденія ихъ авторовъ. Этого не было даже и послѣ торжества христіанства. Христіанскій догматъ, очень рано сформулированный апостолами, а затѣмъ учеными богословами на соборахъ, не допускалъ свободы обсужденія и толкованія, которую политеизмъ позволялъ самымъ смѣлымъ изъ его философовъ.

Напримѣръ, Эпикуръ, рѣшительный отрицатель языческихъ боговъ, спокойно и счастливо жилъ въ Аѳинахъ, гдѣ, вокругъ него, процвѣтали и древній культъ, и инныя новѣйшія, иностраннаго происхожденія суевѣрія. Христіанское общество было менѣе снисходительно, какъ къ еретикамъ, такъ и къ философамъ, нападавшимъ на его таинства, на его теологію. Противъ христіанства писали въ особенности трое ученыхъ: Цельсій, Порфирій и Юліанъ. Строго осужденныя, преданныя поруганіямъ и поношенію, ихъ сочиненія не могли пережить времени, въ которое они появились: отъ нихъ сохранились лишь отрывки въ прозѣ христіанскихъ ученыхъ, писавшихъ возраженія противъ нихъ. Что же касается до знаменитаго Арія, ересіарха очень долго колебавшаго основы христіанскаго ученія, то его книга, преданная анаѳемѣ на соборахъ, исчезла совершенно.

Даже помимо этихъ преслѣдованій объясняющихся искреннею страстію у православныхъ христіанъ, естественно было ожидать, что торжество новой религіи

мало-по-малу погрузить въ забвеніе многія произведенія языческой литературы. Одного папу обвиняють въ поощреніи уничтоженія языческихъ сочиненій; но этотъ папа, Григорій Великій, нашелъ себѣ защитниковъ въ этомъ отношеніи, и, кажется, теперь доказано, что его единственная вина заключалась въ томъ, что онъ совѣтовалъ членамъ духовенства ограничивать свое образованіе латинскою Библіею и ея комментаторами. Великій епископъ, святой Василиій Великій, двумя вѣками раньше, совѣтовалъ, напротивъ, изучать древнихъ поэтовъ Греціи и доказывалъ, что подобное изученіе, надлежащимъ образомъ направленное учителями, спасительно для воспитанія сердца и ума. Твореніе святаго Василія объ этомъ предметѣ сдѣлалось классическимъ въ школахъ, подобно сочиненію Плутарха о воспитаніи дѣтей.

Теперь мы дошли до времени великаго нашествія варваровъ, которое внесло въ цивилизованный міръ много другихъ неурядиць, помимо борьбы двухъ непримиримыхъ религій.

Я не знаю, хорошо-ли разъяснили историки, — въ особенности тѣ, которые пишутъ для молодежи, — все то, что должна была потерять цивилизація вслѣдствіе нашествія этихъ милліоновъ людей безъ всякой культуры, безъ всякой любви къ искусствамъ, безъ всякаго уваженія къ памятникамъ, благодаря гению художниковъ размножившимся по всему Западу. Самая промышленность, служившая только удобствамъ жизни,

должна была очутиться въ пренебреженіи у народовъ, преданныхъ войнѣ или грубымъ наслажденіямъ кочевой жизни. Много времени потребовалось для того, чтобы эти грубые завоеватели почувствовали расположеніе къ тонкостямъ болѣе цивилизованной жизни. Готы, гунны, вандалы, всѣ эти варвары, ринувшіеся на Европу и не умѣвшіе ни читать, ни писать, могли лишь въ послѣдствіи заинтересоваться книгами и библиотечками, имѣвшими такую большую цѣну для побѣжденныхъ. Къ счастью, Евангеліе проникало въ ихъ души не посредствомъ одной только проповѣди; они должны были мало-по-малу научиться чтенію священныхъ книгъ. Впрочемъ, разъ сдѣлавшись распорядителями громаднхъ имперій, они должны были имѣть, для управленія дѣлами, сколько-нибудь образованныхъ министровъ; они имѣли надобность въ правильно-организованныхъ канцеляріяхъ, и такимъ образомъ они начали дѣлаться учениками грамматиковъ и риторовъ, которыхъ Римъ и Греція предлагали имъ въ большомъ изобиліи. Не одинъ ученый латинскаго Запада сдѣлался министромъ короля-варвара: таковъ былъ Боэцій, переводчикъ и комментаторъ Аристотеля, при дворѣ Теодорика; таковъ же былъ и Кассіодоръ, большой почитатель литературы, большой поощритель всѣхъ искусствъ, облегчавшихъ производство книгъ, украшеніе и распространеніе ихъ. Нѣкоторые короли сами огазывались ревностными поборниками знанія; король франковъ, Хильперикъ, одно время съ удоволь-

ствіемъ занимался выдумываніемъ новыхъ буквъ для азбуки.

Не смотря на все это, какъ въ греческомъ, такъ и въ римскомъ мірѣ школы дѣлались менѣе многочисленными, искусство письма болѣе и болѣе обращалось къ рутинѣ практики, вкусъ измѣнялся, языкъ портился, и пониженіе знаній было бы не вознаградиво, еслибы христіанство не придало падавшимъ обществамъ могущественный элементъ жизни. По истеченіи нѣсколькихъ вѣковъ, всѣ литературныя школы сдѣлались христіанскими, и обученіе новому догмату, поддерживая повсюду дѣятельность умовъ, оспаривало мракъ невѣжества и предупредило бѣдствіе, къ которому бы привелъ совершенный перерывъ ученыхъ изслѣдованій. Что христіанство обнаруживало горячность въ спорахъ, плодовитость въ проповѣди, объ этомъ можно судить по сочиненіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ новой религіи. Цѣлыми томами *in-folio* счтаются творенія первыхъ отцовъ Церкви святаго Августина и святаго Іоанна Златоуста. Библия одна, сама по себѣ, потребовала громадныхъ трудовъ, хотя бы только для перевода съ еврейскаго на греческій и латинскій языки и для болѣе легкаго распространенія, такимъ образомъ, среди народовъ Востока и Запада. Вы знаете, что Ветхій Завѣтъ, въ оригиналѣ представляетъ большой томъ, даже въ самыхъ компактныхъ изданіяхъ. Вообразите же себѣ, чѣмъ должна была быть многоязычная Библия Оригена, собраніе



шести расположенныхъ параллельными столбцами текстовъ всѣхъ каноническихъ твореній: текстъ еврейскій, текстъ латинскій, четыре и даже пять различныхъ переводовъ на греческій языкъ. Какой громадный трудъ, какіе расходы предполагали подобныя книги! Латинскій переводъ Библии, извѣстный у католиковъ подъ названіемъ *Вульгаты*, принадлежитъ преимущественно святому Иерониму. Нѣтъ ничего любопытнѣе предисловія этого ученаго мужа во главѣ каждаго изъ произведеній, которыя онъ переводилъ по еврейскому или халдейскому оригиналу. Тутъ видно, какую страсть къ изслѣдованію, какую тонкость толкованія обнаруживали эти ученые, какъ еще легки были сношенія между различными школами, между библиотеками, между книжными торговлями цивилизованныхъ народовъ.

Внѣ религіознаго обученія, наука, правда, начала падать. Естественная исторія, астрономія и вообще знаніе физическаго міра болѣе и болѣе сводились къ поверхностнымъ понятіямъ. Краснорѣчиво прославляли красоты творенія—*дѣло шести дней*; это было даже любимымъ предметомъ христіанской проповѣди (отсюда названіе *Hexameron*, которое, между прочимъ, носитъ сборникъ поученій святаго Василія), но міръ уже не изучали такъ, какъ изучали его знаменитые физики и астрономы греческой древности. Приспосаблиясь къ потребностямъ менѣе любознательнаго общества, наука превратилась въ краткія руководства

которыя стоили малаго труда ихъ авторамъ, малыхъ расходовъ книгопродавцамъ и ихъ покупателямъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эта манія краткихъ руководствъ была бичемъ для серьезной и изящной литературы. Въ одномъ трудѣ, въ тридцати семи книгахъ, ученый римлянинъ Плиній представилъ картину природы и цивилизованнаго міра (*Historia naturalis*). Когда эта энциклопедія нашла себѣ сократителя (этотъ сократитель назывался Солиномъ, а его маленькая книжечка называлась *Polyhistor*), она болѣе и болѣе начала приходить въ забвеніе; однакоже, она не исчезла и для насъ еще представляетъ богатый складъ учености. Но масса краткихъ изложеній убили большую книгу, которую они резюмировали для невѣжественной массы читателей. Безъ сомнѣнія, такимъ именно образомъ мы лишились, цѣликомъ или отчасти, большихъ историческихъ трудовъ, какъ, на примѣръ, трудовъ Теопомпа и Полибія у грековъ, Трога Помпея и Тита Ливія у римлянъ.

Менѣе извѣстный примѣръ,—но мы приведемъ его, потому что онъ кажется намъ характернымъ,—представляетъ маленький латинскій словарь, составленный во времена Карла Великаго діакономъ Павломъ. Во времена Августа, грамматикъ Веррій Флаккъ, бывшій въ теченіи нѣкотораго времени наставникомъ внуковъ этого императора, составилъ большой историческій словарь латинскаго языка, содержащій въ двадцати книгахъ всѣ слова, даже самыя древнія, съ цитатами

изъ авторовъ; словарь этотъ былъ настоящей сокровищницей самой разнообразной учености, но именно вслѣдствіе своего богатства онъ показался скоро обременительнымъ. Три вѣка спустя, нѣкто Помпей Фестъ сдѣлалъ изъ него первое сокращеніе, которое, въ свою очередь, показалось слишкомъ длиннымъ для учителей и школъ тѣхъ варварскихъ временъ, когда Карлъ Великій и Алкуинъ старались пробудить любовь къ наукамъ; и вотъ діакону Павлу было поручено сократить, въ свой чередъ, книгу Помпея Феста. До насъ дошелъ только этотъ послѣдній трудъ, самый короткій и наименѣе поучительный изъ всѣхъ трехъ; первый исчезъ безслѣдно; отъ втораго осталось только около половины статей, начиная съ буквы М, въ рукописи, которую пламя истребило на половину тогда, когда книгопечатаніе спасло оставшееся отъ нея.

Сборники извлеченій надѣлали не менѣе вреда полнымъ изданіямъ оригинальныхъ произведеній. Такимъ образомъ въ V вѣкѣ компиляторъ, по имени Іоаннъ Стобійскій или Іоаннъ Стобей, собралъ по порядку сотни страницъ или короткихъ отрывковъ наиболѣе знаменитыхъ прозаиковъ и повтовъ древней Греціи. Нѣкоторые изъ этихъ писателей намъ и извѣстны только по тому, что сохранилось изъ ихъ произведеній въ компиляціи Стобея. Нельзя, впрочемъ, не признать, что велико было искушеніе облегчить немного пользованіе, для наибольшаго числа читателей, без-

численными сочиненіями, накопившимися въ библіотекахъ. Между V вѣкомъ до христіанской эры и VI вѣкомъ послѣ Рождества Христова насчитываютъ въ одной только Греціи болѣе шестисотъ историковъ, изъ числа которыхъ двадцать пять или тридцать были перваго порядка или по таланту, или по учености. Это, конечно, извиняетъ греческаго императора Византіи, Константина Порфиророднаго, возмѣвшаго мысль составить въ широкихъ размѣрахъ и методически сводъ извлеченій изъ главныхъ историковъ подъ такимъ заглавіемъ: *Извлеченія стратагемъ, сраженій, посольствъ, хорошихъ и дурныхъ примѣровъ и т. д.* Рѣдкія рукописи, оставшіяся намъ отъ этого сборника, сохранили для насъ много страницъ изъ исторіи, заимствованныхъ изъ объемистыхъ произведеній, нынѣ утраченныхъ; всѣ эти страницы болѣе или менѣе драгоцѣнны; напримѣръ, страница историка Николая Дамасскаго, гдѣ разсказанъ, и притомъ греческимъ лѣтописцемъ-современникомъ, трагическій эпизодъ смерти Юлія Цезаря.

Другую возможность спасти нѣкоторые литературные труды древней Греціи представлялъ переводъ на иностранные языки. Армяне, на сѣверѣ Азіи, и сирійцы, въ Палестинѣ, очень рано посвященные въ знакомство съ греческимъ языкомъ и почувствовавшіе любовь къ столь прекрасной литературѣ, скоро захотѣли имѣть ея произведенія и на своемъ языкѣ. Въ особености пользовались этою любовью отцы церкви и

философы, и такимъ образомъ иное произведеніе знаменитаго ученаго, — Евсевія, на примѣръ, или святаго Іоанна Златоуста, — греческій оригиналъ котораго погибъ, сохранилось или на армянскомъ, или на сирійскомъ языкѣ. Иной разъ даже съ сирійскаго оно переводилось на арабскій, а съ арабскаго, въ средніе вѣка, на еврейскій или латинскій языкъ. Послѣ такого продолжительнаго странствія, оригинальный авторъ доходилъ до насъ въ очень искаженномъ видѣ. Когда мы, благодаря счастливой случайности, можемъ сравнить первоначальный текстъ съ этими переводами изъ вторыхъ, третьихъ или даже четвертыхъ рукъ, насъ поражаетъ то, что мысль автора искажена до того, что нерѣдко дѣлается неузнаваемою.

Научный трактатъ можно такимъ образомъ переводить на нѣсколько языковъ безъ большихъ неудобствъ; одинаковость терминовъ въ различныхъ языкахъ проведена съ достаточной строгостью; такимъ образомъ, *Геометрія* Эвклида, *Механика* Архимеда, можетъ быть даже *Медицина* и *Хирургія* Гиппократа утратили мало въ своей цѣнности, при переходѣ изъ греческихъ школъ въ школы Ассиріи или Испаніи, занятой арабами. Слогъ имѣетъ лишь посредственное значеніе въ сочиненіяхъ подобнаго рода и самыя идеи, по свойству своему, не легко могутъ быть искажены, если только переводчикъ одинаково хорошо владѣетъ какъ своимъ роднымъ языкомъ, такъ и языкомъ переводимаго имъ автора. Совсѣмъ иное

дѣло литература, гдѣ яенѣ обозначается различіе генія народовъ. Арабы, не смотря на богатство своего восточнаго воображенія, не создали и даже не знали ничего похожаго на греческую эпопею, на греческую трагедію или комедію. Поэтому-то арабскій переводчикъ *Поэзіи* Аристотеля и впадаетъ во множество противорѣчій и искаженій; трагедія, которой у него нѣтъ передъ глазами ни одного примѣра, превращается у него въ «искусство хвалить», а комедія, которой онъ не знаетъ, сводится на «искусство порицать». Небольшое произведеніе Аристотеля о *Поэзіи* не всегда отличается особенной ясностью въ неполной редакціи, имѣющейся у насъ на греческомъ языкѣ. Но въ латинскомъ переводѣ, сдѣланномъ по арабскому переводу, это почти совершенная бессмыслица, изъ которой исторія литературы не можетъ извлечь почти никакой пользы.

Только-что сдѣланныя нами замѣчанія переносятъ насъ въ средніе вѣка. Пора представить намъ, каково было тогда состояніе книги въ публичныхъ или частныхъ библіотекахъ, особенно въ библіотекахъ монастырскихъ и какова была профессія людей, писавшихъ, украшавшихъ или продававшихъ ихъ. Этимъ мы и займемся въ слѣдующей главѣ.

## ГЛАВА VII.

### Книги въ средніе вѣка.

Рукописи и переписчики.—Орудія каллиграфа.—Этимологія слова *рубрика* и *миніатюра*.—Дипломы временъ меровинговъ и другія рукописи VIII и X вѣк. на папирусъ.—Скудость пергамента въ VI вѣкѣ нашей эры.—Палимпсесты.— Драгоценныя открытія, сдѣланныя при ихъ разборѣ.

Не смотря на мрачное впечатлѣніе, производимое на насъ картиною нашествій варварства и слѣдовавшихъ за ними раздирающихъ сценъ, вы уже видѣли, въ предыдущей главѣ, что средніе вѣка были не безплодны и не безъ литературной славы, что промышленность и торговля книгами далеко не исчезли; только кажется, что эта дѣятельность сосредоточивалась по преимуществу въ монастыряхъ и въ рукахъ монаховъ, сдѣлавшихся почти единственными представителями науки, единственными наставниками молодежи.

Войдемъ же въ складъ рукописей въ одной изъ нашихъ большихъ библіотекъ; мы изумляемся, какъ

многочисленны еще, какъ прекрасны еще иной разъ рукописи на весьма различныхъ языкахъ, особенно на греческомъ и латинскомъ, поступившія къ намъ по наслѣдству отъ среднихъ вѣковъ. Мы увидимъ тамъ или карманныя книги для употребленія студентовъ, или громадныя томы, въ которые любитель, не обладавшій ни критическимъ взглядомъ, ни вкусомъ, безъ разбора сшивалъ тетради, принадлежавшія произведеніямъ нѣсколькихъ авторовъ и написанныя разными переписчиками. Или это роскошныя томы, написанныя безусловно красивымъ и тщательнымъ почеркомъ, книги любителей по преимуществу, въ которыхъ точность текста пострадала только отъ почти неизбѣжныхъ оплошностей со стороны самыхъ добросовѣстныхъ переписчиковъ. Нерѣдко каллиграфъ подписывалъ свой трудъ, поручая себя, «бѣднаго грѣшника», снисходительности и молитвамъ своихъ читателей; иногда (но это рѣдко лишь встрѣчается въ латинскихъ рукописяхъ Запада) переписчикъ, — пусть то былъ монахъ съ необразованнымъ грубымъ умомъ, или продажный писака, — послѣ своей послѣдней строки прибавлялъ довольно грубый стихъ, мысль котораго можно перевести такимъ образомъ: «Здѣсь оканчивается моя книга; ради Христа, дайте мнѣ на чай».

*Explicit hic totum, per Christum da mihi potum.*

Многія рукописи носятъ слѣды критическаго просмотра, сдѣланнаго съ большею или меньшею тща-



тельностью самимъ владѣльцемъ, или грамотѣемъ по профессіи; въ такомъ случаѣ этотъ просмотръ нерѣдко удостоверяется подписью, свидѣтельствующею о времени просмотра. Такимъ именно образомъ имѣли возможность расположить по порядку вѣковъ рукописи непомѣченные, сличая ихъ почеркъ съ почеркомъ книгъ, время писанія которыхъ обозначено, такъ какъ естественно предполагать, что сходство почерковъ указываетъ на рукописи одного и того же вѣка.

Особенную трудность для переписчиковъ представляло переписываніе книгъ съ цитатами греческаго языка. Почтенный писецъ нерѣдко не зналъ греческаго языка. Тогда изъ двухъ вещей одно, или онъ дѣлалъ съ большимъ трудомъ снимки съ буквъ греческаго письма, и эти снимки, не смотря на свое несовершенство, очень полезны для насъ цитатами греческихъ авторовъ, которыхъ до насъ не дошло ни одного оригинальнаго списка, или же онъ выходилъ изъ своего затрудненія тѣмъ, что выбрасывалъ цитату и замѣнялъ ее двумя буквами *gr.*, т.-е. *grecum*; формула, которую обычай распространилъ въ четыре слова *grecum est, non legitur*, сдѣлалась почти половицей для обозначенія незнанія греческаго языка. Подъ названіемъ «Аттическія ночи» мы имѣемъ очень интересную компиляцію римлянина Аула-Гелла, бібліофила весьма свѣдущаго въ обѣихъ литературахъ, въ которыхъ онъ почерпалъ чрезвычайное раз-

нообразіе анекдотовъ и интересныхъ извлеченій. Нѣкоторыя рукописи этой любопытной книги лишены греческихъ цитатъ, которыя авторъ прибавилъ туда; въ тѣ времена и въ монастыряхъ, въ которыхъ онѣ переписывались, греческій языкъ былъ почти совсѣмъ неизвѣстенъ. Иногда также переписываніе греческаго текста невѣжественнымъ писцомъ показываетъ (что тоже не безъинтересно), какимъ образомъ произносился тогда языкъ Гомера и Демосеена.

А на какомъ веществѣ, какими орудіями занимались своимъ ремесломъ всѣ эти переписчики, всѣ эти каллиграфы? Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельства, восходящія къ первымъ вѣкамъ христіанской эры. Сборникъ мелкихъ греческихъ поэмъ, извѣстный подъ названіемъ «Антологіи», содержитъ въ себѣ семь небольшихъ статей, однообразное содержаніе которыхъ представляетъ приношеніе каллиграфа какому-то божеству, приношеніе, упоминающее о всѣхъ орудіяхъ, необходимыхъ для его профессіи; приводимъ прозаическій переводъ одного изъ этихъ стихотворныхъ произведеній, очень граціознаго въ оригиналѣ:

«Этотъ мягкій свинецъ, опредѣляющій движеніе моихъ пальцевъ; это перо, мягкое для иныхъ искусныхъ поворотовъ; этотъ ножикъ, расщепляющій и утоняющій его; камень, на которомъ заостряется тростникъ; наконецъ, всю свою сумку, съ лоцилкой, губкой и чернилицей, когда-то бывшими орудіями моего смиреннаго ремесла, я приношу тебѣ, о богъ, потому

что ослабленные возрастомъ и моя рука, и мои глаза отказываются отъ работы».

*Мягкій свинецъ* былъ или кружокъ, или стержень изъ этого металла, которымъ, какъ у насъ, водили по линейкѣ для того, чтобы начертить линіи, едва замѣтныя для глаза, и тѣмъ доставить нѣкоторымъ образомъ точку опоры для руки переписчика и получить одинаковое число строкъ на каждой страницѣ. Карандашъ замѣнялъ ихъ для торговыхъ списковъ, для школъ и для повседневнаго употребленія лицъ, хлопотавшихъ о правильности своего почерка. Еще болѣе прогрессъ представляетъ употребленіе очень блѣдныхъ чернилъ, положенныхъ съ помощью особаго прибора на бумагу, которая въ торговлѣ носитъ названіе «линеванной бумаги».

Перо (*calamus*) или палка для писанья, какъ мы видимъ, была очиняема и расщепляема, конечно, перочиннымъ ножомъ, а затѣмъ еще полируема и заостряема на камнѣ; лишь въ VII вѣкѣ нашей эры мы находимъ первое упоминаніе о перѣ, замѣняющемъ *calamus*. Но этотъ послѣдній въ рукахъ каллиграфа достигалъ, конечно, тонкости, близкой къ тонкости нашего вороноваго пера, или нашихъ стальныхъ перьевъ.

Папирусъ, на которомъ написаны стихи греческаго поэта Алкмана, имѣетъ на поляхъ замѣтки, писанныя почти микроскопическимъ почеркомъ; существуетъ также рѣчь, писанная греческимъ риторомъ на папи-

русь; оригиналъ ея находится у автора этой книги, но уже въ сильно попорченномъ видѣ; наконецъ, чудо, представляемое *Илиадой*, написанной такъ, что она могла умѣститься въ орѣховой скорлупѣ (чудо, о которыхъ мы уже говорили), служить отличнымъ доказательствомъ того, на что былъ способенъ греческій каллиграфъ еще за долго до того, какъ вошли въ употребленіе гусиное и вороново перья.

*Лощилкою* служилъ кусокъ пемзы, пористое и нѣсколько шероховатое вещество которой слегка обѣдало края свернутаго папируса и выравнивало поверхность его краевъ, подобно тому какъ у насъ рѣзецъ переплетчика обрѣзаетъ концы полей въ книгѣ.

*Чернилица* греческихъ переписчиковъ, повидимому, содержала только черныя чернила. Слово, означающее чернила, *melan*, значитъ просто черное, а латинское слово *atramentum* означаетъ также употребленіе черной жидкости: но египетскіе папирусы и нѣкоторыя древнія палитры, найденныя въ Египтѣ, указываютъ на употребленіе чернилъ различныхъ цвѣтовъ. Римскіе, и греческіе каллиграфы одинаково любили разнообразить цвѣта чернилъ, особенно для названій сочиненій или главъ, для начальныхъ буквъ этихъ главъ. Роскошь простиралась даже дальше; отыскивали средство разводить въ подходящей жидкости золотой и серебряный порошокъ, и такимъ образомъ получали золотыя и серебряныя буквы, блескъ которыхъ ласкалъ глазъ, особенно на пергаментѣ, окрашеннымъ въ

пурпуровый цвѣтъ, чему мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ. *Minium*, или сурикъ, представляющій красную свинцовую соль, обыкновенно употреблялся для заголовковъ законовъ въ спискахъ уложеній; отсюда къ намъ перешло употребленіе для заголовковъ названія *рубрика* (*rubrica*, по-латыни, буквы краснаго цвѣта). Кромѣ того, отъ слова *minium* (сурикъ) произошло слово *миниатюра*, искусство которой, постепенно совершенствуясь, превратилось въ оригинальную и чрезвычайно богатую отрасль живописи. Но какая бумага могла воспринимать столь богатые и столь тонкія украшенія? Папирусъ или пергаментъ? Вы замѣтили, что каллиграфъ, набожное приношеніе котораго мы перевели выше, не говоритъ опредѣленно о своей бумагѣ. Это потому, что бумага не относилась къ принадлежностямъ его профессіи; ее давали авторъ или книгопродавецъ. Писавшій это посвященіе не имѣлъ надобности приносить богу образецъ своей бумаги. Для рукописей хорошаго качества, но безъ тщеславныхъ украшеній, папирусъ годился вполне. Въ Египтѣ писали даже на холстѣ, а также и дѣлали весьма разнообразныя рисунки. Римляне также знали холщевыя книги (*libri lintei*), содержащія сибиллины предсказанія или религіозныя обряды. Однако пергаментъ, болѣе твердый, чѣмъ папирусъ, и воспринимающій болѣе совершенную полировку, долженъ былъ, рано или поздно, вытѣснить этотъ продуктъ египетской промышленности. Революціи, опустошавшія Еги-

пять въ V вѣкѣ и послѣдующихъ, въ особенности послѣ занятія его арабами, должны были сильно по вредить производству папируса. Долго думали, что калифъ Омаръ, по взятіи Александріи, приказалъ сжечь въ ней бібліотеку, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ ней не заключалось ничего полезнаго для учениковъ Пророка. Эта легенда утратила всякую вѣру. Извѣстно, что послѣ столькихъ предшествовавшихъ опустошеній, солдатамъ Омара осталось очень мало книгъ для сожженія. Но если и не истребляли въ то время старыхъ книгъ, за-то Египетъ все менѣе и менѣе доставлялъ матеріала для приготовленія книгъ новыхъ. Эта промышленность существовала еще нѣсколько вѣковъ послѣ арабскаго завоеванія. На папирусѣ написаны многіе дипломы временъ Меровинговъ. Въ числѣ свертковъ, принадлежащихъ египетскому вице-королю и хранящихся въ музеѣ Булакъ, находится одинъ содержащій Житія святыхъ на коптскомъ языкѣ (это новѣйшая форма египетскаго языка и письменности) и оканчивающійся греческою подписью, помѣченною 450 годомъ Діоклеціана (эра мучениковъ) или 752 годомъ христіанской эры, т. е. временемъ дѣтства Карла Великаго. Въ Италіи папскія буллы долго писались на папирусѣ; изъ числа ихъ извѣстна одна, помѣченная 998 годомъ; но, по всей вѣроятности, въ тѣ времена подобная роскошь допускалась лишь въ нѣкоторыхъ канцеляріяхъ.

Даже въ свѣжемъ видѣ, тотчасъ по выходѣ изъ

рукъ рабочаго, эта растительная, легкая, ломкая, не совсѣмъ плотная бумага должна была легко разрушаться; она подвергалась многимъ шансамъ измѣненія. Это мы видимъ даже на той бумагѣ, которая лучше всего сохранилась въ Египтѣ; листья, при малѣйшемъ давленіи, склеиваются между собой; если только свертокъ не сохранялся тщательно въ цилиндрической формѣ, на складкахъ папируса дѣлались разрывы. Когда эта бумага была разрѣзана на страницы и послѣднія составили книгу нашей формы, а не свертокъ уже, то эти страницы было трудно перелистывать; онѣ не обладали упругостью; поэтому нѣкоторые книгопродавцы прибѣгали къ слѣдующему средству: въ одной и той же книгѣ они за папирусными страницами поочередно вставляли пергаментные листы, какъ это видно въ прекрасной рукописи святаго Августина, хранящейся въ парижской національной библіотекѣ.

Пергамента, въ свою очередь, иногда не хватало для удовлетворенія всего спроса. Съ V или VI вѣка онъ сдѣлался рѣдкимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Западѣ. Эта скудость заставила довольно часто прибѣгать къ прискорбному обычаю, впрочемъ, какъ будто восходящему даже къ классической древности; благодаря этому дурному обычаю, мы лишились множества сочиненій. Для написанія актовъ какого-нибудь собора или даже плохихъ стиховъ какого-нибудь поэта время упадка, проводили губкою по пергаменту, содержащему, напримѣръ, рѣчи или философскіе трактаты Ци-

церона, и затѣмъ писали новый текстъ, или между строками еще замѣтнаго стараго текста, или на тѣхъ же самыхъ строкахъ, если считали ихъ достаточно смытыми, или же, наконецъ, въ поперечномъ направленіи. Этого рода рукописи называются *палимпсестами* (подчищенными), хотя, говоря правду, эта операція производилась губкою или же пемзою, а отнюдь не ножомъ. Новѣйшіе филологи поздно хватились сдѣлать опытъ разбора первоначальнаго текста палимпсестовъ; для этого нужно очень хорошіе глаза, а иногда употребленіе химическихъ реактивовъ, которые, восстанавливая первоначальный текстъ, сильно измѣняютъ вещество пергамента. Но открытія, сдѣланныя этимъ способомъ, вполнѣ оправдали его. Какое сокровище составляетъ для насъ палимпсестъ Гайя, возвратившій намъ классическій трудъ этого великаго юрисконсульта, хотя, конечно, и изуродованный въ нѣкоторыхъ частяхъ! Какое сокровище составляютъ открытыя такимъ образомъ прекрасныя страницы *Республики* Цицерона! Какой драгоценный оригинальный документъ представляетъ переписка ритора Фронтонна съ его ученикомъ, бывшимъ впоследствии императоромъ Маркомъ Авреліемъ!

Почти всегда въ палимпсестахъ представляются произведенія языческой литературы, которыя были покрыты христіанскими произведеніями, писанными на томъ же языкѣ. Иногда также второй языкъ различенъ отъ перваго, какъ напримѣръ, въ рукописи



библіотеки *британскаго музея*, гдѣ сочиненіе на сирійскомъ языкѣ скрываетъ отъ насъ самый древній, извѣстный намъ, списокъ нѣкоторыхъ пѣсень *Илиады*. Тутъ нѣтъ открытія, собственно говоря; но дѣйствительно любопытно знать, каково было состояніе, въ IV или V вѣкѣ нашей эры, этого дорогаго для насъ текста, подвергшагося столькимъ передѣлкамъ со временъ Гомера до времени его александрійскихъ комментаторовъ.

---

## ГЛАВА VIII.

### Книги въ средніе вѣка.

Рукописи священныхъ книгъ, замѣчательныя по изяществу письма и богатству украшеній. — Странное равнодушіе евреевъ къ древности рукописей ихъ священныхъ книгъ. — Пристрастіе арабовъ къ изящнымъ книгамъ. — Библіотеки мусульманъ. — Возвращеніе къ христіанскимъ народамъ. — Латинскія рукописи съ иллюстраціями. — Искусство и плодовитость миниатюристовъ въ средніе вѣка. — Невѣрность у нихъ костюма и характера дѣйствующихъ лицъ. — Новая эпоха въ исторіи книги. — Бумага изъ хлопка. — Трудность чтенія текстовъ вслѣдствіе употребленія сокращеній. — Возвращеніе къ древности. — Стенографія у римлянъ. — Тироновскіе знаки. — Тахиграфы.

Въ предыдущей главѣ вы видѣли, послѣ столькихъ другихъ, еще одну новую причину уничтоженія образцовыхъ произведеній языческой древности. Книжная торговля и въ особенности монахи, занимавшіеся въ монастыряхъ каллиграфіей, естественно начали болѣе и болѣе пренебрегать языческими писателями древности и привязались преимущественно къ хри-

етіанскихъ текстамъ, и прежде всего въ Ветхому и Новому Заѣвту. Затѣмъ, книгами, предназначавшимися для церковной службы, тробнинами, осьмигласнинами, служебниками и другими; затѣмъ каллиграфы почти исключительно занимались сочиненіями ученыхъ богослововъ, каковы, на примѣръ, святой Василий Великій и святой Іоаннъ Златоустъ. Вотъ почему мы имѣемъ чрезвычайно большое число рукописей этихъ сочиненій, восходящихъ до V и даже до IV вѣка нашей эры, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ выполнены съ чрезвычайною роскошью украшеній: заглавныя буквы разныхъ цвѣтовъ; заглавныя буквы, украшенныя арабесками, иногда даже заключающія въ своихъ внутреннихъ пространствахъ маленькія картины, исполненныя самою тонкою кистью; затѣмъ большія миниатюры, изображающія или лицъ, болѣе или менѣе сходный, апостоловъ или святыхъ ученыхъ богослововъ, или же какія-либо событія изъ Ветхаго и Новаго Заѣвта. Даже безъ этихъ роскошныхъ украшеній нѣкоторыя рукописи священныхъ книгъ представляютъ изумительное совершенство каллиграфіи. Таковъ, на примѣръ, хранящійся въ парижской національной библиотекѣ за № 412 небольшой томикъ, въ которомъ содержатся Евангелія и Посланія апостоловъ; почеркъ, всегда чрезвычайно четкій, въ иныхъ мѣстахъ микроскопической величины. Съ такимъ же уваженіемъ каллиграфія относилась, въ свою очередь, и къ латинскимъ переводамъ, и даже къ пе-

реводамъ на новѣйшіе языки, Библии и духовныхъ сочиненій; въ этомъ родѣ есть книги, неимѣющія себѣ цѣны какъ по отчетливости текста, такъ и по изяществу помѣщенныхъ въ немъ небольшихъ картинъ.

По поводу перевода священныхъ книгъ слѣдуетъ отмѣтить слѣдующій странный фактъ: еврейскій оригиналъ этихъ книгъ имѣется только въ рукописяхъ сравнительно новѣйшаго происхожденія. Увѣряютъ, что самая древняя еврейская рукопись Библии не восходитъ далѣе X вѣка нашей эры. Это справедливо можетъ удивить того, кто не знаетъ, что евреи, убѣжденные въ неизмѣняемости библейскаго текста, не оказываютъ никакого предпочтенія къ старымъ экземплярамъ, въ которыхъ они не думаютъ найти текстъ, менѣе измѣненный рукою переписчиковъ. Они, говорятъ, даже уничтожали, или, по крайней мѣрѣ, погребали въ складахъ, осужденныхъ на забвеніе, гдѣ они нерѣдко сгнивали, экземпляры Ветхаго Завета, сдѣлавшіеся вслѣдствіе дряхлости не годными къ употребленію. Впрочемъ, у нихъ память дополняла вѣрность списковъ. Не одинъ еврей знаетъ наизусть большую часть, а иногда и весь Ветхій Заветъ.

Ученики Магомета нѣсколько иначе выражаютъ уваженіе къ своей единственной священной книгѣ, Корану. Они отыскиваютъ его, поклоняются наиболѣе древнимъ рукописямъ его. Есть одна копія Корана, какъ полагаютъ относящаяся ко времени очень близ-

кому въ смерти Пророка; и начиная съ этого времени известно много другихъ копій, исполненныхъ съ религіозною тщательностью, или обыкновенными арабскими буквами, или же замѣчательнаго изящества буквами, известными подъ названіемъ *куфическихъ*.

Вообще арабы, съ тѣхъ поръ какъ развилось у нихъ литературное образованіе, отличались любовью къ изящнымъ книгамъ. У нихъ образовалось много искусныхъ каллиграфовъ, имена которыхъ иногда сохранила исторія и списки которыхъ пользовались заслуженною известностью на всемъ Востоку. Калифъ Османъ, третій преемникъ Магомета, занимался собираніемъ въ одно цѣлое разрозненныхъ частей Корана; сверхъ того, онъ счелъ своею обязанностью собственноручно написать нѣсколько копій этого произведенія. Эти экземпляры, числомъ четыре, были разсланы калифомъ по важнѣйшимъ городамъ мусульманской имперіи, гдѣ и сохранялись съ величайшею тщательностью. Одна изъ этихъ драгоценныхъ рукописей хранилась въ Дамаскѣ, другая въ городѣ Марокко. Третья, посланная въ Египетъ, находилась въ числѣ сорока экземпляровъ Корана, заключенныхъ въ ящики желтаго шелка, которые султанъ Кансуръ-Гури приказалъ носить за собой, какъ талисманы, во время кровавой битвы, въ которой Селимъ I (1516 г.) раздавилъ могущество мамелюковъ. Эти священныя книги были потоптаны ногами и погибли въ наурядицѣ и паникѣ, слѣдовавшей за пораженіемъ.

Всѣ города мусульманскаго владычества имѣли свою библіотеку. Но многія причины способствовали уничтоженію или разсѣянію этихъ богатствъ: мятежи, войны, пожары и, больше всего, быстрота, съ которою въ этихъ жаркихъ климатахъ книги пожираются термитами и другими насѣкомыми.

У испанскихъ арабовъ, кажется, по преимуществу была развита сильная любовь къ книгамъ. Городъ Кордова отличался въ этомъ отношеніи отъ всѣхъ другихъ городовъ въ странѣ; онъ долгое время владѣлъ четвертою изъ написанныхъ Османомъ рукописей Корана, о которыхъ мы уже говорили выше. Имамъ читалъ ее тамъ внимательной толпѣ. Во времена своего процвѣтанія, Кордова имѣла библіотеку въ 400,000 томовъ, и въ VI вѣкѣ геджеры число библіотекъ, открытыхъ для публики въ различныхъ городахъ Испаніи, простиралось до семидесяти. Какъ не сожалѣть, что такія сокровища почти всѣ погибли во время войнъ, вѣденныхъ испанскими христіанами до совершеннаго изгнанія племени завоевателей? Нынѣ англичане въ Индіи и французы въ Алжирѣ относятся съ большимъ уваженіемъ къ религіи, языку и книгамъ своихъ нехристіанскихъ подданныхъ.

Эти соображенія напоминаютъ намъ о греческихъ и латинскихъ книгахъ въ средніе вѣка.

Языческая литература, хотя очень часто и приносимая въ жертву духовной литературѣ, тѣмъ не менѣе имѣетъ въ нашихъ библіотекахъ нѣсколько ру-

копией рѣдкой цѣнности. Напримѣръ, шесть комедій Теренція, въ очень древнихъ рукописяхъ, снабжены небольшими рисунками, которые, будучи помѣщены во главѣ каждой сцены, представляли взорамъ читателя фигуры, костюмы главныхъ дѣйствующихъ лицъ и опредѣляли мѣсто, занимаемое ими на сценѣ. Одна изъ такихъ рукописей, не отличающаяся, правда, изяществомъ, но относящаяся, можетъ быть, къ VII вѣку, находится въ парижской національной библіотекѣ; есть подобная же рукопись въ библіотекѣ Ватикана. Эти рисунки, очень наивные, почти грубые, имѣютъ, тѣмъ не менѣе, большую цѣну для антикваріевъ. Ученая госпожа Дасье, переводчица Теренція, воспроизвела эти рисунки въ своемъ изданіи этого поэта, но съ посредственной вѣрностью. Она могла бы найти другіе, гораздо лучше, въ менѣе древнихъ рукописяхъ Теренція. Но тамъ талантъ миниатюриста, мало заботившагося о мѣстномъ колоритѣ, безъ всякихъ обвиняковъ одѣлъ дѣйствующихъ лицъ латинскаго поэта французскими дворянами, кастелянами, кастеляншами, пажамъ прекрасныхъ временъ рыцарства.

Говоря правду, если миниатюра и обнаружила въ средніе вѣка замѣчательныя искусство и плодовитость и если въ ея именно школахъ образовались, въ XIV и XV вѣкахъ, нѣкоторые изъ учителей итальянской и фламандской школъ, то во всякомъ случаѣ не за вѣрность костюма и характера дѣйствующихъ лицъ она пользуется особеннымъ удивленіемъ знатоковъ. Въ

библейскихъ миниатюрахъ Моисей и царь Давидъ, Соломонъ и пророки одѣты не лучше римлянъ Теренція. Добрыя намѣренія невѣдомыхъ, но прелестныхъ и скромныхъ живописцевъ (тогда не было въ обычай подписывать свои работы) заставляли извинять имъ многія оплошности и недостатки. На Востокъ преданіе превратило нѣкоторымъ образомъ въ абсолютное правило методъ, которому должны были слѣдовать художники-миниатюристы, равно какъ и мозаисты, при изображеніи главныхъ лицъ священной исторіи. Эти правила охраняли такимъ образомъ живопись отъ отступленій, въ духѣ нововведенія, и сообщили работамъ художниковъ особенную важность.

Воображеніе художниковъ - каллиграфовъ на Западѣ имѣло также возможность разгуливать на полномъ просторѣ, когда дѣло шло объ иллюстрированіи фигурами трактата о зоологіи или ботаникѣ, трактата объ охотѣ въ лѣсу или съ соколами. Описывая растенія или животныя, разумѣется не измѣнившія своего вѣшняго вида со временъ глубокой древности до нашихъ дней, можно выказать въ большей или меньшей степени искусство, не впадая въ ошибки на счетъ костюма, о которыхъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя греческія или латинскія рукописи, только-что указанные нами. Но съ этими замѣчаніями мы вступили на путь, на которомъ легко могли бы заблудиться, а потому вернемся къ скромному каллиграфу, снаряды кото-



раго были описаны выше, и прослѣдимъ дальше его судьбу въ средніе вѣка.

Въ папирусѣ и веленѣ нерѣдко ощущался недостатокъ въ торговлѣ съ X вѣка нашей эры. Но восточныя же фабрики начали снабжать насъ другою бумагой, изобрѣтатель которой не извѣстенъ; бумага эта общеизвѣстна подъ названіемъ *charta bombycina*, такъ какъ хлопокъ служилъ главнымъ матеріаломъ при ея приготовленіи. Эта бумага обыкновенно плотнѣе пергамента, отличается глянцевитостью и удобна для писанія самымъ мелкимъ почеркомъ. Въ большихъ библиотекахъ есть сотни томовъ на бумагѣ такого сорта. Поэтому приготовленіе *charta bombycina* оказало неоцѣненные услуги литературѣ и наукамъ, благодаря своему распространенію въ такое время, когда изъ двухъ другихъ бумагъ одна исчезла, а другая стоила очень дорого.

Эта дороговизна письменнаго матеріала благоприятствовала стремленіямъ сдѣлать почеркъ болѣе мелкимъ, сжатымъ. Такъ называемыя *уставныя* буквы мало-по-малу вышли изъ употребленія и попадались только въ роскошныхъ книгахъ. Ихъ замѣнили болѣе мелкія буквы, — двойныя (вязь); эти буквы отличаются также изяществомъ, но тѣмъ болѣе утомляютъ глазъ *палеографа* (разбирателя старинныхъ почерковъ), что онѣ отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ и нерѣдко форма ихъ зависитъ отъ личнаго вкуса переписчика. Съ вязью, представляющею себе

ственно курсивный почеркъ, соединяются сокращенія, превращающія иногда цѣлое слово въ одинъ росчеркъ пера. Все это дало возможность уписывать на *одной* страницѣ то, что иначе заняло бы десять; большое сбереженіе бумаги, разумѣется, но вмѣстѣ съ тѣмъ и значительное увеличеніе пытки при чтеніи, на примѣръ рукописей, предназначенныхъ для торговли, или тетрадей съ замѣтками, писанныхъ учениками. Но разъ это вошло въ привычку (на что требовалось много времени), кажется, ни съ чьей стороны не раздавалось жалобъ.

Другимъ средствомъ для ограниченія расходовъ на бумагу служило употребленіе такъ называвшихся тогда *тироновскихъ знаковъ*, по нынѣшнему *стенографіи*. Но это требуетъ нѣкоторыхъ объясненій.

Греки можетъ быть, а римляне ужъ навѣрное очень рано употребляли знаки сокращенія (*notae*) для записыванія рѣчей во время ихъ произнесенія. Рассказываютъ, что Ксенофонтъ, знаменитый историкъ и ученикъ Сократа, записалъ такимъ образомъ бесѣды своего учителя о нравственности и политикѣ, которыя онъ изложилъ затѣмъ въ сочиненіяхъ, дошедшихъ до насъ. Вотъ другой еще болѣе замѣчательный примѣръ: сапожникъ Симонъ, у котораго Сократъ любилъ иногда непринужденно побесѣдовать съ своими учениками, также придумалъ знаки, съ помощію которыхъ онъ сочинялъ, по весьма распространенной тогда модѣ, *сократовскіе діалоги*. Полагаютъ, что нѣкоторыя изъ

этихъ вещей находятся въ діалогахъ, приписываемыхъ Платону. У римлянъ честь изобрѣтенія первой системы знаковъ для такого употребленія принадлежала отпущеннику и другу Цицерона, Туллію Тирону; такимъ образомъ эти знаки сохранили имя своего изобрѣтателя. Самъ Цицеронъ пользовался иногда этими знаками въ перепискѣ со своими друзьями. Не можетъ быть сомнѣнія, что въ судахъ и въ сенатѣ секретари имѣли для своихъ услугъ стенографовъ, которые назывались *notarii*. Очень низкая должность этихъ *notarii* мало-по-малу приобрѣла большое значеніе. Изъ простыхъ записывателей они превратились въ секретарей, въ собственномъ смыслѣ этого слова, затѣмъ въ хранителей подлинныхъ дѣлъ, и вотъ такимъ образомъ ихъ названіе перешло къ намъ для обозначенія очень почтеннаго класса общественныхъ дѣятелей, *notari-усовъ*. Съ IV вѣка послѣ Р. Х. стенографы, подъ только-что объясненнымъ латинскимъ названіемъ, или подъ греческимъ названіемъ *тахиграфовъ* (скорописцы), занимали видное мѣсто въ канцеляріяхъ Рима и Константинополя. Поэтъ Авзонъ въ прелестныхъ стихахъ воспѣлъ эту быстроту письма, дивнагося столь-же быстро, какъ и самое слово. Поэтому удивительно, что до насъ дошло нѣсколько образцовъ этого письма, нѣсколько судебныхъ процессовъ, каковы, на примѣръ, тѣ, на которые нерѣдко ссылаются *Дьянія мучениковъ*. Но мы не можемъ не удивляться тому, что встрѣчаются записанными *тироновскими зна-*

ками и чисто литературныя произведенія, въ родѣ рѣчей Василія Великаго, нѣкоторые списки которыхъ, греческими буквами, дошли до насъ. Неужели ради того, чтобы набить себѣ руку, греческіе переписчики дѣлались безъ всякой пользы стенографами? Подобныя книги, можетъ быть, попадали въ руки учениковъ-тахиграфовъ, которые такимъ образомъ въ короткое время узнавали значеніе *знаковъ*, сравнивая *тироновскій* тевствъ съ тѣмъ же самымъ произведеніемъ, писаннымъ по-латыни или по-гречески.

Легче угадать и понять, что стенографія иногда оказывала плохія услуги ораторамъ и даже профессорамъ. Квинтиліанъ, искусный риторъ, жалуется, что часть его уроковъ, записанныхъ такимъ образомъ, попала въ руки публики, благодаря нескромности учениковъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ исправить ихъ. Говорятъ, подобное же непріятное обстоятельство случилось съ однимъ христіанскимъ ораторомъ. Иногда, впрочемъ, случалось также, что рукопись исторіи до окончательнаго исправленія ея авторомъ собственно-ручно попадала къ переписчикамъ и, благодаря нескромности ихъ, распространялась среди публики. Діодоръ Сицилійскій, написавшій, во время Цезаря и Августа, подъ названіемъ *Исторической библіотеки*, краткую всемірную исторію, объявилъ въ концѣ со-роковой и послѣдней книги, что нѣсколько частей его труда были украдены у него, что онъ пущены въ обращеніе въ невѣрныхъ спискахъ и что онъ не же-

даетъ принимать на себя отвѣтственность за распространение такихъ списковъ. Сократитель Плинія Старшаго, Солинъ, о которомъ уже было говорено выше, жалуется, въ предисловіи къ своему сочиненію *Polyhistor*, на то, что его небольшая книга пущена въ обращеніе подъ названіемъ *Collectanea* въ очень искаженномъ спискѣ; чтобы поправить зло, онъ долженъ былъ приступить къ строгому пересмотру и новому изданію этого труда.

---

## Г Л А В А IX.

### Книги въ средніе вѣка.

Извиненіе автора предъ своими читателями за методъ, усвоенный имъ въ этой исторіи.—Произведеніе Плутарха о *Способъ слушать*.—Каллиграфы, иллюминаторы, миниатюристы, переплетчики и пергаментчики въ Парижѣ, въ началѣ XV столѣтія.—Образованіе библиотекъ.—Роскошныя книги для любителей и дешевыя книги для студентовъ какъ въ древности, такъ и въ среднихъ вѣкахъ.—Новый толчекъ данный книжной торговлѣ изобрѣтеніемъ тряпичной бумаги.—Предварительныя понятія о происхожденіи и о первыхъ оны тахъ книгопечатанія.

Старый профессоръ, бесѣдующій съ вами изъ глубины своего кабинета о предметъ довольно серьезномъ, по опыту знаетъ, съ какимъ уваженіемъ должно относиться ко вниманію самаго благосклоннаго слушателя или читателя. Есть много способовъ быть внимательнымъ въ аудиторіи. Приковываются страстно глазами и ушами; иногда слушаютъ съ большею холодностью; бываетъ, слушаютъ и просто изъ приличія и ради того, чтобы не оказаться невѣжливымъ относительно того, чьи лекціи слушаютъ. Почтенный

Плутархъ, одинъ изъ древнихъ авторовъ, наиболѣе извѣстныхъ молодежи, написалъ нѣсколько прелестныхъ страницъ о *способѣ слушать*, гдѣ онъ описываетъ всѣ положенія, которыя можетъ принимать ученикъ предъ кресломъ учителя и гдѣ онъ даетъ превосходные совѣты слушателямъ публичной лекціи. То, что онъ говоритъ относительно лекцій, которыя слушаютъ, не менѣе справедливо и для лекцій, которыя читаютъ. Если вниманіе аудиторіи утомляется, то въ этомъ виноватъ, несомнѣнно, ораторъ столько же, какъ и почтенные люди, пришедшіе къ нему поучиться безъ излишняго утомленія; и въ нихъ онъ долженъ поддерживать усердіе, стараясь держаться на высотѣ ихъ пониманія. Успѣли-ли мы въ этомъ предъ вами, дорогой читатель? Этого мы желаемъ больше, чѣмъ, можетъ быть, надѣмся.

Всякая исторія имѣетъ свои терніи. Даже въ самыхъ прелестныхъ странахъ большая дорога или желѣзная дорога, если только существуютъ такія сколько-нибудь значительной длины, не всегда идутъ среди зеленѣющихъ луговъ или прелестныхъ лѣсовъ; попадаютъ болотистыя пространства и однообразныя равнины, и приходится выносить нагоняемую ими тоску. Мы, можетъ быть, уже миновали нѣсколько такихъ равнинъ и болотистыхъ пространствъ. Но, слава Богу, мы добираемся до мѣстностей, гдѣ нѣтъ недостатка ни въ живописныхъ мѣстоположеніяхъ, ни въ пріятныхъ сюрпризахъ на поворотахъ дороги.

Занявшись средними вѣками, которые нерѣдко называютъ вѣками варварства и мрака, мы встрѣтили уже и тамъ больше свѣта, чѣмъ надѣялись. Вѣдь если наука тогда и съзрѣла, за-то литература и особенно поэзія не дремала. Когда работаетъ человѣческій умъ, перо также живо слѣдуетъ за нимъ въ его дѣятельности. Всѣ теологи того времени, всѣ ораторы, всѣ поэты пользовались услугами цѣлыхъ легионовъ переписчиковъ и другихъ работниковъ, различнымъ образомъ способствовавшихъ производству книгъ. Въ XIV вѣкѣ, въ началѣ XV Франція была одною изъ странъ, въ которыхъ наиболѣе процвѣтало производство хорошихъ и красивыхъ книгъ. Каллиграфы, иллюминаторы, миниатюристы, переплетчики, переплетчицы, пергаментщики и т. д. составляли въ Парижѣ промышленныя корпораціи, пользовавшіяся извѣстностью во всей Европѣ. Роскошь хорошо написанныхъ, изящно украшенныхъ и переплетенныхъ книгъ была въ модѣ у студентовъ парижскаго университета. Важные господа, принцы и нѣкоторые изъ французскихъ королей начинали уже составлять себѣ библіотеки. Существуютъ каталоги двухъ или трехъ этихъ древнихъ библіотекъ. Библіотека короля Карла V состояла почти изъ тысячи двухсотъ томовъ, — цифра значительная для того времени. Нѣкоторые изъ этихъ томовъ существуютъ еще и теперь и принадлежать къ самымъ драгоценнымъ сокровищамъ французской національной библіотеки, особенно если они сохранили



свой старый переплетъ съ подписью короля, которому они принадлежали. Многіе другіе, необладающіе этимъ особеннымъ достоинствомъ, отличаются красотою велена, красотою почерка и многочисленными рисунками, которыми они украшены. Вообще, французскія хранилища рукописей имѣютъ большое число этихъ образцовыхъ произведеній промышленности, которая была по преимуществу французскою и дѣлаетъ величайшую честь Франціи.

Рядомъ съ красивыми книгами не слѣдуетъ забывать книгъ болѣе скромныхъ, но болѣе доступныхъ, по своей невысокой цѣнѣ, массѣ студентовъ и любителей. Уже въ древности существовали книги дорогія и книги дешевыя; въ руки школьникамъ не давали роскошныхъ рукописей; существовали даже изданія, нѣкоторыхъ авторовъ, столь дорогія, что любители, не имѣвшіе средствъ для ихъ покупки, пользовались только ими у книгопродавца за извѣстную плату; по этому, въ такихъ случаяхъ лавка книгопродавца очень походила на нынѣшній кабинетъ для чтенія. Найденныя въ Египтѣ папирусныя свертки могутъ намъ дать понятіе объ этомъ. Въ числѣ свертковъ, содержащихъ рѣчи греческаго оратора Гиперида, есть три очень красивые почерка, въ которыхъ столбцы отдѣляются большими полями. Папирусъ превосходнаго качества; ничего не было упущено для того, чтобы сдѣлать чтеніе легкимъ; четвертый сверткъ, содержащій надгробную рѣчь, произнесенную тѣмъ же ораторомъ въ

323 году до Р. Х., имѣеть совсѣмъ иной видъ: грубый папирусъ, небрежный почеркъ, множество описокъ, страницы отдѣлены только черною чернильною чертою; пожалуй, можно бы даже подумать, что это работа какого-нибудь мемфисскаго или александрійскаго школьника, которому, въ наказаніе за какую-нибудь вину, задали задачу переписать двѣсти или триста строкъ греческаго текста. Подобный же образецъ находится въ числѣ рукописей на различныхъ языкахъ, оставшихся намъ отъ среднихъ вѣковъ; и ничего не можетъ быть естественнѣе этого. Въ особенности въ то время, до котораго мы дошли въ своей исторіи, торговыя сношенія, нерѣдко разстраиваемыя войною, должны были затруднять дѣла книгопродавцевъ и ихъ сотрудниковъ.

Къ счастью, открытіе, о которомъ еще не было говорено, способствовало пониженію стоимости книгъ, можетъ быть уже въ XIII и навѣрное въ XIV столѣтіи; открытіе это холщевая или тряпичная бумага; при этомъ мы разумѣемъ холстъ или тряпки превращенными въ тѣстообразную массу; этого рода бумагу надо тщательно различать отъ холста, употребленнаго для письма въ видѣ ткани (*libri lintei*), о чемъ было уже говорено выше.

Съ точностію не извѣстно ни время, ни мѣсто изобрѣтенія бумаги изъ тряпичнаго тѣста, ни какому искусному человѣку слѣдуетъ приписать это изобрѣтеніе. Но оно несомнѣнно способствовало распространению

нiю книгъ въ концѣ среднихъ вѣковъ: а въ послѣдствiи оно сдѣлало возможнымъ замѣну труда переписчиковъ печатнымъ станкомъ, т. е. сдѣлало возможнымъ искусство книгопечатанiя, о которомъ мы и будемъ говорить теперь.

Думали-ли вы когда-нибудь, сколько изобрѣтательности, замысловатости предполагаетъ это искусство? У васъ, можетъ быть, бывалъ въ рукахъ игрушечный типографскiй приборъ, въ которомъ типографiя приведена къ самымъ простѣйшимъ элементамъ ея и освобождена отъ всѣхъ усложненiй, накопившихся въ четыре вѣка. Даже во всей его простотѣ сравните этотъ печатный станокъ, представляющiй не болѣе, какъ игрушку, съ древней каллиграфiей, съ орудiями и матеріалами, которыми она располагала, и вы увидите, какъ великъ генiй Гутенберга и какое громадное разстоянiе онъ долженъ былъ перешагнуть между старыми приѣмами и новымъ приѣмомъ, изобрѣтателемъ котораго былъ онъ.

Чтобы напечатать страницу книги, подобной тѣмъ, которыми мы располагаемъ нынѣ, нужны: 1.) буквы, вырѣзанныя или вычеканенныя на твердомъ металлѣ; 2.) чернила, которыя могли бы приставать къ буквамъ и чрезъ ихъ посредство отпечатываться на какомъ-либо веществѣ, могущемъ воспринимать чернила; 3.) это послѣднее вещество; 4.) орудiе для того, чтобы наложить чернила на всѣ буквы; 5.) другое орудiе, чтобы прижать ихъ къ *печатаемой* поверхности.

Изъ этихъ пяти элементовъ древняя промышленность знала только первый; идея втораго не была для нея чужда, но она не думала соединять съ ними три другихъ.

Дѣло вполне заслуживаетъ того, чтобы мы объяснили его подробно.

Нѣтъ почти музея, въ которомъ вы не видѣли бы бронзовыхъ печатей, съ помощію которыхъ отпечатывали или на мягкой глинѣ, или даже на металлѣ, болѣе мягкомъ, чѣмъ бронза, собственные имена, иногда то, что нынѣ называется фабричными марками. Въ кабинетѣ медалей парижской національной библиотеки находится кусокъ серебристаго свинца, добытаго римлянами изъ рудниковъ въ Испаніи, за столѣтъ до христіанской эры; на этомъ кускѣ отпечатаны крупными буквами имена двухъ предпринимателей разработки рудниковъ. Нѣкоторые отпечатки на древнихъ вазахъ заставляютъ даже подозрѣвать, что печать представляла собою не одинъ предметъ, а состояла изъ отдѣльныхъ буквъ, такъ что получался инструментъ, похожій на называемый нынѣ компосторомъ. Нѣсколько примѣровъ этого рода мы видимъ на ручкахъ большихъ вазъ изъ терракотты, происходящихъ изъ древней Греціи. Вы, конечно, не забыли еще, какъ читали выше, что нѣкоторые вавилонскіе кирпичи\*),

---

\*) Эти глиняные документы съ клинообразными надписями, въ особенномъ изобиліи откопанные въ 1874 году, открываютъ передъ нами общественную и частную жизнь древняго Ва-

относящиеся къ десятому вѣку до нашей эры, имѣютъ клинообразные тексты, отпечатанные на мягкой въ то время землѣ съ помощію деревянной дощечки, на которой они были вырѣзаны рельефно. Въ луврскомъ музеѣ есть нѣсколько такихъ кирпичей.

Наконецъ самая чеканка монетъ знакомила народы древняго міра съ обычаемъ переносить посредствомъ давленія фигуры и буквы азбуки съ болѣе твердаго вещества на вещество болѣе мягкое.

Что касается краски, то вотъ удивительный анекдотъ, относящійся къ четвертому вѣку до Р. Х. Одинъ греческій генераль, собираясь дать сраженіе, захотѣлъ внушить увѣренность своимъ войскамъ, предсказаніемъ

---

вилона. Между прочимъ, при раскопкѣ одного надгробнаго кургана найдена масса глиняныхъ пластинокъ, ясно свидѣтельствующихъ о существованіи въ Вавилонѣ обширной торговой фирмы, въ родѣ нынѣшнихъ Ротшильдовъ, управлявшей всеми финансовыми операціями ассирійской столицы и имѣвшей, повидимому, на откупъ все подати и налоги. Изъ найденной любопытной росписи налоговъ древняго Вавилона видно, что подати платились съ земли, со сбора финиковъ, съ жатвы, со стада. Изъ написанныхъ на пластинкахъ жалобъ и просьбъ мы узнаемъ, что сборщики податей тѣхъ временъ дѣйствовали иногда очень жестоко, при исполненіи служебныхъ обязанностей. Такъ на одной клинообразной надписи кто-то проситъ не облагать его до того тяжкими податями, что онъ не въ силахъ уплачивать ихъ. Вообще, нужда давала себя знать и въ Вавилонѣ точно также какъ и въ наше время, и люди, жившіе за 2.500 лѣтъ до христіанской эры, волновались такими же чувствами и мыслями, какъ и мы.

*Примѣчаніе переводчика.*

вѣрной побѣды по внутренностямъ жертвъ. Онъ написалъ на ладони одной изъ своихъ рукъ слово *Nika* (побѣда) и написалъ его наоборотъ; затѣмъ, оперевшись этою рукою на печень жертвы, онъ беретъ ее въ другую руку и показываетъ своимъ солдатамъ слово *Nika*, отпечатанное и читаемое слѣва направо. Для насъ все равно, удалась-ли эта уловка; но она указываетъ намъ, конечно, на первую идею *печатанія на тканяхъ*, сдѣлавшагося одною изъ главныхъ новѣйшихъ промышленностей.

Идея рельефныхъ буквъ и идея красящаго вещества навели на мысль объ окрашиваніи другого вещества. Папирусъ, тонкій и хрупкій, что мы видимъ по многочисленнымъ дошедшимъ до насъ его образцамъ, былъ негоденъ для этого; онъ оказывалъ бы слишкомъ малое сопротивленіе рукъ или инструменту, которыми стали бы нажимать буквы на страницу. Пергаментъ обладалъ противоположнымъ недостаткомъ. Не было чернилъ для этого. Черныя чернила, составъ которыхъ на самыхъ древнихъ извѣстныхъ рукописяхъ опредѣленъ химическимъ анализомъ, представляютъ собою простую смѣсь сажи съ воднымъ растворомъ камеди; они плохо прилепали къ буквамъ, посредствомъ которыхъ должны были переводить ихъ на бумагу.

Теперь вы видите, что оставалось сдѣлать генію Гуттенберга и его товарищамъ, чтобы устроить хотя бы маленькій станокъ, которымъ нынѣшній школьникъ забавляясь отпечатываетъ нѣсколько строкъ.

Даже для изобрѣтательнаго ума остававшееся сдѣлать не могло быть дѣломъ одного дня: потребовалось много времени, много изслѣдованій, много дорогихъ опытовъ и движеній ошупью.

Хотя приборъ съ металлическими подвижными буквами, можетъ быть, и очень древняго происхожденія, но не онъ первый пришелъ на мысль. Начали съ того, что стали вырѣзать страницу письма на поверхности деревянной дощечки или таблички, такъ что буквы выходили выпуклыми и въ обратномъ видѣ, и слѣдовательно всю страницу на доскѣ надо было читать справа налѣво. На эти буквы каткомъ наводили черныя чернила, приготовленныя особымъ способомъ, какъ это дѣлаютъ еще и нынѣ при гравированіи на деревѣ; на доску накладывали листъ бумаги достаточно плотной и достаточно тонкой, чтобы не разрываться подъ усиленіемъ извѣстнаго давленія. Давленіе производилось сначала посредствомъ мацы, а потомъ посредствомъ винтоваго *пресса*, машины довольно простой. Такой способъ, повидимому, практиковался во Фландріи за нѣсколько лѣтъ до того, какъ Гутенбергъ устроилъ въ Майнцѣ заведеніе, изъ котораго вышла типографія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Искусство Гутенберга скоро превратило вырѣзанныя страницы въ подвижныя буквы, которыя сначала дѣлались изъ дерева, а потомъ изъ металла. Затѣмъ, такъ какъ было очень долго готовить буквы по одной штукѣ, то вырѣзывали ихъ на очень твердомъ

металлѣ; съ помощію этихъ буквъ получали, какъ при чеканкѣ монеты, на металлѣ болѣе мягкомъ, во вдавленномъ видѣ, цѣлую форму каждой изъ буквъ азбуки; оставалось только наливать въ эти ямочки, называемыя матрицей, жидкій металлъ для того, чтобы получить по своему желанію тысячи буквъ, которыя и раскладываются по отдѣленіямъ *кассъ*. Оттуда *наборщику* остается только брать ихъ и класть въ *верстать*, а затѣмъ распредѣлять строки въ равномъ числѣ для получения страницъ. Эти сверстанныя страницы, вставленныя въ рамы и заключенныя въ нихъ, составляли двѣ формы: одну для лицевой страницы, а другую для обратной страницы; затѣмъ ихъ ставили подъ прессъ, такъ чтобы получить оттискъ послѣдовательно на обѣихъ сторонахъ бумаги; затѣмъ листъ складывали вдвое, вчетверо, въ восемь разъ, и такимъ образомъ получали тетради *in-folio*, *in-quarto*, *in-octavo*. Вотъ какимъ образомъ создана была типографія.



# ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

## ГЛАВА I.

### Первое время книгопечатанія.

Переворотъ, произведенный въ жизни цивилизованныхъ народовъ буссолью, порокомъ и книгопечатаніемъ.—Фабрикація бумаги въ Китаѣ. — Почему книгопечатаніе въ этой странѣ не пошло дальше табличнаго способа.—Изобрѣтеніе Гутенберга находится сначала въ подчиненіи каллиграфіи.—Новыя типографскія литеры. — Успѣхи въ приготовленіи печатныхъ книгъ.—Обнародованіе древнихъ рукописей.

Типографія появилась, какъ мы уже сказали въ предыдущей главѣ. Это случилось между 1440 и 1450 годами нашей эры.

Два другихъ нѣсколько предшествовавшихъ этому изобрѣтенію должны были произвести переворотъ въ жизни цивилизованныхъ народовъ. Буссоль, управлявшая на морѣ движеніями мореходовъ, сдѣлала возможными морскія путешествія на большое растояніе отъ береговъ, за океанъ; она подготовила открытія, подобныя открытію Америки Христофоромъ Колумбомъ, а со стороны Востока она открыла мореплава-

телямъ путь въ Индію и Китай. Порохъ, въ первый разъ, будто бы, появившійся въ Европѣ въ битвѣ при Креси, долженъ былъ измѣнить строй армій, способы обороны и нападенія на укрѣпленные мѣста.

Но замѣчательно, что относительно этихъ трехъ изобрѣтеній Европу опередилъ одинъ изъ народовъ крайняго Востока. Уже за много вѣковъ до этого, китайцы знали и пользовались, при направленіи путешественниковъ, свойствомъ магнитной стрѣлки направляться на сѣверъ; они имѣли взрывчатый порохъ, похожій на нашъ; за нѣсколько до этого вѣковъ они знали и пользовались *книгопечатаніемъ*.

Не будемъ слишкомъ гордиться нашими талантами и нашимъ знаніемъ. Во многихъ вещахъ китайцы опередили насъ; а въ нѣкоторыхъ они и теперь еще превосходятъ насъ. Ихъ литература, изумительно плодovitая, очень рано нашла орудія, которыми и пользовалась для увеличенія количества книгъ. Въ Китаѣ приготавливали бумагу различнаго размѣра и толщины изъ бамбуковаго стебля, изъ рисовой соломы и изъ нѣкоторыхъ другихъ растительныхъ веществъ. Китайцы также очень рано уже пользовались старой негодной бумагой для приготовления бумаги худшаго качества, какъ это дѣлается и у насъ. На листахъ писчей бумаги кисточка переписчика выводила буквы рѣдкаго пзящества: каллиграфія въ Небесной имперіи не представляла собою только ремесло нѣсколькихъ тысячъ человекъ ремесленниковъ или артистовъ; это искус-

ство входило въ составъ воспитанія на всѣхъ его ступеняхъ и во всѣхъ классахъ общества. Всякій грамотный человѣкъ, а ужъ тѣмъ болѣе писатель представляетъ собою въ то же время и каллиграфа. Открытое, съ точностью не извѣстно кѣмъ и когда, но навѣрное въ первые вѣка нашей эры, книгопечатаніе, не смотря на особенную любовь китайцевъ къ искусству каллиграфіи, нашло себѣ хорошій приѣмъ у всѣхъ людей, покупавшихъ или читавшихъ книги, въ громадной имперіи, населеніе которой достигло уже 300,000.000 душъ. Но только книгопечатаніе все еще остается тамъ вѣрнымъ табличному способу, и вотъ почему. Китайская письменность не имѣетъ азбуки, какъ наша; для образованія слова у китайцевъ элементарные знаки или *ключи* чаще всего нанизываются другъ на друга и переплетаются, а не становятся рядомъ одинъ за другимъ, какъ у насъ ставятся одна за другою буквы азбуки. Слѣдовательно, для воспроизведенія страницы на китайскомъ языкѣ, гораздо удобнѣе и легче вырѣзать ее на деревѣ, чѣмъ употреблять подвижныя буквы. Эту граверную работу китайскій рабочій выполняетъ съ изумительными ловкостью, вѣрностью руки и быстротою. Поэтому, хотя китайцы и знали въ XI вѣкѣ употребленіе подвижныхъ буквъ, но всегда предпочитали табличный способъ, вполне удовлетворявшій потребностямъ изумительно дѣятельной производительности. Чтобы дать вамъ объ этомъ понятіе, достаточно сказать, что въ главныхъ городахъ этой

страны уже болѣе десяти вѣковъ \*) печатаются многочисленные сочиненія всякаго рода; что въ Пекинѣ издается *Имперская Газета* и что иная китайская энциклопедія, составленная только изъ извлеченій изъ различныхъ авторовъ, содержитъ въ себѣ до тысячи томовъ.

Въ Европѣ, даже послѣ перехода отъ табличнаго способа къ употребленію подвижныхъ буквъ, искусство типографика долго оставалось близкимъ къ искусству переписчика. Чего же онъ добивался вначалѣ? Подражать письменности рукописей, изображать ее съ достаточною вѣрностью, однимъ словомъ *поддѣлывать* ее на столько хорошо, чтобы читатель могъ ошибиться. Поэтому первыя печатныя произведенія были поддѣлками, и хотя секретъ книгопечатанія сдѣлался общеизвѣстнымъ, хотя общее изумленіе привѣтствовало Гутенберга и его учениковъ, но искусство переписчиковъ не сложило своего оружія предъ этой искусной конкуренціей; оно продолжало производить прекрасныя рукописи, находившія покупателей. Впрочемъ, самъ типографикъ, для окончанія своей работы, нуждался еще въ рукѣ каллиграфа: онъ не могъ сначала воспроизводить, съ помощію буквъ и печатнаго станна, заглавныхъ буквъ красными или синими чернилами, какія обыкновенно ставили въ началѣ

---

\*) Историки утверждаютъ, что книгопечатаніе было въ употребленіи въ Китаѣ уже въ 933 году. *Примѣчаніе переводчика.*

книгъ и главъ. Еще меньше онъ могъ сдѣлать арабески, раскрашенные рамки, какъ на копяхъ, писанныхъ перомъ. Для всего этого онъ нуждался въ каллиграфѣ. Благодаря этому союзу двухъ искусствъ, печатныя произведенія, до конца XV столѣтія, имѣли внѣшній видъ очень похожій на внѣшній видъ рукописей; печатаемые въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ и очень медленно получая свой окончательный видъ, они не скоро могли понизиться въ стоимости до умѣренныхъ цѣнъ.

Мало-по-малу, однакоже, типографія освободилась отъ рабства, препятствовавшего быстротѣ ея работы. Она перестала рабски копировать фигуру буквъ, употребляемыхъ переписчиками. Печатныя буквы получили форму отличную отъ той, какую они имѣли на письмѣ, и глаза, читавшіе бѣгло печатное, какъ мы это видимъ нынѣ, должны были пріучаться читать почеркъ рукописей. Въ то же время типографщики перестали ставить свою подпись и время печатанія на послѣдней страницѣ каждаго тома внизу; они стали ставить ихъ на первой страницѣ въ видѣ особаго заголовка. Въ скоромъ времени за этимъ заголовкомъ начали ставить еще предисловіе, въ которомъ излагали происхожденіе печатаемой книги, хлопоты, съ которыми было сопряжено составленіе и печатаніе ея. Болѣе и болѣе занятый матеріальнымъ выполненіемъ, совершенствовавшимся съ каждымъ днемъ, типографщикъ долженъ былъ приглашать къ себѣ на помощь

ученаго по профессіи, грамматика, который былъ *издателемъ*, обязаннымъ выбирать наиболѣе точныя рукописи, раздавать ихъ наборщикамъ, поправлять *корректуру*, т. е. пробные оттиски, на которыхъ было можно, при внимательномъ просмотрѣ, отмѣчать ошибки, сдѣланныя наборщикомъ при наборѣ и разстановкѣ буквъ,—ошибки, которыя типографщикъ, въ свою очередь, обязанъ былъ исправить до окончательнаго печатанія. Филологъ-издатель также получилъ свою долю выгодъ и почестей въ занятіи новымъ искусствомъ.

Каковы были эти первые шаги и успѣхи, вы это увидите и будете удивляться, что они были такъ быстры. И дѣйствительно, они были такъ быстры, что во время Медичисовъ въ Италиі \*) книгопечатаніе достигло совершенства, которое во многихъ отношеніяхъ не превзошло и въ наше время.

Многознаменательное событіе, возрожденіе древ-

---

\*) Въ Италию книгопечатаніе было занесено въ 1464 году тремя юношами: Конрадомъ Швейнгеймомъ, Арнольдомъ Паннарцомъ и Ульрихомъ Ганомъ, учениками типографіи Фауста и Шеффера, въ Германіи. Они должны были бороться съ крайнею нуждою и преодолѣть громадныя затрудненія, потому что въ Италиі любовь къ собиранію древнихъ рукописныхъ книгъ была такою, что многіе предпочитали рукописныя книги печатнымъ. Тѣмъ не менѣе, новая промышленность распространилась быстро и въ 1490 году типографіи уже существовали болѣе, чѣмъ въ тридцати городахъ Италиі.

нихъ наукъ, сильно способствовало этому благодѣтельному перевороту.

Уже съ давняго времени на Западѣ обнаруживалась сильная любознательность относительно образцовыхъ произведеній греческой и латинской древности. Взятіе турками Константинополя, въ 1463 году, сообщило новый толчекъ этой дѣятельности умовъ. При видѣ въ рукахъ невѣрныхъ наибогатѣйшаго изъ греческихъ городовъ, заключавшаго въ себѣ величайшія литературныя сокровища, почувствовали наибольшую охоту собирать книги, которымъ угрожала опасность отъ мусульманскаго варварства. Греки, бѣжавшіе въ Италію и Францію, возбудили всеобщее состраданіе въ своимъ соотечественникамъ, удвоили любовь къ изученію ихъ роднаго языка. Они привезли съ собою много рукописей; нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ Іоаннъ Ласкарисъ, были отправлены на Востокъ за другими рукописями. Владѣтельныя особы спорили въ соревнованіи съ лицами, дававшими мѣсто въ своей библіотекѣ этимъ литературнымъ сокровищамъ. Типографія успѣшила воспроизвести труды греческихъ классиковъ, избѣгнувшіе столькихъ бѣдствій. Даже латинскіе классики, менѣе забытые и чаще воспроизводимые западными переписчиками, не безнаказанно пережили многіе вѣка и подверглись многочисленнымъ шансамъ совсѣмъ погибнуть. Пора уже было книгопечатанію спасти обломки отъ всѣхъ этихъ крушеній. Иной древній писатель существовалъ не болѣе какъ въ

одной рукописи, да иной разъ и эта рукопись не переживала изданія, воспроизводившаго ея текстъ; это именно и случилось съ Веллейемъ Патеркуломъ, изыщмымъ сократителемъ римской исторіи. Поэтому первые типографщики, равно какъ папы, владѣтельные особы, частныя лица, поощрявшія ихъ труды, имѣютъ полное право на нашу вѣчную признательность за услуги, оказанныя ими человѣческому знанію.

Въ то же время умножались какъ латинскіе переводы произведеній, писанныхъ на греческомъ или на восточныхъ языкахъ, такъ и переводы на новѣйшіе языки многихъ оригинальныхъ сочиненій. Искусство комментирования, дополняя искусство переводчика, выставило въ болѣе яркомъ свѣтѣ нныя произведенія ученыхъ и философовъ древности, которыя уже давно читались безъ правильнаго пониманія ихъ. Въ этой многочисленной семьѣ типографщиковъ и ученыхъ періода Возрожденія были люди съ большимъ талантомъ, героическіе характеры по своей преданности наукъ. Не много ученыхъ, пользующихся съ большимъ правомъ знаменитостью, чѣмъ Альдъ Мануцій въ Италіи, чѣмъ Робертъ и Генрихъ Этьеннъ во Франціи. Самые скромные труженики въ этомъ обновленіи знаній трогаютъ насъ своимъ простодушнымъ жаромъ и своимъ безкорыстіемъ. Напримѣръ, нельзя читать нынѣ безъ душевнаго волненія, въ первомъ изданномъ во Франціи учебникѣ греческаго языка (*Liber gnomagyricus de Francois Tissard*; печатана у Gilles de



Guigmont, 1507), рассказъ о мученіяхъ и расходахъ, которыхъ онъ стоилъ издателю;—горячія мольбы, съ которыми онъ обращается къ студентамъ, чтобы пробудить въ нихъ прилежаніе и получить отъ нихъ средства на продолженіе своего труда. Иные дѣятели этой славной исторіи нашли себѣ достойныхъ біографовъ; извѣстный французскій типографщикъ Фирменъ-Дидо съ большимъ знаніемъ дѣла описалъ жизнь Альда Мануція; еще недавно одинъ молодой историкъ Вастъ рассказывалъ намъ по-латыни исторію Іоанна Ласкариса, бывшаго поставщикомъ для бібліотеки Медициновъ и для бібліотеки французскаго короля Франциска I; онъ написалъ также съ любопытными подробностями исторію грека Виссаріона, его усилія въ пользу соединенія обѣихъ, восточной и западной, церквей, его болѣе существенныя работы, благодаря которымъ Виссаріонъ, сдѣлавшись кардиналомъ римской церкви, былъ самымъ дѣятельнымъ сподвижникомъ возрожденія греческой литературы въ Италіи \*). Онъ далъ намъ возможность оцѣнить необыкновенныя богатства бібліотеки, составленной этимъ ученымъ мужемъ. Но остается еще нарисовать общую картину столь памятнаго движенія. Извѣстный авторъ *Путешествія Анахарсиса*, аббатъ Бартелеми, поставилъ

---

\*) Его бібліотека въ 30 ящиковъ, содержащихъ 400 томовъ, досталась Венеціи и послужила первымъ зародышемъ для основанія знаменитой бібліотеки Святаго Марка.

задачею описать блестящій періодъ, во время котораго, подъ вліяніемъ просвѣщенныхъ государей, книгопечатаніе получило толчекъ и распространило въ цѣлыхъ тысячахъ экземпляровъ столь еще рѣдкіе тексты древнихъ классическихъ авторовъ. Пожелаемъ же, чтобы нашелся другой человекъ, который овладѣлъ бы работой во всей ея совокупности и полнотѣ, — работой, интересъ и серьезное значеніе которой мы могли здѣсь опредѣлить лишь въ очень немногихъ словахъ.

---

## ГЛАВА II.

### Успѣхи и различныя судьбы книгопечатанія.

Общій обзоръ. — Чудесное примѣшивается къ исторіи всякаго великаго изобрѣтенія. — Мнимо-божественное происхожденіе *Рунъ* у скандинавскихъ народовъ. — Книги, приписанныя египтянами богу Тоту. — Преданія о сверхъ-естественномъ происхожденіи санскритскаго языка. — Книгопечатаніе вначалѣ считается дѣломъ колдовства. — Гравюра на деревѣ. — Газеты. — Покровительство высокихъ особъ не всегда обезпечиваетъ свободу авторовъ.

Великія изобрѣтенія признательностью народовъ охотно приписываются какой либо сверхъ-естественной причинѣ. Греки приписываютъ богу Аполлону, Мнемозинѣ, богинѣ памяти, и Музамъ, ея дочерямъ, изобрѣтеніе музыки, искусства стихосложенія и исторіи.

На другомъ концѣ Европы, самая древняя, употребляемая у скандинавовъ письменность, *руническая*, приписывается ими богу Одину, котораго они считали также и отцомъ ихъ племени. Хотя и встрѣчаются сотни надписей руническими буквами на скалахъ Норвегіи, Швеціи, Даніи и даже въ различныхъ стра-

нахъ, куда норманскіе пираты дѣлали свои набѣги, но значеніе этихъ буквъ очень рано утрачено, и суетвѣріе не разъ приписывало имъ волшебный смыслъ.

Египтяне приписывали изобрѣтеніе письма своему богу Тоту или Теуту,—Гермесу грековъ и Меркурію римлянъ. Они предполагали, что это таинственное лицо сочинило цѣлую кучу наукъ, одни говорятъ въ 36,525 книгъ, а другіе—въ 20,000 книгъ. Одинъ древній писатель утверждаетъ, что онъ знаетъ 1,200 *гермесовскихъ* произведеній объ одной только исторіи боговъ. Отъ этой, по правдѣ сказать, баснословной энциклопедіи въ III вѣкѣ нашей эры оставалось только сорокъ двѣ книги, сохранявшіяся съ религіознымъ уваженіемъ въ египетскихъ храмахъ. Точно также, въ своемъ поклоненіи прекрасному языку браминовъ, старшему брату большей части нашихъ европейскихъ языковъ, индійцы рассказывали, что правила этого языка были нѣкогда изложены богомъ Брамой въ миллионѣ *слокъ* или двестишій, слѣдовательно въ двухъ миллионахъ стиховъ; что другой богъ, Индра, сократилъ ихъ въ 100,000 *слокъ* или 200,000 стиховъ. Лицо менѣе баснословное, грамматикъ Панини, сократилъ это первое сокращенное руководство до 8,000 *словъ* или 16,000 стиховъ. Третье сокращеніе привело это удивительное ученіе къ болѣе скромнымъ размѣрамъ, въ какомъ видѣ оно и сохранилось до насъ. Эти цифры и эти преданія даютъ вамъ понятіе

о преклоненіи прежнихъ людей предъ благодѣтелями  
человѣчества.

Когда было изобрѣтено книгопечатаніе, свѣтъ былъ  
уже слишкомъ старъ, чтобы у насъ могло оставаться  
мѣсто для подобныхъ басенъ. Говорятъ, что суевѣр-  
ный умъ нынѣшнихъ французовъ встрѣтилъ сначала  
съ недоувѣріемъ первыхъ учениковъ Гутенберга, пе-  
ренесшихъ во Францію свое ремесло въ 1470 году:  
книгопечатаніе казалось дѣломъ колдовства, и на этомъ  
основаніи чуть было не было осуждено формальнымъ  
приговоромъ парижскаго парламента; лишь только  
благодаря здравому уму короля Людовика XI оно по-  
лучило законное право на существованіе и пользова-  
лось его-покровительствомъ; король Людовикъ XII  
идеть еще дальше: въ своемъ указѣ отъ 9 августа  
1513 года онъ, далеко не считая типографщиковъ слу-  
жителями сатаны, называетъ «искусство и науку тис-  
ненія изобрѣтеніемъ болѣе божественнымъ, чѣмъ че-  
ловѣческимъ». Французскій король не одинъ говорилъ  
въ то время подобнымъ языкомъ; вообще, не обого-  
творяя изобрѣтателя, какъ это дѣлалось въ языче-  
ской древности, прославляютъ на всѣ лады, въ сти-  
хахъ и въ прозѣ, чудо, сотворенное его геніемъ. Это  
было лишь должною данью справедливости; вы это  
сейчасъ увидите изъ послѣдующихъ успѣховъ, о ко-  
торыхъ мы и будемъ теперь бесѣдовать.

Съ книгопечатаніемъ идетъ объ руку гравюра.  
Собственно говоря, послѣдняя опередила книгопе-

чатаніе на нѣсколько лѣтъ, такъ какъ тѣ деревянныя доски, на которыхъ вырѣзывали цѣлую страницу буквъ и фигуръ, чернили ихъ чернилами и получали оттискъ на бумагѣ, представляютъ собою настоящія гравированныя доски, откуда произошло и самое слово ксилографія (рѣзба на деревѣ). Но кажется вполнѣ достовѣрнымъ, что эта промышленность существовала въ Голландіи уже въ началѣ XV столѣтія. Лоренцъ Костеръ напечаталъ въ Гарлемѣ (въ 1430 году) картины съ приложеніемъ легендъ, слѣдовательно, почти за двадцать лѣтъ до Гутенберга и его двухъ сотоварищей. Скоро начали дѣлать *нарѣзки* на металлической доскѣ. Гравюра и типографія естественно соединились вмѣстѣ для печатанія книгъ съ рисунками. Такимъ образомъ произведенія, встарину раскрашенныя рукою писцовъ и рисовальщиковъ, стали раскрашиваться рукою граверовъ и типографщиковъ; такимъ образомъ распространилось употребленіе *штемпелей*, замѣнившихъ подпись типографовъ, *виньетокъ*, *залавныхъ* или *титульныхъ листовъ*, затѣмъ всякаго рода рисунковъ, которые или на отдѣльныхъ страницахъ, или внутри текста служили для большаго объясненія послѣдняго и удваивали его пользу, въ особенности въ математическихъ сочиненіяхъ или въ естественной исторіи, а также въ произведеніяхъ, касающихся различныхъ методовъ рисованія. Тутъ, какъ и во всякомъ дѣлѣ, первые опыты были грубы и нѣсколько наивны; затѣмъ испол-

неніе усовершенствовалось и въ XVI столѣтіи оно уже не было недостойно великихъ артистовъ, архитекторовъ, скульпторовъ и художниковъ, имена которыхъ прославлены множествомъ образцовыхъ произведеній.

Здѣсь умѣстно будетъ указать на имена нѣкоторыхъ людей, которымъ книгопечатаніе и гравюра много обязаны своими успѣхами. Жоффуа Тори, какъ грамматикъ и какъ типографъ введшій во французскій языкъ нѣсколько новыхъ практическихъ приѣмовъ, родился въ концѣ XV столѣтія и умеръ около 1554 года. Весьма искусный граверъ, онъ въ послѣдніе годы своей жизни занимался исключительно гравернымъ искусствомъ, въ особенности же иллюстрированіемъ виньетками, заглавными буквами книгъ, изданныхъ другими типографами. Еще болѣе извѣстенъ Жанъ Кузень. Въ скромномъ званіи живописца образовъ, онъ обнаружилъ разнообразныя таланты скульптора, архитектора, художника и гравера; но какъ граверъ, онъ въ особенности заслуживаетъ вниманія. Развѣ не интересно узнать, что человекъ, котораго иногда ставили на ряду съ Микель Анджелло, рисовалъ и нерѣдко гравировалъ самъ, и почти всегда безъ своей подписи, фигуры въ слѣдующихъ печатныхъ произведеніяхъ: *Livre de perspective*;—*l'Eloge et le tombeau de Henri II*;—*le Livre des coutumes de sens*; и наконецъ, *le Livre de la Lingerie, enrichi de plusieurs excellents et divers patrons*.

Эту изумительную дѣятельность артиста по всякаго рода работамъ можно сравнить только съ дѣятельностью его современника философа и типографа Генриха Этьенна.

Но не одна Франція представляла въ то время такіе примѣры. Знаменитый Гольбейнъ украсилъ фигурами, особенно цѣнными знатоками, одно изданіе *Похвалы глупости*, его друга Эразма, и Анатомію Везалия, не считая знаменитой серіи рисунковъ, изображающихъ такъ-называемую «пляску мертвыхъ».

Съ самаго начала ксилографическій рисунокъ шелъ объ руку съ трудами первыхъ типографовъ. Но ксилографы XV вѣка были не болѣе какъ простыми работниками; въ XVI вѣкѣ мы видимъ уже между ними артистовъ, и даже геніальныхъ артистовъ.

Самая гравюра, какъ мы это видимъ, получила опредѣленную роль и воспроизводила или портреты и картины, или цѣлыя серіи рисунковъ, составлявшихъ сами по себѣ отдѣльные томы, каковы, на примѣръ, географическія карты и планы, на которыхъ цѣлыми сотнями изображены типы медалей и монеты, портреты знаменитыхъ личностей, анатомическія фигуры и т. д.

Но исторія гравюры сама по себѣ можетъ составить предметъ особаго сочиненія, котораго мы не можемъ набросить здѣсь даже въ общихъ чертахъ. Возвращаясь и ограничиваясь *типографскимъ* книгопечатаніемъ, мы не можемъ не сказать, что нельзя вспомнить



безъ глубокой признательности къ изобрѣтателямъ книгопечатанія о многочисленныхъ благодѣяніяхъ, оказанныхъ ими цивилизованнымъ народамъ. Въ числѣ работъ мысли сколько есть такихъ, которыя оно улучшило, сколько другихъ, которыя оно одно сдѣлало возможными!

Напримѣръ, бросьте взглядъ на древній географическій трактатъ, какъ, напримѣръ, трактатъ Птолемея, въ которомъ положеніе мѣстъ опредѣлено пересѣченіемъ долготъ и широтъ: вы увидите тамъ тысячи цифръ, которыя рука переписчиковъ должна была нерѣдко измѣнять и которыя, будучи разъ поставлены послѣ тщательной провѣрки, при печатаніи подвергались лишь рѣдкимъ случайностямъ. То же самое должно сказать и о геометрическихъ книгахъ, въ которыхъ около фигуръ поставлены буквы, на которыя ссылается текстъ, и гдѣ малѣйшая ошибка въ этихъ ссылкахъ можетъ сдѣлать доказательства непонятными. Астрономическія таблицы, таблицы логарифмовъ, еслибы воспроизводились только одними переписчиками, пестрѣли бы многочисленными ошибками. Древніе, какъ мы уже видѣли, имѣли *толковники* (*glossarii*) и *словари* (*lexicae*), которые, однакоже, нельзя сравнить по вѣрности воспроизведеній и удобствамъ, представляемымъ ими для читателей, съ нашими новѣйшими словарями. *Сокровище греческаго языка*, 4 тома in-folio, изданное въ 1572 году французскимъ филологомъ и типографомъ Генрихомъ Этьенномъ, было бы тру-

домъ почти невозможнымъ до Гутенберга. Ни одна рукопись не могла достигать, и въ особенности сохранять долгое время, при многочисленныхъ переписываніяхъ, степень точности и ясности, возможныхъ при типографскомъ способѣ воспроизведенія книгъ. Оглавленія къ ученымъ и историческимъ книгамъ, столь облегчающія отысканіе какого-либо нужнаго мѣста въ книгѣ, были почти неизвѣстны древности, нынѣ же они составляютъ обычное дополненіе къ тексту автора. Обычай прилагать къ книгѣ оглавленіе или index установился въ концѣ XV столѣтія; можно указать на такой index къ большой изданной Альдами книгѣ, представляющей чудо богатства и точности (*The-saurus Cognoscioriae*. Венеція, 1513 года).

Другое затрудненіе для древнихъ писателей, особенно для историковъ, представляла почти полная невозможность дополнять свои рассказы ссылками на книгу и на страницу авторовъ, которыми они пользовались: это слишкомъ увеличило бы объемъ рукописей и создало бы для переписчиковъ много трудностей; поэтому примѣчанія замѣняли отступленіями, или вносными словами, слишкомъ часто вредившими ясности изложенія. У насъ примѣчаніе, вынесенное на поле или внизъ страницы, позволяетъ ученому читателю дѣлать справки, когда ему вздумается, и не причиняетъ никакого безпокойства заурядному читателю, ищущему только пріятнаго и поучительнаго чтенія. Краткое изложеніе содержанія каждой части книги,

поставленное также на поляхъ, поставленные на верху страницъ заголовки, перемежающіеся съ перемежною содержанія, также представляютъ важныя удобства. Съ успѣхами цивилизаціи, число книгъ всякаго рода умножается до безконечности; но, къ сожалѣнію, дни не удлинились ни на одну минуту и наиприлежнѣйшій изъ людей долженъ беречь свое время и щадить свои силы. Цицеронъ писалъ въ свое время: «Еслибы моя жизнь продлилась вдвое дольше, то и тогда мнѣ все-таки не хватило бы времени на прочтеніе... (угадайте, чего?) на прочтеніе лирическихъ поѣтовъ». Слѣдовательно, ихъ было уже много. Но сколько отпрысковъ было, въ теченіе тысячи девятисотъ лѣтъ, у одной этой отрасли поэзіи, а сколько еще другихъ отраслей было плодоносныхъ вокругъ этой. Что сказалъ бы нынѣ великій писатель, ораторъ и немного поэтъ (такъ какъ Цицеронъ писалъ очень красивые стихи), что сказалъ бы онъ, во время Людовика XIV, если бы онъ имѣлъ возможность войти въ бібліотеку кардинала Мазарини, въ бібліотеку Кольбера, или въ бібліотеку какой-либо изъ ученыхъ французскихъ духовныхъ конгрегацій, наконецъ въ королевскую бібліотеку, которая уже начинала тогда опережать другія бібліотеки числомъ и великолѣпіемъ своихъ богатствъ? Онъ увидѣлъ бы тамъ установленными длинными рядами, кромѣ томовъ, оставшихся отъ его произведеній и другихъ сочиненій, ускользнувшихъ отъ великаго крушенія древности, можетъ быть,

сотню тысячъ томовъ науки и новѣйшей литературы, напечатанныхъ съ большей или меньшей роскошью и тщательностью, но легко могущихъ однимъ своимъ числомъ смутить до нѣкоторой степени самую трудолюбивую любознательность.

И дѣйствительно, книгопечатаніе не только облегчило, улучшило, преобразовало приготовленіе книгъ; оно сдѣлало возможными изданія, о которыхъ наши отдаленные предки не могли имѣть даже понятія. Таковы сборники хроникъ, хартій и дипломовъ, мемуары академій и ученыхъ обществъ, объемистые биографическіе словари, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ десяти, двадцати, тридцати томовъ in-quarto или in-folio и которые навѣрное никакая армія переписчиковъ или каллиграфовъ не была бы въ состояніи переписать и пустить въ обращеніе въ достаточно большомъ числѣ экземпляровъ для удовлетворенія потребности ученаго міра.

Другое нововведеніе, сдѣлавшееся возможнымъ только благодаря одному книгопечатанію, представляютъ журналы и газеты, по крайней мѣрѣ въ той формѣ и распространеніи, какое они получили съ XVII вѣка.

Римляне, при имперіи и даже во время республики, имѣли ежедневную газету съ официальными объявленіями; объ этомъ мы уже говорили выше. Но хотя названіе и самое дѣло восходятъ къ такой далекой древности, газетная дѣятельность, въ собственномъ

смыслъ этого слова, составляетъ совершенно особую и совершенно новую форму литературы. Редакторъ древне-римской газеты *Acta Populi Romani* могъ распространять свою газету въ 500, самое большее въ 1000 экземпляровъ, тогда какъ книгопечатаніе дало возможность распространять газеты быстро въ цѣлыхъ тысячахъ экземпляровъ! Во время экспедиціи въ Италію французскаго короля Карла VIII, бюллетень походовъ и побѣдъ французской арміи, нерѣдко доставлявшійся двору черезъ Альпы, печатался въ типографіи и распространялся на листкахъ, печатавшихся готическими буквами; нѣсколько экземпляровъ этихъ листовъ сохранилось донинѣ, и они недавно перепечатаны французомъ Де-ла Пилоржери подъ слишкомъ громкимъ названіемъ: *Кампанія и бюллетень великой итальянской арміи*. Но то были лишь очень слабые зачатки. Въ XVI вѣкѣ утвердился этотъ обычай распространенія новостей подъ рукою, которыя появлялись обыкновенно не чрезъ одинаковые промежутки времени. И только въ первой половинѣ XVII столѣтія организуются настоящія учрежденія гласности, издающія правильно, подъ различными названіями, ежемѣсячные или двухнедѣльные листки, а потомъ и ежедневные; они сообщали всѣ новости, какія только могли интересовать публику, не задѣвая ни одной изъ государственныхъ властей. Таковы были во Франціи *Mercurie François*, *Gazette de France* (1631 года), *Muse historique* или *Gazette burlesque* (послѣд-

няя газета издавалась въ стихахъ, собраніе которыхъ содержитъ не менѣе 400,000 стиховъ въ 3 томахъ), затѣмъ *Journal des Savants*, продолжающій выходить подъ тѣмъ же самымъ названіемъ еще и нынѣ и такимъ образомъ являющійся, въ своемъ родѣ, старшиной всѣхъ своихъ собратій. Въ скоромъ времени мы видимъ, что эти листки одинаковаго формата, съ одинаковымъ заголовкомъ, а иногда и соединенные вмѣстѣ съ одинаковою помѣткою страницъ, превращаются въ очень толстыя книги.

Но здѣсь будетъ кстати замѣтить, что одного условія для процвѣтанія недоставало литературѣ, а иногда и наукѣ того времени, а именно: свободы.

Многія владѣтельные особы любятъ писателей и ученыхъ, покровительствуютъ и поддерживаютъ ихъ; Францискъ I, король французскій, жалуетъ особый титулъ и привилегіи Роберту Этьенну, котораго онъ дѣлаетъ своимъ типографомъ. Съ того времени во Франціи постоянно существуютъ королевскіе типографы. Въ теченіи даже нѣсколькихъ лѣтъ ихъ станки работали въ Луврѣ, и оттуда вышло очень много очень красивыхъ книгъ, между прочимъ коллекція византійскихъ лѣтописцевъ. Эти красивыя книги нерѣдко получали прочные и блестящіе переплеты. При дворѣ Медичисовъ и Валуа, впослѣдствіи при Генрихѣ IV и его преемникахъ, процвѣтала школа особенно искусныхъ переплетчиковъ. Французская національная бібліотека владѣетъ громадной и неоцѣ-

ненной коллекціей этихъ роскошныхъ томовъ, въ которыхъ видны всѣ тонкости утонченнаго вкуса. Но раскройте эти книги и, за рѣдкими исключеніями, вы найдете впереди, или на послѣдней страницѣ, одобреніе цензора. Хотя цензура и не всегда была правильно организована, тѣмъ не менѣе изданіе книгъ подвергалось тщательному надзору; нерѣдко оно испытывало на себѣ всю строгость судовъ, если авторъ касался политическихъ или религіозныхъ вопросовъ. Говоря короче, въ то время не существовало такой свободы печати, какую мы пользуемся нынѣ.

---

## ГЛАВА III.

### Книги анонимныя и псевдонимы.

Книги, приписываемыя классической древности.—Сибиллины оракулы.—Мнимая переписка Сенеки съ апостоломъ Павломъ.—Апокрифическія Евангелія.—Сатира Мениппея.—Провинціальныя письма.—Комедія Академики.—Шарлатанство ученыхъ.—Литературныя поддѣлки Горация Вальполя, Макъ-Ферсона и Чаттертона.—Піеса, ложно приписанная Шекспиру.—Юній и авторъ Ваверлея.

Даже при своей узкой, подчиненной роли, изданіе газетъ оказало не одну услугу литературѣ. Газеты изо дня въ день отмѣчали выходъ новыхъ книгъ и имена ихъ авторовъ; онѣ пришли на помощь этимъ послѣднимъ въ дѣлѣ обезпеченія ихъ права собственности на сочиненія, появившіяся за ихъ подписью. Такимъ образомъ книга, едва появившись, уже была рекомендуема вниманію ея будущихъ читателей. Впрочемъ, уже официальное разрѣшеніе на ея изданіе съ точностью указывало время ея появленія, за исключеніемъ случаевъ поддѣлки и обмана. Въ этомъ за-



ключался уже важный успѣхъ, заслуживающій нѣкотораго вниманія.

Много книгъ, во всё времена, обращалось въ публикѣ *анонимными*, т.-е. безъ имени автора; многія выходили въ свѣтъ подъ *псевдонимами*, т.-е. подъ вымышленными именами. Въ политическихъ и религіозныхъ спорахъ, и даже въ литературныхъ, нерѣдко авторъ какого нибудь пасквиля охотно скрывалъ свое имя, во избѣжаніе судебного преслѣдованія; или ради того, чтобы возбудить любопытство публики, которую вообще увлекаетъ анонимъ. Уже въ древности встрѣчаются примѣры подобныхъ хитростей, не всегда бывшихъ невинными. Знаменитому историку Теопомпу злые языки приписали памфлетъ, касающійся соперничества Фивъ, Афинъ и Лакедемона. Иному писателю поддѣльватели приписывали нѣкоторыя, впрочемъ почтенныя, произведенія, отъ авторскихъ правъ на которыя онъ отказывался. Почти всё сборники писемъ, оставшіеся намъ отъ греческой древности, носятъ вымышленныя имена; таковы предполагаемые письма знаменитаго полководца Эмистокла; Фалариса, тирана Агригентскаго, философовъ Діогена и Кратеса, комическаго поэта Менандра и т. д. Переписка Цицерона, по-справедливости замѣчательная во многихъ отношеніяхъ, представляется первою, которую можно назвать безусловно достоверною. Самъ Цицеронъ приготовилъ ее къ обнаруженію при содѣйствіи Помпонія Аттика, самаго бо-

гатаго и самаго преданнаго изъ его друзей, который и сдѣлался ея *издателемъ*. Послѣ него, этому примѣру подражали нерѣдко; но онъ не предохранилъ древнюю книжную торговлю отъ многихъ неожиданныхъ сюрпризовъ обмана. Христіанское общество знало много случаевъ подобныхъ обмановъ, приписывавшихъ авторитету знаменитыхъ именъ произведенія невѣдомаго и не совсѣмъ почтеннаго происхожденія (откуда происходитъ и самое названіе *апокрифы*). Таковы сборники *сибиллинныхъ* оракуловъ, приписанныхъ сибилламъ или языческимъ пророчицамъ и предсказывавшихъ главные событія греческой и римской исторіи, въ связи съ библейскими пророчествами. Такова также поддѣльная переписка Сенеки философа съ св. апостоломъ Павломъ. Многія апокрифическія *Евангелія*, многія *Дѣянія мучениковъ* заключаютъ въ себѣ такія преданія, которыя, не будучи достовѣрными, заслуживаютъ вполнѣ того, чтобы сохранять ихъ, какъ интересныя свидѣтельства нравовъ и состоянія умовъ въ христіанскомъ обществѣ первыхъ вѣковъ нашей эры. Средніе вѣка оставили много произведеній подобнаго рода, которыя, благодаря неопытности первыхъ типографовъ, были распространены, безъ всякаго критическаго изслѣдованія, по бібліотечамъ и поддѣльность которыхъ признана лишь впоследствии. Но въ средніе вѣка появлялись также хроникн, теологическіе трактаты, душеспасительныя книги безъ обозначенія имени автора или по безпеч-

ности, или вслѣдствіе скромности. Безъ всякаго сомнѣнія, именно по скромности авторъ *Подражанія Иисусу Христу* не оставилъ намъ своего имени и до сихъ поръ еще остается неизвѣстнымъ, не смотря на постоянно возобновляемыя усилія открыть его.

Новѣйшіе поддѣлыватели находили также, и очень часто, типографовъ, соглашавшихся быть соучастниками въ ихъ обманахъ, иногда невинныхъ, если дѣло шло о простой игрѣ ума; иной же разъ опасныхъ и преступныхъ, когда дѣло шло о болѣе важныхъ интересахъ религіи, нравственности и государства. Во Франціи, во время Лиги, появилась въ такой формѣ *Сатира Мениппея*, составляющая одинъ изъ историческихъ документовъ и одинъ изъ памятниковъ французской литературы. Во время войнъ Фронды, Парижъ и почти вся Франція были наводнены анонимными или псевдонимными пасквилями, вышедшими изъ тайныхъ типографій; страсть и ненависть не знали предѣла и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ искупались умомъ и краснорѣчіемъ, какъ у авторовъ *Мениппеи*. Подъ твердою рукою управленія Людовика XIV, сдѣлавшагося настоящимъ королемъ послѣ смуты, происходившихъ въ его дѣтствѣ, свобода писанія, строго ограниченная во Франціи, укрылась въ ея предѣлахъ; Швейцарія и особенно Голландія представляли свои станки къ услугамъ свободныхъ писателей всѣхъ партій, которые широко пользовались ими.

Къ числу произведеній, вышедшихъ подъ псевдонимами и нашедшихъ способы къ напечатанію и распространенію во Франціи вопреки цензурѣ, принадлежатъ знаменитыя *Мелкія Письма*, или, какъ ихъ долго называли, *Письма къ провинціалу* или *Провинціальныя Письма*. Авторъ этихъ писемъ, знаменитый геометръ, Блезъ Паскаль, скрылъ свое настоящее имя подъ псевдонимомъ Луи де-Монтальта; вскорѣ послѣ своего выхода они были переведены на латинскій языкъ подъ другимъ псевдонимомъ, Петра Вендрока, другомъ автора, теологомъ и моралистомъ Николемъ.

Были во Франціи и другія подобныя же произведенія, хотя и менѣе надѣлавшія шума, но одно время пользовавшіяся популярностью; напимѣръ, *Письмо парижскаго буржуа о Сидѣ Корнеля*. Это письмо играетъ важную роль въ большомъ литературномъ спорѣ, возбужденномъ наиболее древнимъ образцомъ французской драмы.

Немного лѣтъ спустя, труды французской академіи, тогда еще только возникавшей, были осмѣяны въ комедіи или фарсѣ *Академики*, который, въ продолженіи десяти лѣтъ, ходилъ по рукамъ въ рукописныхъ спискахъ и наконецъ былъ напечатанъ въ 1650 году, но безъ имени автора и типографа.

Въ XVIII столѣтіи изъ французскихъ писателей болѣе всего злоупотреблялъ анонимами и псевдонимами Вольтеръ ради того, чтобы поиздѣваться надъ читателями,

или для того, чтобы избѣжать строгостей полиціи за невоздержность ѣдой сатиры. Онъ то признавалъ своими безыменныя произведенія, то упорно отказывался отъ нихъ, смотря по своему капризу и требованіямъ полемики, занимающей столько мѣста въ жизни этого писателя.

Разъ Вольтеръ самъ вдался въ обманъ подобнаго рода, и притомъ въ дѣлѣ весьма важномъ. По рукописи, хранившейся въ королевской библіотекѣ, онъ познакомился съ изданнымъ однимъ миссіонеромъ произведеніемъ, подъ названіемъ *Эзуръ-Вейдамъ*, въ которомъ были введены нѣкоторыя библейскія идеи, въ видахъ сравненія браманизма съ христіанскою религіей. Онъ нѣсколько разъ цитировалъ эту книгу, между прочимъ въ главѣ IV своего *Опыта о нравахъ*, считая ее за произведеніе древняго индійскаго мудреца, жившаго еще до завоеванія этой страны Александромъ Македонскимъ. Названіе *Эзуръ-Вейдамъ* не что иное какъ искаженное слово *Іаджуръ-Веда*, означающее по-санскритски одинъ изъ сборниковъ священныхъ гимновъ индійцевъ. Теперь уже давно доказано, что это ни болѣе ни менѣе, какъ поддѣлка.

Иной разъ псевдонимъ представляетъ не что иное, какъ анаграмму, т.-е. настоящее имя автора, но только въ буквы поставлены въ обратномъ порядкѣ. Такимъ образомъ, во Франціи, въ 1748 году, вышло сочиненіе за подписью *Теллиамед* (*Telliamed*), сдѣ-

лавшееся впоследствии знаменитымъ. Въ этомъ сочиненіи Бенуа *de-Мазье (de-Maillet)* первый излагаетъ очень новыя и нерѣдко весьма справедливыя мысли объ исторіи земнаго шара; мысли эти были оспариваемы Вольтеромъ, но одобрены Бюффономъ, а впоследствии и великимъ геологомъ и натуралистомъ Кювье. Иногда также псевдонимъ представляетъ анаграмму другаго псевдонима. Такимъ образомъ Паскаль, скрывшійся подъ именемъ *Луи де-Монтальта (Louis de-Montalte)*, при изданіи своихъ *Писемъ къ провинціалу*, впоследствии цитировалъ самъ себя въ *Мысляхъ* подъ именемъ *Саломона де-Тулъти (Salomon de-Tudtie)*, представляющемъ только анаграмму предъидущаго псевдонима. Издатели долго доискивались, кто могъ быть такой таинственный теологъ Саломонъ де-Тулъти, и лишь при второмъ изданіи *Мыслей*, въ 1866 году, Эрнестъ Гавэ могъ подтвердить разрѣшеніе этой загадки.

Одинъ изъ многочисленныхъ враговъ Вольтера, Сентъ-Гиацинтъ, издалъ (въ 1714 г.), подъ именемъ доктора Златоуста Матаназіуса, въ двухъ маленькихъ томахъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Образцовое произведение Незнакомца*. Комментируя слово за словомъ цѣлую пѣсню въ сорокъ стиховъ, авторъ хотѣлъ осмѣять злоупотребленіе комментаріями, — злоупотребленіе, слишкомъ частое у ученыхъ всѣхъ вѣковъ; къ своимъ примѣчаніямъ онъ присоединяетъ цѣлыя разсужденія въ напыщенной формѣ, въ свою очередь

представляющія пародію на отступленія (*excursus*), обычныя у издателей и истолкователей древних авторовъ. Около того же времени была издана, за подписью Іоанна Бурхарда Менкена, забавная книжечка на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *De Charlataneria eruditorum*, въ переводѣ котораго едва-ли нуждаются читатели. И дѣйствительно, шарлатанство ученыхъ не разъ заслуживало ѣдкихъ нападокъ сатиры. Уже въ древности извѣстны педанты, предававшіеся легкому удовольствію распространенія въ публикѣ историческихъ книгъ, совершенно испещренныхъ ссылками на авторовъ и на сочиненія, никогда не существовавшіе. Двѣ книжечки подобнаго рода носятъ имя знаменитаго Плутарха, который, разумѣется, никогда не былъ ихъ авторомъ.

Другія европейскія литературы также изобилуютъ апокрифами и псевдонимами, по всякаго рода предметамъ; приведемъ нѣсколько примѣровъ этого.

Во второй половинѣ минувшаго столѣтія Англія представила нѣсколько примѣровъ литературныхъ поддѣлокъ, получившихъ извѣстность благодаря обнаруженному ихъ авторами таланту и достигнутому ими большому успѣху. Первая поддѣлка принадлежитъ Горацию Вальполю, выдавшему за переводъ итальянскаго автора XIV столѣтія сочиненный имъ самимъ романъ подъ названіемъ *Отрантскій Замокъ*. Другой примѣръ поэтическія произведенія Оссіана, барда шотландскихъ героическихъ легендъ, мнимымъ переводчикомъ во-

торыхъ былъ Магъ-Ферсонъ и подлинниковъ которыхъ никогда не могло быть. Третій примѣръ поэмы, написанныя, языкомъ XV столѣтія, Томасомъ Чаттертономъ, едва достигшимъ восемнадцати-лѣтняго возраста. Сочиненіе ихъ онъ приписывалъ какому-то средневѣковому монаху. Туда же слѣдуетъ отнести попытку С. Айрленда, сфабриковавшаго мнимые автографы Шекспира и одно время даже успѣвшаго выдать трагедію своего издѣлія за недавно открытое произведеніе великаго поэта. Наконецъ, въ 1796 году появились *Письма Фальстафа*, которыя издатель или скорѣе сочинитель, Джемсъ Уайтъ, посвятилъ Дж. Джаланду. На этотъ разъ авторъ не предполагалъ обмануть публику, но желалъ показать, что онъ имѣетъ значительную долю ума и юмора поэта, создавшаго типъ Фальстафа. *Политическія письма Юниуса*, печатавшіяся съ 1769 по 1772 годъ въ журналѣ *Public Advertiser*, можетъ быть, представляютъ собою наиболѣе замѣчательное изъ этихъ псевдонимныхъ произведеній, такъ какъ ихъ поочередно приписывали восьми или десяти писателямъ, и не смотря на произведенный ими шумъ ихъ настоящій авторъ и до сихъ еще поръ остается неизвѣстнымъ.

Въ началѣ текущаго столѣтія, знаменитый Вальтеръ Скоттъ дебютировалъ, безъ своей именной подписи, романомъ *Ваверлей*, имѣвшимъ такой успѣхъ, что, продолжая издавать свои романы, онъ постоянно обозначалъ себя только словами: *авторъ Ваверлея*.



Но великій незнакомецъ, какъ его называли тогда, былъ скоро открытъ, и его имя не миновало столь заслуженной имъ славы.

Наше время не менѣе богато анонимными и псевдонимными произведеніями. Библіографамъ достается очень много работы со всѣми этими переодѣваньями; мы еще не говоримъ о книгахъ, подписанныхъ просто начальными буквами имени и фамиліи, по которымъ не всегда бываетъ легко возстановить полное имя авторовъ.

Чтобы дать понятіе о представляемыхъ этимъ трудностяхъ, скажемъ, что французскій словарь анонимовъ и псевдонимовъ ученаго бібліотекаря Барбье для одной только Франціи состоитъ изъ четырехъ толстыхъ томовъ, которые въ скоромъ времени пришлось дополнить еще пятымъ, что, однако же, не помѣшало приступить ко второму изданію, болѣе полному, чѣмъ первое.

---

## ГЛАВА IV.

### Распространеніе торговли книгами.

Распространеніе книгопечатанія внѣ предѣлахъ родной его земли.—Распространеніе книгъ въ англійской Индіи.—Введеніе книгопечатанія въ Константинополь.—Книжная торговля въ Гондарѣ, въ Абиссиніи.—Умственная дѣятельность и общественныя школы въ Австраліи.—Новѣйшіе успѣхи книгопечатанія.

До сихъ поръ мы слѣдили преимущественно во Франціи за успѣхами чуднаго искусства, изобрѣтеннаго Гутенбергомъ и его товарищами. Чрезвычайно интересно распространить такое изученіе и на другія страны. Нѣкоторые города весьма тщательно сохранили время напечатанія въ нихъ первой книги. Еще недавно Лондонъ праздновалъ годовщину основанія его первой типографіи. 24 марта 1878 года газета *Journal de Genève* сообщала о четырехсотлѣтіи первой книги, вышедшей изъ-подъ женевскихъ печатныхъ станковъ. Если бы мы могли остановиться на этомъ, то настоящая глава нашей исторіи должна бы была содержать

въ себѣ много любопытныхъ эпизодовъ: въ одномъ мѣстѣ проявляется противодѣйствіе рутинѣ; въ другомъ, напротивъ, почти восторженная поспѣшность воспользоваться новымъ орудіемъ для услугъ мысли, представленнымъ печатнымъ станкомъ. Въ серединѣ XVI столѣтія миссіонеры-проповѣдники Евангелія занесли съ собою книгопечатаніе въ Индію, гдѣ оно нынѣ, при англійскомъ владычествѣ, развилось до громадныхъ размѣровъ, даже среди мусульманъ и индусовъ.

Разумѣется, не легкое было дѣло привить привычки нашей цивилизаціи на этомъ громадномъ полуостровѣ, на которомъ англичане считаютъ болѣе двухъ сотъ милліоновъ подданныхъ нехристіанъ, и все-таки это дѣло прогресса осуществилось на нашихъ глазахъ съ изумительной быстротой. Мусульмане, равно какъ и туземцы съ каждымъ днемъ проникаются большею любовью къ распространенію просвѣщенія, въ томъ видѣ, какъ понимаемъ его мы, въ Европѣ: они заводятъ и содержатъ школы, даже женскія школы; они имѣютъ политическія и литературныя газеты; типографія распространяетъ среди нихъ переводы нашихъ книгъ и даже нѣкоторыхъ классиковъ древности.

Нѣкоторыя страны въ Европѣ узнали книгопечатаніе не раньше Индіи: въ Россіи первая книга была напечатана въ 1563 году \*). Но вотъ еще болѣе по-

---

\*) Первая типографія на Руси была основана въ Москвѣ, въ

разительный контрастъ! на той самой почвѣ, гдѣ прежде процвѣтала эллинская цивилизація, мусульмане долго противостояли примѣру своихъ сосѣдей. Кто бы могъ повѣрить, если бы на это не имѣлось неоспоримыхъ доказательствъ, что книгопечатаніе было введено въ Константинополь только въ 1727 году? До начала текущаго столѣтія оно оставалось чрезвычайно стѣсненнымъ въ своихъ примѣненіяхъ, ревнивый глазъ турокъ смотрѣлъ подозрительно на него даже у ихъ греческихъ подданныхъ, обнаруживавшихъ между тѣмъ живѣйшее желаніе учиться.

Не столь удивительно, что книгопечатаніе до сихъ поръ еще не введено даже въ христіанской странѣ, какова, на примѣръ, Абиссинія. Между тѣмъ, и тамъ существуетъ извѣстная культура. Имѣются школы и книжныя лавки, но что это за лавки въ сравненіи съ нашими! Одинъ путешественникъ, заслуживающій полнаго довѣрія, почти что въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ магазинъ главнаго книгопродавца въ Гондарѣ: задняя комната освѣщена только дверью въ другую комнату выходящую на улицу; въ этой задней комнатѣ, на каждой стѣнѣ прикрѣплены своими основаніями коровьи рога; къ каждому рогу на лентѣ прившена коробка, въ которой лежитъ одна, двѣ, или,

---

1553 году, послѣ столпаваго Собора. Первыми мастерами типографскаго дѣла были у насъ Иванъ Федоровъ и Петръ Тимоеевъ, которые и напечатали первую книгу — *Апостолъ* — въ 1564 году.

*Примѣчаніе переводчика.*

ужь самое большее, три рукописи; число всѣхъ этихъ предлагаемыхъ на продажу книгъ не достигаетъ и сотни. А между тѣмъ тамъ мы находимся очень близко отъ великихъ центровъ цивилизаціи народовъ, окружающихъ бассейнъ Средиземнаго моря. Надо сказать въ оправданіе абиссинскихъ книгопродавцевъ, что литература, которой они служатъ; бѣдна и мало оригинальна. Сколько извѣстно, она не превосходитъ даже 300 томовъ.

На Западѣ открытіе Америки очень рано открыло европейскимъ типографамъ мѣсто для сбыта своихъ работъ; число тамошнихъ потребителей быстро возростало, и скоро европейскіе типографы нашли себѣ соперниковъ, особенно въ англійскихъ колоніяхъ Сѣверной Америки, сдѣлавшихся могущественною республикою Соединенныхъ штатовъ; но тамъ еще не остановилась подавляющая дѣятельность англійскаго гения. Берега Австраліи, гдѣ пятьдесятъ лѣтъ назадъ существовали только исправительныя колоніи для преступниковъ, сдѣлались осѣдлостью свободнаго населенія, столько же могущественнаго, сколько и многочисленнаго, среди котораго процвѣтаютъ сотни школъ, университеты и всякаго рода журналы. Даже классическіе народы представляются тамъ эллинистами и латинистами, учениками и уже соперниками европейскихъ учителей.

## ГЛАВА V.

### Новые успѣхи книгопечатанія и книжной торговли.

Замѣчанія объ орудіяхъ письма. — Металлическое перо. — Новѣйшая каллиграфія, — Тироновскіе знаки и стенографія. — Стенографія въ Англіи. — Читаемъ-ли мы рѣчи греческихъ и римскихъ ораторовъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были произнесены? — Милонская рѣчь Цицерона. — Электрическій телеграфъ и телеграфическій языкъ. — Новыя потребности книгопечатанія. — Преимущества и неудобства механическаго приготовленія бумаги. — Сѣтованія бібліофиловъ.

Можно сказать, что въ теченіе одного столѣтія орудія ума человѣческаго, если можно такъ выразиться, преобразились на всѣхъ ступеняхъ и во всѣхъ направленіяхъ.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ гусиное перо, а можетъ быть и вороново перо, замѣнили *calamus* или тростниковую палку древнихъ писцовъ. Въ XVII столѣтія мы уже находимъ упоминаніе, у монахинь Портъ-Рояля, объ употребленіи металлическихъ перьевъ. Это изобрѣтеніе, подобно многимъ другимъ, какъ будто заснувшимъ тотчасъ же, не произведя надлежащаго дѣйствія,

развилося только въ наши дни, и вы всѣ знаете, до какого разнообразія формъ. Металлическое перо, можетъ быть, и не улучшило письмо, почеркъ, но, навѣрное, оно сберегаетъ время у всѣхъ пишущихъ, потому что они получаютъ его изъ рукъ фабриканта совсѣмъ расщепленнымъ и очиненнымъ. Впрочемъ, нельзя не признать, что письмо много утратило своего значенія со времени изобрѣтенія книгопечатанія. Нѣкоторыя дѣла, въ общественныхъ или частныхъ учрежденіяхъ, требуютъ еще руки искусныхъ каллиграфовъ; такимъ образомъ, текстъ мирнаго договора, текстъ закона и многіе другіе подлинныя документы, само собою разумѣется, должны быть написаны четкимъ и даже приятнымъ для глаза почеркомъ. Въ одномъ греческомъ циркулярѣ на папирусь, время Птолемеевъ, рекомендуется чиновникамъ птолемеевской канцеляріи «писать четко», и такой совѣтъ иногда дается еще и нынѣ въ нашихъ министерствахъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ въ особенности нуждается въ опытныхъ каллиграфахъ. При своихъ сношеніяхъ между собою, канцеляріи обязаны оказывать другъ другу такую любезность и отвѣчать только бумагами, написанными тщательнымъ почеркомъ; текстъ международныхъ договоровъ, само собою разумѣется осужденный на храненіе въ архивахъ, обыкновенно исполняется съ истинною роскошью; это нѣкоторымъ образомъ послѣднее убѣжище великой каллиграфіи. Въ обыденной жизни, и въ особенности для дружеской или коммерческой

переписки хорошій почеркъ дѣло также не безразличное. Но всякая рукопись, текстъ которой поступить въ обращеніе между публикою только въ видѣ печатнаго произведенія, не нуждается уже въ каллиграфическомъ переписываніи ея авторомъ или переписчикомъ.

Равнымъ образомъ сбереженіе времени и труда обезпечено намъ стенографіей или способомъ сокращеннаго письма. Въ этомъ еще видно странное неравенство народовъ. *Тироновскіе знаки*, настоящая стенографія, о происхожденіи которой было уже говорено выше, постоянно употреблялись въ средне-вѣковыхъ канцеляріяхъ. Послѣ возрожденія наукъ и литературы они были почти забыты. Затѣмъ мы видимъ ихъ снова появившимися въ Англіи, въ началѣ XVII столѣтія. Укажемъ одинъ достопамятный примѣръ ихъ употребленія: стенографъ записалъ рѣчь, произнесенную на самомъ эшафотѣ несчастнымъ королемъ Карломъ I, передъ плахой, на которую онъ долженъ былъ положить свою голову. Съ того времени англичане не переставали пользоваться стенографическимъ письмомъ для записыванія рѣчей, произносимыхъ ихъ ораторами въ собраніяхъ. А теперь стенографы вообще играютъ важную роль у всѣхъ свободныхъ націй. Разъ одинъ путешественникъ, войдя въ залу палаты общинъ въ Англіи, выразилъ удивленіе, что видитъ только депутатовъ и никакихъ мѣстъ для постороннихъ слушателей; депутатъ, которому онъ высказалъ это удивле-



ніе, указалъ ему въ ложѣ стенографовъ, занимавшихся записываніемъ всего, что говорилось въ собраніи. «Завтра, прибавилъ онъ, благодаря этимъ людямъ, Англія узнаетъ все, что мы говорили, все, что мы сдѣлали для ея интересовъ и для ея чести». Имѣя такимъ образомъ своимъ назначеніемъ воспроизводить слово во всѣхъ случаяхъ, когда оно произносится публично, стенографія сохраняетъ для исторіи массу драгоценныхъ документовъ, которые иначе погибли бы для нея. Подхваченная на лету ораторская импровизація, со всѣми ея красотами и почти неизбѣжными погрѣшностями противъ языка, воспроизводится въ ежедневныхъ газетахъ, откуда она, болѣе или менѣе исправленная, переходитъ въ собранія рѣчей, издаваемыхъ ораторамп. Историкъ находитъ тамъ важные матеріалы. Литературная критика съ интересомъ слѣдитъ за работой ума у великаго оратора; она любитъ слѣдить за усиліями, которые дѣлаетъ мысль, чтобы выдѣлиться внѣ рѣчью.

Въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего интереснѣе, какъ сравнить напечатанный такимъ образомъ по стенографическому отчету текстъ, съ передѣлками и поправками, сдѣланными ораторомъ въ своихъ рѣчахъ, если онъ желаетъ сохранить текстъ ихъ для потомства. Такого сравненія мы не можемъ сдѣлать относительно древнихъ ораторовъ. Когда Демосѣенъ говорилъ съ каеэды, ни одинъ писецъ не записывалъ его словъ, и потому онъ является предъ нами, нынѣ, лишь со

всею отчетливостью слога, исправленнаго на досугъ, долгое время спустя послѣ совѣщанія, на которомъ блестялъ его ораторскій талантъ. Въ Римѣ, можетъ быть, одинъ только разъ (это было въ сенатѣ, во время знаменитыхъ преній о Катилинѣ и его соучастникахъ) были приглашены стенографы для записыванія рѣчей Катона, Цезаря, Цицерона. Двухъ первыхъ Саллюстій сохранилъ для насъ, безъ сомнѣнія, очень красивый разборъ, но слишкомъ короткій и слишкомъ точный, чтобы онъ могъ казаться намъ вѣрнымъ; что же касается до *катилинариі* Цицерона, то хотя онѣ и дышуть жаромъ его благороднаго патриотизма, но мы очень ясно чувствуемъ, что онѣ передѣлали ихъ въ тиши кабинета со вниманіемъ и знаніемъ опытнаго писателя.

Одинъ весьма хорошо извѣстный анекдотъ лучше всего показываетъ намъ разность импровизаціи и сочиненія, просмотрѣннаго на досугъ. Когда Цицеронъ защищалъ своего друга Милона, обвинявшагося въ убійствѣ Клодія, онъ былъ нѣсколько взволнованъ воинственною обстановкою, которую имѣлъ въ тотъ день судъ, и на его рѣчи, какъ извѣстно, сильно отозвалось его волненіе; но въ дошедшей до насъ рѣчи за *Милона* нѣтъ и слѣда этихъ погрѣшностей. Рассказываютъ также, что Милонъ, осужденный вопреки усиліямъ своего защитника, по полученіи въ ссылкѣ экземпляра рѣчи, исправленной Цицерономъ послѣ засѣданія суда, написалъ ему съ дружескою ироніей: «Если

бы ты защищалъ меня такъ хорошо на судѣ, то не вѣдать бы мнѣ такихъ хорошихъ устрицъ въ Марсели». Импровизація Цицерона была записана стенографами, и она находилась еще въ рукахъ Асканія, комментировавшаго рѣчи этого оратора въ серединѣ перваго вѣка христіанской эры.

Стенографія напоминаетъ намъ о другомъ способѣ, имѣющемъ нѣкоторое отношеніе къ книгопечатанію, — мы разумѣемъ телеграфъ и главнымъ образомъ электрическій телеграфъ, единственный употребляющійся нынѣ.

Электрическій телеграфъ, въ случаѣ надобности, можетъ передавать цѣлыя страницы письма, но такого рода передача обходится очень дорого: надо разсчитывать слова, такъ какъ каждое лишнее слово увеличиваетъ стоимость телеграммы. Поэтому, всякій пишущій телеграмму старается сжать ее въ нѣсколько словъ, безусловно необходимыхъ для выраженія его мысли. Такимъ образомъ составилось что-то похожее на краткую грамматику для подобнаго рода письменныхъ сношеній; телеграфный слогъ не всегда отличается ясностью, не только вслѣдствіе своей чрезмѣрной краткости, но и потому что онъ всего чаще обходится совсѣмъ безъ знаковъ препинанія; а между тѣмъ знаки препинанія всегда были и остаются болѣе чѣмъ когда-либо необходимыми для ясности письменнаго языка. Вотъ и еще успѣхъ въ промышленности, не

особенно благоприятно вліявшей на выраженіе нашихъ мыслей.

Приготовленіе бумаги также подверглось значительнымъ переменамъ. Разъ принявъ за основу приготовленія бумаги жидкое тѣсто, пришлось думать о примѣненіи различныхъ веществъ для приготовленія этого тѣста. Въ 1765 году въ библіографіяхъ говорится объ одной странной въ этомъ отношеніи книгѣ, изданной въ Регенсбургѣ, типографомъ Шефферомъ; каждый листъ былъ напечатанъ на бумагѣ различнаго вещества: изъ хлопка, мха, различныхъ породъ дерева, виноградныхъ вѣтвей, соломы, тростника, капустныхъ кочерыжекъ и т. д., и т. д. Своевременная промышленность сдѣлала выборъ въ этой роскоши разнообразія. Для полученія бумажной массы или тѣста, она употребляетъ нѣсколько растительныхъ веществъ, смѣшанныхъ въ различныхъ пропорціяхъ; но она продолжаетъ всетаки оказывать предпочтеніе тряпкѣ, дозволяющей получать самый лучший и самый прочный предметъ. Впрочемъ, чрезвычайно большой спросъ и легкость, съ которою возобновляются книги по мѣрѣ того, какъ изнашиваются, дѣлаютъ потребителей менѣе требовательными относительно прочности бумаги. Во времена Альдовъ Мануціевъ и Этьенновъ изданія выходили въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, вотъ почему многія книги того времени составляютъ теперь чрезвычайную рѣдкость. Нынѣ же изданія достигаютъ цѣръ, которыя испугали бы нашихъ предковъ; это сдѣла-

лось возможнымъ благодаря новѣйшимъ усовершенствованіямъ типографіи.

Эти усовершенствованія двоякаго рода: одни—въ приготовленіи и употребленіи буквъ, другія въ механизмѣ печатныхъ станковъ.

Но истинные любители не совсѣмъ довольны всѣми этими успѣхами, наносящими нѣкоторый ущербъ изяществу книгъ; не только основное вещество бумаги не такъ хорошо, какъ прежде, но оно еще измѣнилось вслѣдствіе примѣси минеральныхъ веществъ, дѣлающихъ бумагу менѣе долговѣчною. Нѣкоторыя книги времени Альдовъ и Этьенновъ, спустя четыре столѣтія, сохранили всю свою свѣжесть, между тѣмъ какъ нынѣ въ книгахъ, не существующихъ еще и пятидесяти лѣтъ, бумага покрывается пятнами, разлагается и рвется безъ малѣйшаго усилія. Чтобы достать бумагу столько же прочною, сколько и красивую для какого либо особенно изящнаго изданія, приходится по неволѣ платить за нее очень дорого, и фабриканты, постоянно побуждаемые лихорадачною конкуренціею понижать цѣны на свои фабрикаты, снабжаютъ типографовъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ бумагою, могущею соперничать съ бумагою, которую производили ихъ прежніе собратья.

## ГЛАВА VI.

### Последніе успѣхи книгопечатанія и книжной торговли.

Стереотипія Эрана.—Клише.—Примѣненіе пара къ книгопечатанію.—Медленность нѣкоторыхъ націй, какъ, напримѣръ, китайцевъ и японцевъ, въ дѣлѣ усвоенія этихъ нововведеній.—Противоположные примѣры.—Успѣхи книгопечатанія въ Индостанѣ.—Ежемесячныя и еженедѣльныя современные изданія во французской національной бібліотекѣ.—Распространеніе сношеній между народами посредствомъ телеграфа.—Печать въ Гонконгу.—Возрастающее вліяніе повременныхъ изданій.—Новыя затрудненія для бібліографовъ и бібліотечарей.

Въ концѣ XVIII столѣтія французу Эрану пришла въ голову мысль употребить для набора шрифта вогнутые, вмѣсто выпуклыхъ; положивъ на набранную такимъ образомъ страницу металлическую пластинку и подвергнувъ ее сильному давленію, получаютъ рельефною, и притомъ въ одномъ кускѣ, цѣлую страницу, которая, будучи положена подъ печатный станокъ, можетъ служить для напечатанія безчисленнаго множества оттисковъ. Какъ мы видимъ, такой приѣмъ пред-

ставляетъ нѣкоторымъ образомъ возвращеніе назадъ въ табличному или ксилографическому книгопечатанію XV столѣтія. Этимъ способомъ, на который изобрѣтатель взялъ привилегію, было напечатано много книгъ.

Нѣкоторое время спустя, французскій типографъ Дидо воспользовался для этого обыкновенными, выпуклыми, вылитыми изъ очень твердаго вещества буквами, съ которыхъ онъ дѣлалъ вогнутый отпечатокъ на сплавѣ, медленно охлажденномъ и оставшемся тягучимъ до своего совершеннаго охлажденія; сдѣлавшись твердою, эта металлическая пластинка служила матрицей, въ которую и вливали расплавленный металлъ; по охлажденіи послѣдняго, получалась, въ выпукломъ видѣ, цѣлая страница, первоначально набранная подвижными буквами. Нынѣ пластинку липаго металла замѣнили сначала мелко измельченнымъ гипсомъ, а потомъ картонною массою или тѣстомъ. Полученная такимъ путемъ страница называется *клише*, съ котораго можно получать на машинѣ сорокъ или даже пятьдесятъ тысячъ оттисковъ, безъ всякаго чувствительнаго поврежденія его, за исключеніемъ развѣ истеранія или случайной поломки.

Вы, само собою разумѣется, поймете, что отлитыя въ клише страницы, имѣя въ толщину не болѣе нѣсколькихъ миллиметровъ, занимаютъ сравнительно мало мѣста въ кладовыхъ. Отъ этого происходитъ двойная выгода: подвижныя буквы, служившія для пер-

ваго набора, сдѣлались свободными и могутъ быть употреблены для набора какого-либо другаго произведенія, а клише могутъ ждать, безъ излишняго бремени для типографа, той минуты, когда разойдется первое изданіе и потребуется выпустить второе. Поэтому книги, могущія рассчитывать на большое распространеніе, гораздо выгоднѣе печатать съ клише, чѣмъ съ набора изъ подвижныхъ буквъ.

Въ свою очередь, и самый печатный станокъ участвуетъ въ благодѣяніяхъ, которыя оказываетъ механика, въ приложенію къ промышленности, почти всѣмъ отраслямъ нашихъ ручныхъ искусствъ. Руку человѣка замѣнила сила пара; а благодаря удобному способу отливанія клише, который, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, можетъ удвоить, утроить и учетверить наборъ, сдѣланный изъ подвижныхъ буквъ, паровая печатная машина совершаетъ такое чудо, что въ теченіи одной ночи печатаетъ по пятидесяти, по сто и даже по полутора ста тысячъ экземпляровъ ежедневной газеты.

Вы сами догадываетесь, что для типографіи, работающей съ такою изумительной быстротой, нужна и такая бумажная фабрика, которая работала бы съ неменьшею быстротою; и дѣйствительно, вотъ нѣкоторыя цифры, показывающія, что бумажная фабрика, приводимая въ движеніе или водою (гидравлическій двигатель), или паромъ, достигаетъ также чрезвычайной производительности. Бумажная фабрика Сореля,



во Франціи, одна, производитъ среднимъ числомъ отъ семи тысячъ до восьми тысячъ километровъ бумаги въ день, или два милліона шестьсотъ тысячъ километровъ (или 8.202.250,000 русскихъ футовъ) въ годъ. Машины дѣлаютъ тамъ оборотовъ, давая въ минуту по двадцати метровъ бумаги, или двадцать восемь тысячъ восемьсотъ метровъ въ сутки (или девяносто четыре тысячи четыреста девяносто русскихъ футовъ въ сутки). А земля, подъ нашей широтой, имѣетъ шесть тысячъ триста семьдесятъ миль въ окружности, или двадцать пять тысячъ четыреста восемьдесятъ километровъ; слѣдовательно, съ тремя машинами такой силы можно меньше, чѣмъ въ десять мѣсяцевъ, окружить земной шаръ сплошною бумажною лентою, имѣющею полтора метра въ ширину. И это еще не слишкомъ много для удовлетворенія всѣхъ потребностей типографіи, въ особенности же для удовлетворенія потребностей ежедневныхъ газетъ. Уже французскія газеты, въ особенности *Официальная Газета*, къ концу каждаго года, представляютъ громадную массу печатной бумаги. Но въ Англіи и Америкѣ нѣкоторыя газеты, какъ, напримѣръ, *Times*, *Daily Telegraph*, *New-York-Herald* и другія, рассылаютъ ежедневно своимъ подписчикамъ, среднимъ числомъ, по цѣлой книгѣ въ восьмую долю листа \*). Для

---

\*) Напримѣръ, издающаяся въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ штатахъ газета „New-York Herald“ выпустила одинъ

каждой изъ этихъ газетъ нужны сотни рабочихъ. Помимо даже ежедневныхъ газетъ, нѣкоторыя типографіи на западѣ Европы и въ Америкѣ успѣваютъ ежедневно печатать по нѣсколько сотъ томовъ. Типографія Дидо, въ Парижѣ, въ 1846 году, печатала отъ двухъ до двухъ съ половиною тысячъ томовъ; эта цифра, тридцать лѣтъ спустя, дошла почти до пяти тысячъ томовъ, въ каждые двадцать четыре часа работы. Правительственная или національная типографія, въ Парижѣ, исполняющая массу заказовъ отъ всѣхъ французскихъ административныхъ общественныхъ учреждений, не считая заказовъ частныхъ лицъ, работаетъ постоянно на семидесяти пяти ручныхъ печатныхъ станкахъ и на тридцати пяти паровыхъ; среднимъ числомъ она производитъ около десяти тысячъ томовъ въ каждый рабочій день.

Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній печати, не будучи ежедневными газетами, требуютъ тѣмъ не менѣе чрезвычайной быстроты исполненія. Но что еще больше дѣлаетъ чести этимъ прекраснымъ заведеніямъ, какъ общественнымъ, такъ и частнымъ, такъ это возможность печатать съ рѣдкимъ совершенствомъ артистическія и научныя книги, требующія или чрезвычайнаго богатства типографскихъ

---

изъ воскресныхъ нумеровъ, въ сентябрѣ 1881 года, въ цѣлыя 28 страницъ, или 168 столбцовъ большого формата. *Примѣчаніе переводчика.*

шрифтовъ, или сочетанія типографіи съ другими родственными ей искусствами, какъ-то: литографіей, фотографіей и обусловливаемыми двумя послѣдними изобрѣтеніями приѣмами, съ каждымъ днемъ дѣлающимися болѣе остроумными и болѣе удачными.

Французская національная типографія имѣетъ нынѣ *пунсоны* и *матрицы* буквъ 138 иностранныхъ азбукъ и 153 коллекціи шрифтовъ одной французской азбуки.

Слѣдовательно, она можетъ печатать книги, болѣе чѣмъ на ста языкахъ, шрифтами, употребляемыми каждою націей. Немного типографій (однако же называютъ на типографію въ Лейденѣ \*) могутъ соперничать съ нею въ этомъ отношеніи.

---

\*) У насъ, въ Петербургѣ, также есть замѣчательная въ этомъ отношеніи типографія; это типографія Императорской Академіи наукъ, основанная въ 1727 году. Типографія эта еще въ прошломъ столѣтіи считалась первою во всей Россіи типографіей, такъ какъ, по выраженію одного современника (Рубанъ) «она была тщаніемъ академіи весьма распространена и литерами всѣхъ языковъ умножена». Первенство это остается за нею и донынѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ представленный ею на российскую мануфактурную выставку въ Петербургѣ, въ 1870 году, великолѣпный образецъ шрифтовъ и типографской работы, между прочимъ, въ видѣ Молитвы Господней, напечатанной на 325 языкахъ.—Въ Петербургѣ первая типографія была открыта въ 1711 году, съ однимъ станкомъ, и помѣщалась въ одной изъ комнатъ въ домикѣ Петра Великаго. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Петербургѣ было уже до двадцати типографій, но изъ нихъ частныхъ была всего лишь одна: Гартуна, основанная въ 1769 году «по привилегіи правительствующаго сената»,

Изъ - подъ станковъ парижской типографіи появилось на свѣтъ много образцовыхъ произведеній, и между прочимъ, знаменитая *восточная коллекція*, содержащая нѣсколько индійскихъ или персидскихъ произведеній съ французскими переводами,—коллекція, лучше которой по изяществу не существуетъ на свѣтѣ. Всемирныя выставки въ Парижѣ (1855—1867—1878 г.), въ Лондонѣ (1862 г.), въ Вѣнѣ (1873 г.), въ Филадельфіи (1876 г.) представили намъ зрѣлище всего, что могли произвести наиболѣе совершеннаго типографіи великихъ цивилизованныхъ народовъ; несомнѣнно, типографское дѣло представляетъ одну изъ самыхъ благородныхъ промышленности, въ которой выразилось могущество человеческого генія. Одинъ, или скорѣе два народа, китайцы и японцы, не смотря на свои счастливыя способности, какъ будто не освоились еще съ успѣхами, достигнутыми европейскою промышленностью, на европейской - ли почвѣ, или въ Индіи и въ Америкѣ. Письменность у этихъ двухъ народовъ, какъ мы уже сказали выше, въ первой главѣ, на 108 страницъ, дѣлаетъ чрезвычайно труднымъ употребленіе всякаго другаго типографскаго способа, кромѣ способа табличнаго; какая бы тонкость и какая бы быстрота ни была тамъ присуща рукѣ рабочаго, но типографія съ одною только этою

---

какъ говоритъ современникъ «для печатанія иностранныхъ и российскихъ книгъ».

*Примѣчаніе переводчика.*

помощью не можетъ производить книги такъ быстро, какъ при содѣйствіи многочисленныхъ машинъ нашей типографіи. Умъ китайскій, впрочемъ, не имѣетъ всѣхъ тѣхъ потребностей любознательности, которыми удовлетворяютъ наши типографіи и наши книгопродавцы. На всемъ пространствѣ небесной имперіи печатаютъ, правда, много книгъ и этого рода торговля пользуется тамъ безусловною свободою, но ежедневныхъ газетъ издается тамъ всего четыре, включая въ то число и пекинскую *Официальную Газету*. Какъ въ Китаѣ, такъ и въ Японіи услуги типографіи далеко не такъ многосложны, какъ въ Европѣ и въ Америкѣ. Писатель (слѣдовало бы сказать художникъ, потому что онъ работаетъ кистью) пишетъ страницу; послѣдняя положенная на деревянную доску, тщательно выструганную другимъ артистомъ, получаетъ типографскія чернила и переходитъ на очень простую машину, которою управляетъ одинъ рабочій. Бумага получаетъ обыкновенно оттискъ только съ одной стороны: она слишкомъ тонка, чтобы можно было печатать на ней съ обѣихъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе написанное читается по страницамъ, имѣющимъ лицевую и оборотную сторону; возьмемъ, для примѣра, хотя первую и вторую страницы: онѣ печатаются одна подлѣ другой, затѣмъ бумага сгибается, представляя для разрѣза промежутокъ въ двѣ страницы. Въ такомъ же порядкѣ слѣдуютъ третья и четвертая, пятая и шестая страницы, и т.

д. Такимъ образомъ книга состоитъ изъ цѣлаго ряда двойныхъ листовъ, которые могутъ принадлежать одной и той же бумажной лентѣ, удлиняемой въ случаѣ надобности до безконечности. Вслѣдствіе этого китайская книга имѣетъ видъ ширмъ. Нельзя, однако же, не признать, что какъ въ Китаѣ, такъ и въ Японіи эти столь простые и столь элементарные приемы достигаютъ на практикѣ изумительной степени изящества и красоты. Подобно нашимъ европейскимъ книгамъ, иныя китайскія и японскія книги бывають украшены рисунками, не увеличивающими чувствительно расходы по изданію. Ручной трудъ въ этихъ странахъ, съ чрезвычайно густымъ населеніемъ, такъ дешевъ, что книжная торговля можетъ поставлять для всѣхъ классовъ общества книги по столь же низкой цѣнѣ, а можетъ быть даже еще и по болѣе низкой цѣнѣ, чѣмъ у насъ.

Впрочемъ, оба народа, о которыхъ мы говоримъ, начинаютъ болѣе и болѣе проникаться сознаниемъ выгодъ, представляемыхъ азбучными письменностью и книгопечатаніемъ, и они дѣлали уже не одну попытку для усвоенія ихъ. Но наше книгопечатаніе гораздо скорѣе акклиматизируется въ странахъ, гдѣ письменность не представляла для него такихъ препятствій. Въ Индостанѣ имѣется множество типографій для пользованія ими, какъ европейцевъ, такъ и мусульманъ и индусовъ. Тамъ издаются сотни газетъ.

Во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, въ Соединенныхъ сѣверо-американскихъ штатахъ ежедневныя газеты приходится считать тысячами. Въ одномъ Парижѣ выходитъ болѣе тридцати ежедневныхъ или еженедѣльныхъ изданій по медицинѣ и хирургіи. Кромѣ *Журнала книжной торговли*, можно читать еще тамъ четыре сборника, посвященные типографскимъ работамъ. Число періодическихъ ежемѣсячныхъ, еженедѣльныхъ, ежедневныхъ и другихъ изданій, регулярно получаемыхъ парижскою національною бібліотекою, простирается по меньшей мѣрѣ до 3.000. Легкость перевозки, посредствомъ пароваго двигателя, пробудила въ умахъ чрезвычайно оживленный спросъ на ежедневныя новости, и печать удваиваетъ усилія для удовлетворенія этого спроса.

Телеграфъ еще болѣе увеличилъ эти уже и безъ того изумительныя средства сообщенія. Сначала, въ продолженіи болѣе, чѣмъ полувѣка, — воздушный, затѣмъ въ теченіи уже цѣлыхъ двадцати пяти лѣтъ — электрической, онъ даетъ возможность различнымъ новостямъ обойти въ нѣсколько часовъ вокругъ земнаго шара. Десять лѣтъ назадъ, въ Лондонъ пріѣхалъ директоръ турецкихъ телеграфовъ; директоръ такого же управленія въ Англіи сдѣлалъ ему любезность и обратился по телеграфу съ вопросомъ къ англійскимъ властямъ въ Калькуттѣ; отвѣтъ не заставилъ себя ждать. На обѣ операціи потребовалось всего девять часовъ. Такимъ образомъ, нынѣ исторію можно пи-

сать, такъ-сказать, изъ часа въ часъ, подѣ диктовку самыхъ событій. Ежедневныя газеты, получая свѣдѣнія обо всемъ, происходящемъ во всѣхъ четырехъ концахъ міра, посредствомъ телеграммъ, писемъ своихъ корреспондентовъ, стенографическаго воспроизведенія преній всѣхъ судовъ, всѣхъ собраній, иногда лекцій, читаемыхъ въ университетахъ, собираютъ и накопляютъ такимъ образомъ для историковъ по профессіи матеріалы, самое обиліе и разнообразіе которыхъ становится для нихъ истиннымъ бременемъ.

Подивитесь на примѣръ, взятомъ случайно изъ тысячи, этому развитію цивилизаціи, международныхъ сношеній и историческихъ свѣдѣній въ странахъ наиболѣе далекихъ отъ нашей старой Европы. Не прошло еще и ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ католическіе или протестантскіе миссіонеры стали посѣщать Гавайскій архипелагъ, на которомъ въ 1779 году погибъ знаменитый капитанъ Кукъ, а между тѣмъ, нынѣ онъ уже представляетъ маленькое королевство съ парламентскимъ правленіемъ, съ избираемыми палатами, отвѣтственными министрами и т. д. Въ столицѣ этого маленькаго королевства Нонюлу, городѣ съ 6,000 жителей, выходитъ восемь періодическихъ изданій; европейскія газеты регулярно получаютъ оттуда извѣстія о выборахъ, о министерскихъ перемѣнахъ, цифровыя данныя о ежегодномъ бюджетѣ, статистическія свѣдѣнія о школахъ. Это, если вамъ угодно, Англія въ миниатюрѣ, которая



скоро займетъ свое мѣсто въ концертѣ другихъ цивилизованныхъ народовъ; очень скоро она будетъ имѣть, если уже не имѣетъ, своихъ историковъ, и вы увидите, что для этихъ историковъ ежедневно накапливаются многочисленные и разнообразныя документы.

А вотъ еще другое не менѣе любопытное явленіе: не только новѣйшее книгопечатаніе сдѣлалось наиболѣе дѣятельнымъ орудіемъ человѣческой мысли, но оно создало функціи, ученія и литературныя профессіи, о которыхъ древность не могла имѣть даже и понятія. Редакторъ римской *Официальной Газеты* былъ почти не болѣе какъ писецъ, состоявшій на службѣ въ канцеляріи республики, а потомъ у римскихъ императоровъ. Въ теченіи болѣе чѣмъ двухъ вѣковъ, французскіе журналисты были не чѣмъ инымъ, какъ болѣе или менѣе остроумными редакторами анекдотовъ и пустыхъ разсказовъ \*).

---

\*) Первые зачатки періодической печати появляются только въ началѣ XVII столѣтія, т. е. чрезъ полтора столѣтія послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, хотя нельзя сомнѣваться, что нѣкоторое подобіе рукописныхъ газетъ существовало почти во всѣхъ земляхъ. Сенатъ венеціанской республики приказалъ собирать факты, случившіеся въ городѣ и государствахъ, краткія извѣстія, которыя онъ посылалъ своимъ дипломатическимъ агентамъ для свѣдѣнія при переговорахъ по международнымъ дѣламъ. Эти извѣстія назывались *Foglietti* или *Fogli d'avvisi*. Послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, вошло въ обычай печатать на отдельныхъ листкахъ и продавать по низкой цѣнѣ свѣдѣнія о всѣхъ замѣ-

въ Голландіи и въ Англіи, журналистъ мало-по-малу приобрѣлъ болѣе серьезное и болѣе независимое положеніе. Французская революція 1789 года, предоставивъ полную свободу его перу, превратила его въ дѣятеля, во всѣхъ драмахъ общественной жизни. Нынѣ, хотя и при свободѣ болѣе ограниченной мудростію законовъ, роль журналиста не перестала расти. Редакторъ ежедневной политической газеты въ Западной Европѣ представляетъ собою оратора, ежедневно говорящаго своимъ перомъ съ сотнею тысячъ слушателей; иногда онъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ ораторъ, говорящій съ кафедры, вслѣдствіе сильнаго впечатлѣнія, производимаго имъ на общественное мнѣніе. Если онъ одаренъ истиннымъ талантомъ, то можетъ рассчитывать на занятіе самаго высокаго положенія въ литературѣ.

Толстые журналы или, такъ называемыя на Западѣ Европы, обозрѣнія еще новый родъ изданія, сдѣлав-

---

чательныхъ событіяхъ. Первая же газета, въ настоящемъ смыслѣ слова, появилась въ Антверпенѣ, въ Голландіи, гдѣ типографъ Абраамъ Вергуненъ получилъ въ 1605 году привилегію отъ эрцгерцоговъ Альберта и Изабеллы, «печатать и вырѣзывать на деревѣ или металлѣ и продавать во всѣхъ подвластныхъ имъ земляхъ всѣ новыя извѣстія, побѣды, осады и взятія городовъ названными владѣтельными особами. Эта газета называлась *Nieuwe Tydinghen*. Въ 1621 году она уже выходила за нумерами по порядку, до трехъ разъ въ недѣлю.

*Примѣчаніе переводчика.*

шійся возможнымъ только благодаря книгопечатанію. Именно въ этихъ обзорѣніяхъ англійскіе критики перваго порядка создали особенный видъ сочиненій, называющійся у нихъ *опытами* (Essays), откуда произошло и самое названіе *эссэистовъ* для лицъ, посвящающихъ себя этого рода литературѣ, Эти періодическіе сборники вербуютъ многихъ талантливыхъ людей въ число своихъ сотрудниковъ и иной изъ этихъ людей никогда не обращался къ какой-либо другой публикѣ, помимо читателей «Обзорѣнія». Въ предѣлахъ статьи, въ 40—50 или самое большее въ 100 страницъ, можно поговорить еще съ большимъ толкомъ о многихъ предметахъ. Можно написать въ этой формѣ цѣлый рядъ статей, которыя впоследствии превратятся въ различныя главы особой книги, почти безъ всякихъ перемѣнъ.

Въ началѣ своихъ *Характеровъ* французскій писатель Ла-Брюйеръ сказалъ: «До настоящаго времени почти не видано было образцоваго произведенія ума, которое было бы трудомъ нѣсколькихъ лицъ: Гомеръ создалъ *Иліаду*, Virgilій *Энеиду*, Титъ-Ливій свои *Декады*, и римскій ораторъ свои *Рѣчи*». Писавъ эти строки, коварный авторъ, говорятъ, думалъ объ одной литературной газетѣ, первые нумера которой только-что вышли и, вѣроятно, послужили поводомъ къ его заключенію. И дѣйствительно, еженедѣльный или ежедневный сборникъ не можетъ быть названъ самъ по себѣ образцовымъ произведеніемъ. Но при

видѣ успѣха иного обозрѣнія, или иной газеты нашего времени Ла-Брюйеръ благосклонно призналъ бы, что нѣсколько большихъ и ученыхъ умовъ въ компаніи могутъ создать долговѣчныя произведенія, и что между различными сотрудниками періодическаго сборника иной разъ существуетъ извѣстное единство таланта и мысли, дѣлающее изъ ихъ коллективнаго труда живой организмъ въ томъ же смыслѣ, какъ и произведеніе одного человѣка. Но это еще не все: кто знаетъ, не было-ли даже во времена Ла Брюйера такого романа, который было бы удобно дать публикѣ въ видѣ отдѣльно напечатанныхъ главъ, на столбцахъ ежедневной или еженедѣльной газеты, какъ это дѣлается теперь въ продолженіи уже цѣлыхъ сорока лѣтъ? Совершенно справедливо, что нѣкоторые изъ романистовъ пользуются этимъ нынѣ для того, чтобы привлекать и поддерживать любопытство публики. Поэтому ихъ романы не менѣе книгъ, веселыхъ книгъ полны иной разъ совершенно драматическаго интереса. Такой способъ, правда, вводитъ авторовъ въ искушеніе растягивать чрезмѣрно свои рассказы; но вѣдь и прежніе романисты были многорѣчивы не менѣе романистовъ нашего времени, чему свидѣтельствомъ служатъ длинные романы, увлекавшіе салоны при Людовикѣ XIV, а затѣмъ, въ слѣдующемъ вѣкѣ, объемистые рассказы Ричардсона.

Но стоитъ-ли долго останавливаться на подобномъ предметѣ? Человѣческая мысль и въ особенности воображеніе имѣютъ потребность воспроизводиться на

свободѣ во всѣхъ видахъ, въ томахъ всевозможныхъ размѣровъ. Уже у древнихъ было велико разнообразіе книгъ. Отъ *Илиады* и *Одиссеи* Гомера до книжонки, въ которой какой-нибудь грамматикъ на цѣлыхъ двадцати страницахъ разсуждалъ о значеніи какого-либо одного слова *Илиады*, отъ 127 книгъ, въ которыхъ Титъ Ливій разсказалъ римскія лѣтописи, до тощаго сокращенія, въ которомъ Флоръ резюмируетъ ихъ на ста страницахъ, въ какія различныя формы не облекались поэзія и наука! Приходится отказаться отъ созданія, для произведеній столь не похожихъ одно на другое, формулъ и классификацій, подъ которыя они не могутъ вполне подходить. Вѣчнымъ мученьемъ для нашихъ бібліотечкарей будетъ служить невозможность строгой классификаціи для всѣхъ сокровищъ, вѣренныя ихъ надзору; съ этимъ они должны по неволѣ примириться, такъ какъ нѣтъ никакихъ средствъ противъ этого зла.

Ужъ кстати будетъ сказать здѣсь еще слѣдующее. Всякая бібліотека, достаточно обширная, въ особенности бібліотека публичная, не можетъ обойтись безъ каталога, иногда даже безъ двухъ каталоговъ: одного въ алфавитномъ порядкѣ и другаго по порядку отдѣловъ. Первый не представляетъ почти затрудненій для редакторовъ, хотя иной разъ и приходится оставиваться надъ тѣмъ, какую часть заголовка книги слѣдуетъ поставить въ алфавитномъ порядкѣ. Составленіе каталога по порядку отдѣловъ, напротивъ, пред-

ставляетъ массу трудностей. Хранители большихъ складовъ книгъ вкладываютъ въ этотъ трудъ все свое усердіе и весь свой талантъ. Иные ученые книгопродавцы, когда имъ поручаютъ продажу какой-нибудь значительной бібліотеки, допускаютъ извѣстные подраздѣленія, позволяющія любителямъ отыскивать безъ большаго труда въ ихъ каталогахъ главу, въ которую внесены интересующія ихъ книги. Но вѣдь сколько главъ близко подходятъ одна къ другой по своему содержанію такъ что даже не возможно провести между ними точнаго разграниченія. Иной теологическій или философскій трудъ есть въ тоже время и историческій трудъ; иной переводъ, если къ нему не приложенъ подлинный текстъ, съ одинаковымъ правомъ можетъ быть поставленъ тамъ и подъ именемъ оригинальнаго автора; въ иной книгѣ одновременно находятся и грамматика и словарь того же языка; куда отнести такую книгу: къ грамматикамъ или къ словарямъ? Существуютъ сборники мемуаровъ, *смѣси*, въ которыхъ или одинъ и тотъ же писатель, или нѣсколько трактуютъ о совершенно различныхъ предметахъ. Для этихъ послѣднихъ сборниковъ нѣкоторыя бібліотеки имѣютъ дополнительный каталогъ, указывающій томъ и страницу, на которой трактуется о каждомъ предметѣ. Мы даемъ лишь очень краткое понятіе о трудѣ, котораго требуетъ хорошій каталогъ; но и этого понятія, кажется, будетъ достаточно для того, чтобы заставить васъ оцѣнить заслуги искуснаго человѣка, умѣющаго, при

посредствѣ такого труда, поддерживать порядокъ въ тысячахъ книгъ и доставлять трудолюбивымъ людямъ легкое средство заниматься тамъ изслѣдованіями. Каталогъ однихъ только книгъ, касающихся исторіи Франціи составлялъ, въ минувшемъ столѣтіи, пять томовъ въ цѣлый листъ въ *Исторической библіотекѣ Франціи* отца Лелона. По приведеніи этого каталога въ полный порядокъ, путемъ внесенія въ него новѣйшихъ изданій, пришлось увеличить его до одиннадцати толстыхъ томовъ. Изъ этого вы поймете, сколько терпѣнія и искусства должны обнаруживать ученые, посвящающіе себя такому труду. Поэтому умѣйте питать справедливую признательность къ людямъ, оказывающимъ вамъ столь полезныя услуги.

---

## ГЛАВА VII.

### Различныя замѣчанія.

Иллюстрированныя книги.—Приложеніе фотографій къ воспроизведенію рукописей. — Примѣненіе типографій къ печатанію музыкальныхъ произведеній.—Чрезвычайное размноженіе книгъ; его удобства и опасности.—Литературная собственность и плагиатъ.—Занмствованія Мольера. — Что выигрываютъ авторы отъ поддѣлокъ ихъ произведеній. — Распространеніе знанія языковъ посредствомъ книгъ.—Что дѣлается съ языками безъ литературы.

Выше было уже говорено о романахъ, сцены изъ которыхъ, постепенно печатаемыя въ фельетонахъ газетъ или въ книжкахъ толстыхъ журналовъ, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ читателями. Нужно-ли упомянуть здѣсь о другой приманкѣ, присоединяемой новѣйшею печатью къ этого рода литературѣ? Мы разумѣемъ тутъ иллюстраціи съ помощью гравюръ на деревѣ, гравюръ о-фортъ, фотографій, которыя, будучи приложены къ каждой сценѣ романа или исторіи, дѣлаютъ въ нашихъ глазахъ болѣе живыми фізіономіи дѣйствующихъ лицъ и мѣсто, въ которомъ проис-



ходить дѣйствіе. Это служитъ какъ бы художественнымъ дополненіемъ для большей ясности, чего вообще недоставало у всякаго рода книгъ до изобрѣтенія книгопечатанія. Въ особенности нуждаются въ этомъ научныя сочиненія, которыя и пользуются нынѣ всѣми средствами, предоставляемыми въ ихъ распоряженіе фотографіей и искусствами, происшедшими отъ этого плодотворнаго изобрѣтенія. Сравните древнія естественно-историческія книги съ книгами, которыми вы пользуетесь нынѣ, даже при своемъ начальномъ обученіи; какая разница въ точности и правдивости рисунка! Разказы о путешествіяхъ почти не менѣе нуждаются въ такой помощи. Вы улыбнетесь, когда увидите, въ донесеніяхъ нашихъ древнихъ путешественниковъ, карты, изображенія личностей и памятниковъ, или пейзажи, которыми они украшали свои книги; это нерѣдко лишь грубые эскизы, въ которыхъ вы видите, что когда артистъ хотѣлъ пойти дальше, то его глазъ измѣнялъ ему не менѣе его руки. Напримѣръ, рисуя контуры древняго памятника, какъ-то: бюста, статуи или храма, онъ, противъ всякаго своего желанія, придавалъ современный отпечатокъ этимъ изображеніямъ. Намъ извѣстно описаніе Аѳинъ Бабина, изданное въ 1614 году, въ которомъ скала Акрополя, съ памятниками, украшавшими ее въ то время, представлена такъ, что напоминаетъ Монмартрскій холмикъ, въ Парижѣ, и его древнюю церковь. Надо признаться, что и самый аппаратъ фотографа

инструментъ не безупречный, онъ не всегда даетъ вѣрный рельефъ или размѣры тѣлъ; но въ искусныхъ рукахъ, и въ особенности благодаря быстротѣ, съ которою онъ позволяетъ получать изображенія, онъ представляетъ для путешественника—географа, для антикварія и даже для художника побіе весьма драгоцѣнное.

Еще очень недавно весьма удачно примѣнили его къ воспроизведенію цѣлыхъ древнихъ рукописей, съ которыхъ гравюра до сихъ поръ воспроизводила лишь короткіе отрывки. Если угодно, то вотъ еще какую выгоду можетъ представить подобный способъ для обогащенія всѣхъ большихъ библіотекъ. Санкт-Петербургъ, Парижъ и Римъ владѣютъ рукописями, не имѣющими себѣ цѣны по своей древности, красотѣ буквъ, по изяществу рисунковъ, украшающихъ ихъ. Почти всѣ эти рукописи имѣются въ единственныхъ только экземплярахъ, каждая въ своемъ родѣ. Предположите, что Парижъ подалъ примѣръ и снялъ нѣкоторыя изъ нихъ на мѣстѣ фотографическимъ способомъ и затѣмъ снятыя копіи разослалъ въ библіотеки римскую и петербургскую; послѣднія, въ свою очередь, могли бы оказать подобную же услугу парижской библіотекѣ; и такимъ образомъ, каждое изъ большихъ хранилищъ рукописей, въ Европѣ, увеличивало бы свои богатства и предлагало бы любителямъ гораздо болѣе многочисленные предметы для изученія. Спѣшимъ прибавить, что это уже не предположеніе

и что уже начали прибѣгать къ подобнымъ полезнымъ международнымъ обмѣнамъ.

Другое искусство, о которомъ мы до сихъ поръ не сказали ни слова, не менѣе обязано успѣхамъ типографіи; искусство это—музыка, которая долгое время пользовалась гравированіемъ на мѣди. Затѣмъ къ ней примѣнили типографію съ подвижными буквами, которая нынѣ почти совсѣмъ оставлена, какъ дорого стоящая и несовсѣмъ удобная. Короткое время спустя два старыхъ способа замѣнили третьимъ, получившимъ названіе отъ своего изобрѣтателя, Жилло: музыкальную ноту сначала пишутъ на камнѣ, затѣмъ написанные знаки вытравляютъ кислотой и получаютъ нѣкоторымъ образомъ клише. Такимъ образомъ получается возможность печатать ноты, сравнительно недорогимъ способомъ, въ весьма значительномъ числѣ экземпляровъ.

Разнообразіе, обиліе средствъ, которыми мы располагаемъ нынѣ для распространенія, во всѣхъ видахъ, произведеній науки, литературы и искусствъ, даютъ новѣйшимъ обществамъ легкую возможность для дешеваго распространенія образованія среди всѣхъ классовъ гражданъ. Трудно сказать, на сколько улучшилось въ этомъ отношеніи состояніе нашихъ школъ. Пусть сравнятъ въ библіотекахъ любителей нѣкоторыя изъ книгъ, по которымъ учились наши предки греческому и латинскому языку, исторіи и географіи, съ тѣми, которыя предлагаютъ намъ нынѣ магазины

для учебныхъ пособій, то первыя книги покажутся просто жалкими. Западноевропейскіе народы далеко ушли въ этомъ отношеніи и дѣлають просто чудеса. Англійская и американская книжныя торговли неумолимо распространяють, въ видѣ маленькихъ, очень недорогихъ книжечекъ, всевозможныя политическія, религіозныя, промышленныя свѣдѣнія, поддерживающія и направляющія дѣятельность умовъ у народа, наиболѣе ревниваго изъ всѣхъ къ тому, что англичане называютъ *self-government*. Намъ пришлось недавно видѣть полное собраніе сочиненій Шекспира въ *одномъ томѣ*, и этотъ Шекспиръ, иллюстрированный нѣсколькими гравюрами, продается въ Англии по одному шиллингу (около двадцати девяти копѣекъ на русскія деньги). Французская книжная торговля точно также старается привлечь читателей дешевизною; но только она не такъ искусна и въ особенности не достаточно щепетильна въ выборѣ, распространяемыхъ ею по дешевой цѣнѣ произведеній \*). Сверхъ того,

---

\*) Богаты дешевыми изданіями и нѣмцы, у которыхъ за нѣсколько десятковъ копѣекъ можно купить полное собраніе сочиненій какого-либо классическаго нѣмецкаго писателя, напримѣръ, Шиллера или Лессинга. У насъ, въ Россіи, можно указать пока на одну только попытку выпускать дешевыя изданія, а именно: книжный магазинъ «Новаго Времени», подъ названіемъ «Дешевой Библіотеки», издалъ нѣсколько сочиненій классическихъ русскихъ авторовъ, какъ, напримѣръ, Грибоѣдова, Фонвизина, Карамзина и др.

изданія, столь поспѣшныя и столь громадныя, дѣлаются всего чаще небрежно. И происходитъ это не отъ недостатка средствъ для хорошаго изданія книги. Публика сдѣлалась жадна до чтенія, но большинство читателей не желаютъ платить за книги дорого. Ея нетерпѣніемъ пользуются, а книги сильно страдаютъ отъ этой лихорадочной поспѣшности. Тысячи наборщиковъ, работающихъ на газетахъ, привыкаютъ скорѣе быстро, чѣмъ хорошо работать. Старинная корпорація типографовъ на Западѣ обучала строже своихъ учениковъ; если она имѣла неудобства ассоціацій, слишкомъ ревниво заботящихся о своихъ привилегіяхъ, за то имѣла также и свои преимущества. Свобода, которою пользуется новѣйшая печать, ослабила эти преданія добросовѣстнаго и скромнаго знанія. Изданіе безъ опечатокъ было всегда рѣдкостью; а нынѣ оно еще больше прежняго сдѣлалось рѣдкостью. Находится очень немного книгъ, въ которыхъ опытный глазъ знатока не могъ бы отыскать хотя одной опечатки. Во всякомъ случаѣ, очень можетъ быть, что типографскія погрѣшности не сдѣлались многочисленнѣе въ XIX столѣтіи, чѣмъ онѣ были въ XVI, если принять во вниманіе увеличеніе количества книгъ.

Возрастающая дѣятельность умовъ и разныхъ видовъ промышленности, способствующихъ ей, поражаютъ болѣе важныя затрудненія.

Въ предъидущей главѣ уже было сказано Coоплите

ратурной собственности и о правѣ автора извлекать для себя выгоды изъ своихъ книгъ. Чѣмъ болѣе книги распложаются, тѣмъ быстрѣ онѣ переходятъ изъ одной страны въ другую, тѣмъ труднѣе становится автору ихъ охранять права на свой трудъ. Изданная въ какой-либо странѣ книга не только можетъ быть перепечатана тамъ безъ разрѣшенія и въ прямой ущербъ автору; но точно также она могла бы быть перепечатана и за границей, гдѣ законы уже не охраняли бы права собственности на нее, если бы народы особыми договорами не обязывались взаимно охранять ее. Но это еще не все. Ученое или литературное произведеніе, если оно имѣло нѣкоторый успѣхъ у себя на родинѣ, нерѣдко переводится на другіе языки, и чтобы авторъ не утратилъ правъ собственности на него, необходимо еще освященіе его правъ на производство переводовъ его труда. Въ этомъ отношеніи законодательство усложняется съ каждымъ днемъ по мѣрѣ того, какъ развиваются сношенія между цивилизованными народами. Въ этотъ отношеніи Европа представляетъ уже почти одно семейство, въ которомъ всѣ авторы уговорились взаимно гарантировать другъ другу законную прибыль отъ своего знанія и отъ своего таланта. Но эти гарантіи менѣе удовлетворительно опредѣлены, или менѣе дѣйствительны между Европою и другими частями свѣта. Впрочемъ, есть нѣкоторыя произведенія ума, нерѣдко по самой

своей природѣ ускользающія отъ всякихъ усилій, отъ всякихъ, такъ-сказать, закорючекъ по охраненію ихъ.

Возьмемъ два примѣра этого, въ совершенно различныхъ родахъ. Латинско-французскій словарь былъ составленъ съ большою тщательностью хорошимъ латинистомъ; но двадцать лѣтъ спустя другой латинистъ, считая этотъ словарь несовершеннымъ, составляетъ другой, по необходимости содержащій тѣ же самыя слова, за немногими исключеніями и большею частію тѣ же самыя выраженія. Если бы нельзя было поступить такимъ образомъ, не прослывъ за посягателя на чужую собственность, тогда для ученыхъ сочиненій не былъ бы возможенъ какой-либо прогрессъ. Французскій ученый Бюффонъ въ рѣчи, произнесенной имъ при вступленіи въ члены французской академіи (въ 1752 году), справедливо замѣтилъ, что научныя истины, разъ открытыя и доказанныя гениальнымъ человѣкомъ, переходятъ въ общее достояніе и принадлежатъ всему міру. «Эти вещи, сказалъ онъ, внѣ человѣка; слогъ это самъ человѣкъ». А слѣдовательно, это и собственность, которой нельзя лишать писателя безъ его позволенія, даже переводя его труды на другой языкъ. Впрочемъ, произведеніе фантазіи пѣнится не по одному только слогу, оно цѣнится также по достоинствамъ самаго сочиненія, вымысла, на которые первый авторъ долженъ сохранить по преимуществу право собственности, и однако не разъ случалось, что разными уловками ее отни-

мали у него. Плагіатъ (это слово первоначально означало уводъ чужаго невольника, а потомъ похищеніе чужой собственности) не новѣйшее изобрѣтеніе. Уже въ вѣкъ Перикла комическіе поэты упрекаютъ другъ друга въ этого рода литературной кражѣ, состоящей въ заимствованіи или главной мысли сочиненія, или какой-либо части, которую, слегка измѣнивъ, присвоивали себѣ. Позднѣе христіанскіе ученые нерѣдко обвиняли (очень несправедливо, правда) Платона и Аристотеля въ заимствованіи нѣкоторыхъ изъ ихъ положеній изъ священныхъ книгъ евреевъ. У новѣйшихъ писателей нѣтъ ничего обыкновеннѣе подобнаго обвиненія, и много разъ оно было вполнѣ заслуженнымъ. Странное дѣло, какъ есть плагіаты предумышленные, такъ есть плагіаты и не предумышленные: такъ, иной поэтъ встрѣчается съ однимъ изъ своихъ предшественниковъ въ выраженіи прекрасной мысли одинаковымъ стихомъ. Такъ Вольтеръ, говоря о Богѣ, написалъ одинъ стихъ дословно такой же, какой уже былъ у другаго французскаго писателя, Шаплена.

Подобныя встрѣчи легко объяснимы. Бываютъ и другія болѣе важныя и менѣе невинныя, отвѣтственность за которыя падаетъ иной разъ на автора, потому что онъ не всегда самъ работалъ и неосторожно довѣрялся сотрудничеству своего секретаря. Иные изъ нашихъ современниковъ, люди вполнѣ честные и почтенные, издали такимъ образомъ, за своимъ



собственнымъ именемъ, много страницъ, принадлежащихъ другимъ, чего они даже и не подозрѣвали.

Бываютъ плагиаты и до извѣстной степени извинительные. Говорятъ, что гениальный французскій драматическій писатель Мольеръ, хотя и самъ обладавшій богатой фантазіей, заимствовалъ у посредственнаго писателя своего времени, Сирано-де-Бержерака, цѣлыхъ двѣ сцены; по этому поводу онъ сказалъ смѣясь, что онъ взялъ свое добро, гдѣ его нашелъ. Комедія *Академики*, Сентъ-Эвремона, появившаяся въ 1650 году, имѣетъ прелестную сцену между двумя писателями, Годо и Колете, въ которой они, наговоривъ сначала другъ другу всякихъ похвалъ, кончаютъ нанесеніемъ другъ другу жестокихъ оскорбленій; эта сцена послужила идеей для весьма забавнаго діалога Триссотена и Вадіуса въ комедіи *Ученія женщины* того же Мольера; однако нельзя не признать, что воспользовавшись этой идеей, Мольеръ распорядился ею совершенно оригинально, съ большою комическою самобытностью.

Въ наше время французскому писателю Этьенну, автору извѣстной комедіи *«Два зятя»*, было неопровержимо доказано, что онъ уже очень усердно подражалъ старинной комедіи, подъ названіемъ *Конака*. Этотъ эпизодъ изъ исторіи французской литературы (1811—1812 гг.) послужилъ для Сентъ-Бева сюжетомъ одного изъ его прелестнѣйшихъ *Понедѣльниковъ*. Этотъ же послѣдній критикъ однажды указалъ публи-

кѣ на странную личность поддѣлывателя, издавшаго цѣлыхъ десять томовъ мемуаровъ, подъ именемъ маркизы де-Креки. Этотъ мнимый издатель, котораго ни имя, ни біографія неизвѣстны и который принялъ громкій псевдонимъ графа де-Куршампа имѣлъ странную участь быть изблеченнымъ въ плагиатъ, когда онъ называлъ себя авторомъ того или другаго романа; и въ обманъ, когда приписалъ свои собственные измышленія дѣйствительной личности, какою была маркиза де-Креки.

Вообще драматическія произведенія очень часто подвергаются подобнаго рода поддѣлкамъ, нерѣдко очень невиннымъ. Піеса, переходя на заграничные театры, никогда почти не появляется тамъ безъ многочисленныхъ измѣненій, дѣлаемыхъ для того, чтобы принаровиться ко вкусу новыхъ слушателей. Есть-ли въ подобныхъ случаяхъ плагиатъ, и можетъ-ли оригинальный авторъ жаловаться на это? Драмы, имѣющія успѣхъ, доставляютъ вообще довольно большіе барыши ихъ авторамъ, такъ что послѣдніе не слишкомъ претендательны относительно своихъ правъ собственности, вѣтъ границъ страны, въ которой явилось произведеніе. Генію подобаетъ быть щедрымъ и жертвовать малою долею своего состоянія ради увеличенія славы. Распространеніе извѣстности для всякаго солиднаго и хорошаго произведенія представляетъ выгоду, которую не слѣдуетъ вычитывать грошами.

Какъ мы видимъ, если популярность произведеній ума подвергаетъ ихъ иногда опасностямъ, то съ другой стороны, она способствуетъ распространенію ихъ благодѣяній. Умножаясь численно, книги распространяютъ не одну лишь мысль нашу, но онѣ распространяютъ также и нашъ языкъ. Когда Франція владѣла Канадой и Луизианой, она сдѣлала изъ этихъ двухъ колоній земли съ французскимъ языкомъ; Испанія сдѣлала изъ Мексики новую Испанію; Бразилія сдѣлалась какъ бы литературной провинціей Португаліи; Англія вотъ уже цѣлыхъ два столѣтія какъ заняла наибольшую часть сѣверной Америки, гдѣ нынѣ преобладаетъ ея языкъ, почти изгнавшій французскій языкъ изъ Луизианы и на половину сократившій его господство въ Канадѣ. А теперь вотъ и Индія предана во власть англійскаго языка; послѣдній, конечно, находитъ тамъ милліоны людей, не покоряющихся языку завоевателей, но мало-по-малу онъ прокладываетъ тамъ себѣ дорогу, какъ орудіе военной и гражданской администраціи, опутывая прочною сѣтью населеніе въ двѣсти милліоновъ душъ. Австралія, уже населенная болѣе значительнымъ числомъ европейцевъ, чѣмъ какое когда-либо было въ ней число туземныхъ жителей, представляетъ собою еще обширный континентъ, открытый для мирныхъ завоеваній Англіи. По всѣмъ берегамъ Индѣйскаго океана и Китайскихъ морей, англійскій языкъ болѣе и болѣе дѣлается языкомъ торговли и цивилизаціи. И все это

сдѣлалось не только путемъ устнаго изученія, но и посредствомъ распространенія книгъ.

Сто лѣтъ назадъ французы имѣли такое же преобладаніе въ Европѣ и чуть было не распространили его и въ Новомъ Свѣтѣ. Въ средніе вѣка французская литература, оригинальная и плодovitая, особенно въ поэзій, распространялась съ сѣвера на югъ, съ востока на западъ, почти по всѣмъ направленіямъ. Французскіе эпическіе романы были предметомъ подражанія или переводились почти на всѣ языки цивилизованной Европы. Одинъ изъ учителей Данте, Брунетто Латини, предпочелъ французскій языкъ итальянскому при составленіи имъ энциклопедіи, названной имъ *Сокровищемъ*, потому что, говоритъ онъ, разговоръ на немъ пріятнѣе и знакомѣе для всѣхъ людей.

Съ возрожденіемъ литературы французскій языкъ пріобрѣлъ нѣкоторымъ образомъ нравственное превосходство; онъ сдѣлался общимъ языкомъ для дипломатическихъ сношеній, дипломатическимъ языкомъ. Было время, когда нѣмецкая грамматика чуть было не позаимствовала у французовъ нѣкоторые изъ французскихъ грамматическихъ приемовъ. Берлинская академія наукъ, при своемъ открытіи, была на половину французская; въ 1784 году она объявила конкурсъ на сочиненіе о всеобщности французскаго языка и два года спустя увѣнчала преміей остроумную записку объ этомъ предметѣ, француза де-Ривероля. До 1804

года, сборникъ ея мемуаровъ состоитъ почти исключительно изъ статей, написанныхъ по-французски. Фридрихъ II свободно говорилъ на французскомъ языкѣ, на которомъ онъ написалъ свои военные и другіе мемуары, дѣлающіе нѣкоторую честь французской литературѣ. Нынѣ дѣло значительно измѣнилось: въ Германіи все еще изучаютъ французскихъ классическихъ авторовъ; комментируютъ, дополняютъ ихъ примѣчаніями для употребленія въ гимназіяхъ; сильно читаются тамъ также французскіе романы, даже самые пустые; но все это дѣлается больше изъ любопытства, чѣмъ изъ симпатіи къ французамъ.

Языкъ, не создавшій литературы, языкъ, не имѣющій книгъ, рано или поздно, осужденъ на гибель. Наступитъ день, когда народъ, говорящій на немъ, подчинится націи болѣе образованной, мало-по-малу смѣшается съ нею, очень счастливый, если нѣсколько словъ его роднаго языка, вошедшія въ языкъ побѣдителя, раздѣлятъ съ нимъ процвѣтаніе. Въ Океаніи и Америкѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе исчезаютъ народцы, послѣдній членъ которыхъ унесетъ въ могилу языкъ своихъ отцовъ. Ученый путешественникъ Александръ Гумбольдтъ приводитъ трогательный примѣръ этого. Онъ посѣтилъ берега рѣки Ориноко и отыскивалъ тамъ одно туземное племя атуровъ, на которое было раньше еще обращено его вниманіе. «Они всѣ уже перемерли,

сказалъ ему кто-то изъ сосѣдняго племени. Но тутъ есть попугай, знающій еще нѣсколько словъ ихъ языка».

Католическіе миссіонеры спасли отъ забвенія до сотни эти невѣдомыхъ нарѣчій, воспользовались ими для перевода Евангелія или для написанія наставленій въ вѣрѣ для народовъ, которыхъ они желали цивилизовать. Въ Англіи, одно вліятельное богатое общество, цѣль котораго указываетъ и самое имя, Библейское общество, основанное въ 1803 году, ежегодно расходуетъ до пяти милліоновъ франковъ на написаніе и печатаніе переводовъ Библии на различные языки и нарѣчія, число которыхъ нынѣ простирается до двухсотъ шестнадцати, и изъ которыхъ нѣкоторые будутъ единственно ему обязаны тѣмъ, что переживутъ народы, говорившіе на нихъ, и останутся предметами изученія для того класса ученыхъ, которые нынѣ называются лингвистами.

Вы сами видите, что говорить, не умѣя писать, да даже и умѣя писать, но не умѣя печатать, нынѣ представляетъ для какого-либо народа лишь плохую выгоду. Человѣчество совершенствуется лишь благодаря практическимъ примѣненіямъ ученыхъ профессій, укрѣпляющихъ мысль и такимъ образомъ сдѣлавшихся необходимымъ орудіемъ цивилизаціи.

Если есть языки, исчезающіе безъ всякаго слѣда и воспоминанія, то есть и такіе, которые называютъ мертвыми языками единственно потому, что на нихъ

уже не говорятъ, и они существуютъ только въ книгахъ. Таковы языки древняго Египта и древнихъ народовъ Персіи и Ассиріи, которые нынѣ съ успѣхомъ разбираютъ на памятникахъ и папирусахъ \*). Таковъ санскритскій языкъ, языкъ Ведъ и древнихъ эпопей въ Индіи. Этотъ послѣдній языкъ частію сохранился въ образовавшихся изъ него нарѣчіяхъ, на которыхъ и нынѣ еще говорятъ въ Индостанѣ. Таковы также латинскій и греческій языки, которымъ вы учитесь еще въ школѣ и которымъ стоитъ посвятить здѣсь нѣсколько минутъ.

Латинскій языкъ, какъ мы видѣли выше, слѣдуя за римскими завоеваніями, вытѣснилъ и погубилъ много народныхъ языковъ на Западѣ; но и самъ онъ мало-по-малу долженъ былъ измѣниться и преобразоваться въ устахъ побѣжденныхъ націй, а потомъ и исчезнуть такимъ образомъ изъ всеобщаго употребленія. Языки: итальянскій, испанскій, португальскій, румынскій и французскій, произошли отъ латинскаго

---

\*) Въ нынѣшнемъ 1881 году въ Египтѣ сдѣлана находка чрезвычайной важности: въ мѣстности Деръ-эль-Бари, близъ развалинъ древнихъ Фивъ, открыты гробницы съ муміями фараоновъ: Сети I, Рамзеса II, Аменофиса I, Амазиса, Тутмеса и другихъ. Найдены также четыре свертка папируса, пятнадцать большихъ париковъ для церемоній 46 деревянныхъ ящичковъ съ надписями, нѣсколько ящичковъ изъ папируса съ приношеніями, большая деревянная доска съ письменами и множество другихъ мелкихъ предметовъ.

языка и заставили его почти забыть во всѣхъ низшихъ классахъ западнаго общества. Но нѣкоторыя причины поддержали его употребленіе въ высшихъ классахъ этого общества. Прежде всего, прекрасная и богатая литература древняго Рима, даже сокращенная для насъ многими опустошеніями времени, представляетъ еще для всѣхъ образованныхъ умовъ образцы краснорѣчія и поэзіи, къ которымъ привязываются всегда съ вполне справедливою любовью. Затѣмъ, сдѣлавшись официальнымъ языкомъ римской церкви, латинскій языкъ сдѣлался необходимымъ посредникомъ для сношеній между всѣми членами значительной католической общины. На немъ еще и нынѣ пишутся всѣ акты, исходящіе изъ папской канцеляріи; на немъ у католиковъ совершается литургія и читаются молитвы. Латинскій переводъ Библии святаго Иеронима, сдѣлавшійся *Вульгатой* или официальнымъ переводомъ священныхъ книгъ, сохраняетъ авторитетъ оригинальнаго текста. Точно также очень долгое время изученіе права и судебная практика, основанные на римскихъ законахъ, удерживали въ школахъ и судахъ употребленіе языка римскихъ юрисконсультовъ. Во Франціи всѣ судебные акты начали составляться по-французски только въ царствованіе Франциска I, съ 1539 года; однако французскіе адвокаты довольно долго еще продолжали произносить свои рѣчи на латинскомъ языкѣ.

Такимъ-то образомъ, не смотря на столько рево-



люцій, латинскій языкъ пользовался привилегіей вторичной жизни, даже и помимо религіозныхъ дѣлъ. До конца XVII столѣтія, на латинскомъ языкѣ писали историческія сочиненія, изъ которыхъ нѣкоторыя были довольно важны. Философія, эрудиція, естественныя науки еще пользуются имъ, какъбы языкомъ общимъ для ученыхъ всѣхъ странъ. Въ Римѣ, въ Туринѣ, въ Лейденѣ есть еще искусные латинисты, читающіе лекціи на этомъ языкѣ. Но, замѣтите, они не научились этому языку у своихъ родителей или у своихъ матушекъ и нянюшекъ; они изучали его послѣ роднаго языка въ школѣ. Не будемъ смѣшивать этого искусственнаго приѣма съ естественнымъ изученіемъ языковъ, которые укрѣпляются и развиваются нынѣ путемъ домашняго воспитанія.

Судьбы греческаго языка, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходныя съ судьбами латинскаго языка, тѣмъ не менѣ весьма различны отъ нихъ. Какъ языкъ восточнаго христіанства, онъ господствуетъ въ его литургіи, на кафедрахъ, въ теологическихъ школахъ, на такомъ же правѣ, какъ и латинскій языкъ на Западѣ. Но религія не охранила его отъ неустойчивости учрежденій и имперій. Подъ прелестнымъ языкомъ Софокла, Ксенофонта, Демосеена въ древности жили нѣсколько народныхъ нарѣчій, пережившихъ средніе вѣка и дошедшихъ до насъ подъ общимъ названіемъ ромайскаго языка, произведеннымъ отъ слова *Roma* (Римъ), потому что Константинополь,

древняя Византия, сделавшись второю столицею империи, получила название Нового Рима. Но этотъ романскій языкъ, хотя и менѣе далекий отъ классическаго греческаго языка, чѣмъ ново-латинскіе языки отъ латинскаго, тѣмъ не менѣе никогда не могъ выдвинуться до значенія литературнаго языка. Рѣдко встрѣчается употребленіе его въ книгахъ византийцевъ. Литераторы Восточной имперіи всегда оставались болѣе или менѣе вѣрными преклоненію предъ старымъ языкомъ. Они писали на немъ не совсѣмъ хорошо, загромождали его неологизмами; но, такъ или сякъ, они соблюдали грамматику. Съ IV вѣка до взятія турками Константинополя, въ 1453 году, теологи, филологи, лѣтописцы написали сотни томовъ, нерѣдко очень цѣнныхъ, въ которыхъ византийскій грекъ продолжаетъ древнія традиціи ученой литературы. Приведемъ лишь одинъ примѣръ этого: въ XII столѣтіи сссалоникскій архіепископъ Евстаѳій, умирая, оставилъ множество сочиненій, которыя почти всѣ дошли до насъ, и изъ нихъ одно, его *Комментарій на Илиаду и Одиссею*, представляетъ пять толстыхъ томовъ въ четвертую долю листа. Какую дѣятельность предполагаетъ у книгопродавцевъ и переписчиковъ воспроизведеніе столь чудовищнаго сборника историческихъ и грамматическихъ замѣчаній, составленныхъ по многимъ другимъ сочиненіямъ, еще существовавшимъ объ этомъ предметѣ.

Съ 1453 года до нашихъ дней традиція, безъ со-

мѣнѣнія ослабѣвшая, никогда не прерывалась, и къ ней-то именно привязывается нынѣ съ большимъ, чѣмъ когда-либо, жаромъ патріотизмъ эллиновъ, сдѣлавшихся снова свободнымъ народомъ. Они не желаютъ, чтобы ихъ языкъ считали мертвымъ языкомъ. За исключеніемъ поэзіи, они упорно отказываются отъ народнаго языка ради классическихъ слога и грамматики. Въ городскихъ и сельскихъ школахъ только и изучается одинъ греческій языкъ древнихъ прозаиковъ. Увѣнчаются-ли успѣхомъ эти усилія и близко-ли то время, когда всѣ греки будутъ въ состояніи понимать, если не писать на прелестномъ языкѣ ихъ предковъ? Трудно отвѣчать на такой вопросъ. Но что бы тамъ ни случилось, уже самое зрѣлище этого возрожденія полно для насъ интереса и еще разъ показываетъ намъ, какъ исторія книгъ тѣсно связана съ исторіей народовъ. Скоро будетъ двѣ тысячи лѣтъ, какъ Цицеронъ, произнося рѣчь въ защиту греческаго поэта Архіаса, съ нѣкоторою грустью сравнивалъ популярность, которою пользовался въ то время, «въ цѣломъ мірѣ», языкъ этого поэта, съ столь ограниченнымъ господствомъ латинскаго языка. Съ тѣхъ поръ латинскій языкъ приобрѣлъ область значительно обширнѣе области греческаго языка. Но послѣдній языкъ не исчезъ, подобно первоначальнымъ языкамъ Галліи или Испаніи, при господствующемъ языкѣ побѣдителей. Благодаря богатству и красотѣ своей литературы, онъ остался наставникомъ въ школахъ на

Востокъ и сохранилъ въ нихъ до нашихъ дней авторитетъ, который можетъ еще возрасти, если эллинскій народъ окажется способнымъ занять, между западнымъ и восточнымъ міромъ, роль достойную его древнихъ и славныхъ преданій.

Впрочемъ, слѣдующая глава дастъ намъ случай вернуться къ этому предмету.

---

## ГЛАВА VIII.

### Книги на всемирной парижской выставкѣ 1878 года.

Безконечная бумага.—Гелиографюра.—Американская книжная торговля.— Успѣхи книгопечатанія у новѣйшихъ грековъ.— Замѣчательныя рукописи. — Библия Улфилы. — Богатства парижской національной библиотеки. — Библия для бѣдныхъ.

Сколько книгъ, сколько драгоценныхъ святынь, сколько древнихъ и новыхъ орудій, сколько чудесъ письменности, типографскаго и переплетнаго искусства было собрано на парижской выставкѣ 1878 года! Сколько машинъ, часть которыхъ дѣйствовала тутъ же на вашихъ глазахъ и, такъ-сказать, переносила васъ въ мастерскія, изъ которыхъ каждый день выходятъ тысячи томовъ! Зрѣлище въ высшей степени поучительное, могущее представить почти всѣ матеріалы для исторіи книги. Вотъ въ числѣ предметовъ, выставленныхъ одною австрійскою бумажною фабрикою, два громадныхъ цилиндра, сдѣланныхъ каждый изъ одной бумажной ленты; каждая изъ этихъ лентъ

имѣла въ длину восемь тысячъ метровъ при одномъ метрѣ ширины. Вотъ наборная машина, что-то въ родѣ фортепiano, клавиши котораго соединены съ внутреннимъ механизмомъ, который, сообразно игрѣ исполнителя, устанавливаетъ подвижныя буквы въ строки; другой подобнаго же рода механизмъ дѣлаетъ съ этого набора оттиски на бумагѣ; прелестное упрощеніе типографскихъ способовъ. Вотъ книга *сотканная* изъ шелковыхъ нитей. Знаменитый изобрѣтатель машинъ, преобразовавшій фабрикацію тканей, и не подозрѣвалъ, что придетъ день, когда его машина, переходя отъ усовершенствованія къ усовершенствованію, сдѣлается способною воспроизводить цѣлыя страницы письма и такимъ образомъ соперничать съ искусствомъ учениковъ Гутенберга.

Въ Италіи, въ Австріи, въ Англіи, во Франціи результаты, достигнутыя по усовершенствованію книжной промышленности, весьма замѣчательны. Картографія въ особенности и географія, иллюстрированныя всѣми способами рисованія, сдѣлали въ нѣскольکو лѣтъ изумительные успѣхи. Какого изящества и какой точности достигло воспроизведеніе памятниковъ и даже сценъ изъ природы, благодаря недавнему открытію *фотогравюры* или *гелиогравюры*; затѣмъ воспроизведеніе картинъ, рисованныхъ *хромифотografieй*. До какой степени усовершенствовались учебныя пособія для первоначальныхъ школъ, благодаря умноженію числа дешевыхъ книгъ, которыя при по-

мощи толковых картинокъ, привлекаютъ глаза дѣтей и, шагъ за шагомъ, доводятъ первоначальныя ихъ знанія до высокаго уже уровня научнаго образованія!

Заботы о народномъ просвѣщеніи въ особенности характеризуютъ американскую книжную торговлю. Книжечка, въ которой были изложены способы ея изданій, разнообразіе ея богатствъ и развитіе ея производительности, въ теченіи полувѣка, представляетъ документъ изъ числа наиболѣе поучительныхъ. Тутъ, на нѣсколькихъ страницахъ, вы узнаете, что выпускаютъ въ свѣтъ каждый годъ три тысячи издателей книгъ, которые имѣются нынѣ въ Сѣвероамериканскихъ штатахъ. Эта цифра достигаетъ болѣе, чѣмъ сорока милліоновъ книгъ въ годъ. Но всего лучше, можетъ быть, характеризуетъ американскій умъ значительное число и въ особенности порядки публичныхъ библіотекъ. Бостонская библіотека, состоящая немного менѣе, чѣмъ изъ четырехъ сотъ тысячъ томовъ, удовлетворяетъ, благодаря нестѣснительности условій пользованія книгами, болѣе милліона читателей, не считая тѣхъ, которые обращаются въ ея восемь отдѣленій. Европейскія книгохранилища не отличаются такою, можно сказать, неосторожною свободою пользованія книгъ. Въ нихъ не легко выдаютъ древнія или рѣдкія книги, многотомныя или роскошно переплетенныя изданія. Если уже широко распространять это благодѣяніе, то слѣдуетъ выдавать публикѣ только

книги, удобныя для справокъ, удобныя для переноски, и въ особенности такія книги, замѣна которыхъ, въ случаѣ потери, не будетъ стоить дорого. Но въ Соединенныхъ Штатахъ и самыя старыя библіотеки существуютъ не болѣе одного столѣтія, и въ числѣ ихъ очень немного содержащихъ въ себѣ въ изобиліи старыя книги, составляющія самый цѣнный фондъ публичныхъ библіотекъ въ Англіи и на европейскомъ континентѣ. Въ Бостонѣ, Нью-Йоркѣ, Кембриджѣ печатаютъ нынѣ книги, превосходныя въ типографскомъ отношеніи, изящныя и даже роскошныя; но вообще же американская книжная торговля и типографія бьютъ на дешевизну, позволяющую быстрое распространеніе ихъ продуктовъ и науки, распространеніе которой они имѣютъ цѣлью. Необходимое и полезное тамъ идетъ впереди роскоши.

Въ числѣ другихъ народовъ имѣли своихъ представителей на выставкѣ и греки. Эллины выставили нѣсколько работъ своихъ художниковъ, своихъ скульпторовъ и фотографовъ; затѣмъ кое-какія книги, набранныя, напечатанныя и переплетенныя въ Афинахъ, въ Гермополисѣ (Сирѣ), въ Корфу и т. д. Въ числѣ этихъ произведеній обращали на себя вниманіе многочисленныя сборники древнихъ памятниковъ и надписей, изданныхъ дѣятельнымъ обществомъ археологовъ, которое уже болѣе сорока лѣтъ производитъ раскопки на дѣйствительно неистощимой почвѣ древней Греціи и спѣшитъ знакомить съ ихъ ре-



зультатами ученый міръ. Шестидесятъ лѣтъ назадъ греки получили изъ Франціи первые шрифты и даже бумагу для напечатанія первыхъ книгъ для употребленія въ ихъ школахъ; нынѣ типографія у нихъ сдѣлалась самостоятельной: она уже умѣетъ лить шрифты, готовить нужныя для нея бумагу и чернила; она печатаетъ весьма изящныя книги, не прибѣгая къ помощи иностранцевъ. Очень не велико число оригинальныхъ книгъ, которыя производитъ столица новѣйшей Греціи; за то всѣ авторы, всѣ художники, всѣ граверы, всѣ типографы—ученики древней Эллады. Книга, въ собственномъ смыслѣ этого слова, эллинскаго происхожденія. Когда вы любуетесь красивымъ дубомъ, его высокою вершиною и его богатою листвою, не забывайте жолудь, изъ которой онъ выросъ.

Однако, на выставкѣ собраны были не исключительно чудеса новѣйшей книжной промышленности, но были также образцы искусства и промышленности нашихъ предковъ. Любители изящныхъ и старыхъ книгъ соперничали другъ предъ другомъ въ стремленіи выказать богатства своихъ кабинетовъ, или по крайней мѣрѣ въ выборѣ этихъ богатствъ. Долго было бы перечислять различныя рукописи, различныя избраннѣйшія изданія, изъ которыхъ каждое обозначаетъ собою, такъ сказать, эпоху въ исторіи книги, во всѣ вѣва и во всѣхъ земляхъ. Знатоки этого рода рѣдкостей имѣли случай сдѣлать на выставкѣ много полезныхъ сличеній, а нѣкоторыя изъ такихъ сличе-

ній послужили поводомъ къ истиннымъ открытіямъ. Такимъ образомъ, ученый палеографъ, Леопольдъ Делиль, управляющій парижскою національною библіотекою, разсматривая рукопись *Политики и нравственности Аристотеля*, переведенныхъ на французскій языкъ Никодемъ Оресмомъ, узналъ въ ней второй томъ другой рукописи того же произведенія, принадлежащей брюссельской королевской библіотекѣ; затѣмъ, принадлежащими къ тому же самому семейству оказались два другихъ тома, принадлежащихъ нынѣ: одинъ Вестреенскому музею, въ Гагъ, а другой брюссельской королевской библіотекѣ. Эти четыре тома составляли когда-то двойной экземпляръ, приготовленный въ XIV столѣтіи для библіотеки французскаго короля Карла V; меньшій изъ двухъ экземпляровъ былъ переписанъ дѣятельнымъ и искуснымъ каллиграфомъ Раулэ Орлеанскимъ, отъ котораго осталось еще нѣсколько рукописей,—между прочимъ, два изящныхъ экземпляра Библии.

Много другихъ драгоценныхъ рукописей подверглось подобной же участи, разрозненію по разнымъ рукамъ. Наилучшая часть перевода на готскій языкъ Библии, сдѣланнаго въ IV вѣкѣ епископомъ Улфилой, находится нынѣ въ библіотекѣ упсальскаго университета, въ Швеціи; она была написана чернилами, съ серебрянымъ и золотымъ порошкомъ, на изящномъ окрашенномъ въ пурпуръ пергаментѣ, другія тетради той же рукописи сохраняются въ Вольфенбюттелѣ и

Миланѣ. Латинскій переводъ Библии, сдѣланный раньше перевода святаго Иеронима, принадлежалъ лионской библіотекѣ; вслѣдствіе совершенной уже въ нашъ вѣкъ кражи, виновникъ которой умеръ въ Англии, часть этой рукописи сдѣлалась собственностью богатаго любителя-англичанина, лорда Ашъ-Бурнама, купившаго ее, не зная ничего объ ея происхожденіи. Сынъ обладателя этого сокровища, узнавъ недавно о недостойной продѣлкѣ, не замедлилъ принести рукопись въ даръ лионской библіотекѣ. Можно бы было привести много примѣровъ подобнаго уродованія рукописей, не всегда поправимаго, но эти подробности завели бы насъ слишкомъ далеко.

Парижъ уже въ однихъ своихъ публичныхъ коллекціяхъ имѣетъ немало чего предложить для обозрѣнія любителямъ книгъ. Парижская національная библіотека, въ своемъ отдѣленіи, называемомъ *резервомъ*, владѣетъ нѣсколькими тысячами безцѣнныхъ образцовъ: всякаго рода рукописей, печатныхъ произведеній и переплетовъ, французскаго и заграничнаго происхожденія. Правда, этотъ резервъ открывается только для избранныхъ любителей; но администрація библіотеки старается удовлетворить любопытство болѣе многочисленной публики. Богатая зала, носящая названіе галереи Мазарини, наполнена по всей длинѣ витринами, въ которыхъ собраны самые достовѣрные и наилучше выбранные образцы письменности почти всѣхъ народовъ и почти всѣхъ вѣковъ; кромѣ

того, образцы книгопечатанія, съ первыхъ его опытовъ до самыхъ совершенныхъ его произведеній, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ. Два раза въ недѣлю можно прогуливаться по этой галереѣ на просторѣ и осмотрѣть на досугъ 448 рукописей и 669 печатныхъ произведеній, все замѣчательныхъ въ томъ или иномъ отношеніи. Два каталога, купленные при входѣ, служатъ проводниками въ путешествіи, представляющемъ столько же удовольствія, сколько и поучительности. Одна книга привлекаетъ вниманіе красотою пергамента и шрифтовъ, другая—красотою переплета, третья именемъ знаменитаго обладателя, короля-библіофила, или библіофила, обязаннаго своей любви къ книгамъ всею тою извѣстностью, которою онъ пользуется; четвертая поражаетъ совершенствомъ печатанія; пятая, наоборотъ, грубостью исполненія, свидѣтельствующею о первыхъ шагахъ искусства. Иной разъ вы чувствуете себя взволнованными при видѣ единственной рукописи, въ которой сохранилось одно изъ образцовыхъ произведеній человѣческаго ума, предъ автографами или даже предъ простыми подписями великихъ людей, прославившихъ науку и литературу. Далѣе въ той же галереѣ, при видѣ книги, которую каталогъ называетъ первою книгою, напечатанною въ маломъ форматѣ, вы подумаете о неопѣненныхъ преимуществахъ удобнаго формата для успѣховъ популярной науки. Грубые образцы каллиграфіи, относящіяся къ 1400 и

1475 годамъ, носятъ умиленное названіе *Библии для бѣдныхъ*. Это изображеніе библейскихъ сценъ, дополненныхъ короткими латинскими легендами и предназначенныхъ для просвѣщенія народа; такимъ образомъ, однимъ изъ первыхъ примѣненій табличнаго книгопечатанія, предшествовавшего типографіи въ собственномъ смыслѣ этого слова, было распространеніе по дешевой цѣнѣ книгъ для просвѣщенія бѣдныхъ людей. Итакъ, вотъ въ какомъ порядкѣ слѣдовали первыя типографскія изданія на западѣ Европы: сначала, латинскіе тексты, главнымъ образомъ тексты священныхъ книгъ, затѣмъ языческихъ авторовъ; далѣе греческіе тексты, еврейскіе тексты, и наконецъ уже тексты на живыхъ языкахъ оригинальные и переводные.

---

## Г Л А В А IX.

### Французская книжная торговля и ея исторія.

Правила книжной торговли при короляхъ: Францискъ I, Генрихъ II, Людовикъ XIII и Людовикъ XIV.—Уставъ парижской книжной торговли и типографіи.—Исправленіе текстовъ въ древности и въ новѣйшія времена.

Изъ чтенія предыдущей главы вы знаете, что бываетъ съ любознательнымъ человѣкомъ, прогуливающимся по галлереймъ какого-либо музея, гдѣ его вниманіе привлекають много предметовъ, то справа, то слѣва: ему нерѣдко приходится возвращаться назадъ, чтобы лучше рассмотреть то, на что онъ кинулъ только одинъ взглядъ, или даже совсѣмъ не обратилъ сначала вниманія. Поэтому не удивляйтесь, что въ исторической галереѣ, по которой мы проходимъ съ вами, намъ иногда приходится возвращаться назадъ и, для большаго объясненія, снова говорить о какой-либо части нашего предмета, о которой уже было сказано нѣсколько словъ.

Въ срединѣ XVIII столѣтія производство книгъ

во всей Европѣ находится въ полномъ ходу; и подобно всѣмъ отправлениямъ соціального тѣла, оно подчиняется законамъ, многочисленнымъ правиламъ, иногда стѣснительнымъ, обыкновенно же охранительнымъ.

Во Франціи, въ концѣ среднихъ вѣковъ, всѣ профессии, касающіяся торговли книгами, зависѣли, въ столицѣ, отъ парижскаго университета, а въ провинціи отъ другихъ университетовъ. Власти съ большою точностью опредѣляли обязанности книгопродавцевъ относительно авторовъ и публики, онѣ назначили условія для продажи; онѣ по возможности требовали, чтобы всякій экземпляръ, пущенный въ продажу, былъ надлежащимъ образомъ исправленъ.

Эти правила, и до введенія книгопечатанія уже очень сложныя, сдѣлались еще болѣе сложными, когда книгопечатаніе умножило въ размѣрахъ, невѣдомыхъ для нашихъ предковъ, число экземпляровъ такого множества древнихъ и новыхъ сочиненій. Столь многосложная и столь быстрая фабрикація, съ каждымъ днемъ занимавшая болѣе и болѣе значительное число рабочихъ рукъ, вызвала необходимость особаго законодательства, и это послѣднее не разъ доводило строгость до крайнихъ предѣловъ.

Въ 1535 году, какъ разъ около того времени, какъ Людовикъ XII оказалъ такое почтеніе искусству Гуттенберга, Францискъ I, напуганный безчинствами печати, чуть было не запретилъ ее эдиктомъ, который,

къ счастью, не имѣлъ и не могъ имѣть столь ужасныхъ послѣдствій. Религіозные споры и войны благопріятствовали излишествамъ свободы, которая могла сдѣлаться опасною съ оружіемъ, даннымъ въ ея руки книгопечатаніемъ. Поэтому неудивительно, что въ 1539 году появился королевскій приказъ объ учрежденіи полицейскаго надзора за парижскою типографіей. Рабочимъ было воспрещено носить въ мастерскія шпаги, кинжалы, палки, соединяться въ братства, заводить общія кассы, устраивать забастовки и монополіи, посредствомъ которыхъ они навязывали свою волю патронамъ и не позволяли имъ брать себѣ учениковъ.

Въ приказѣ короля Генриха II, въ 1551 году, предусматриваются другія опасности и опредѣляются главнымъ образомъ обязанности типографовъ. Согласно этому приказу, подписанный экземпляръ всякой предназначенной къ печатанію рукописи долженъ былъ оставаться въ рукахъ цензоровъ, просматривавшихъ книгу и потомъ еще по выходѣ ея изъ печати. На каждомъ произведеніи должно было стоять имя автора и типографа, обозначены его мѣстожителства, его штемпель и время печатанія; нѣкоторыя изъ этихъ распоряженій еще и теперь имѣютъ силу во Франціи.

Лучшія правила оставались безъ примѣненія, когда въ обществѣ господствовала неурядица, а послѣдняя была велика до вступленія на престолъ короля Генриха IV. Поэтому-то, лишь начиная съ XVII столѣ-



тія, при Людовикѣ XIII, начинаютъ приводиться въ порядокъ законы, касающіеся типографій и книжной торговли. Приказъ 1618 года освящаетъ возвращеніе къ дисциплинѣ профессіи, столь трудно подчиняющейся ей. Приказъ короля Людовика XIV по этому предмету, 1686 года, представляетъ собою настоящій уставъ. Этотъ уставъ, подобно всѣмъ другимъ, долженъ былъ измѣняться съ теченіемъ времени; онъ былъ измѣненъ въ слѣдующее царствованіе, когда синдикъ парижской книжной торговли Согренъ напечаталъ, въ 1744 году, для употребленія корпорацію, главою которой онъ былъ, книгу подъ заглавіемъ *Уставъ парижской книжной торговли и корпорацій*. Читая этотъ сборникъ, мы знакомимся съ могущественной корпораціей присяжныхъ книгопродавцевъ, ихъ привилегіями, съ ихъ отношеніями ко всѣмъ вспомогательнымъ въ отношеніи ихъ промышленностямъ, съ ихъ подчиненіемъ общей государственной полиціи. Нѣкоторыя условія этихъ подробныхъ до мелочей правилъ заслуживаютъ вниманія. Такъ, выше уже было сказано, что ни одна книга не могла выходить безъ имени типографа и безъ указанія его мѣстожителства; это мѣстожителство типографы и книгопродавцы не были свободны выбирать по своему желанію во всемъ городѣ, а должны были жить только въ опредѣленномъ числѣ улицъ, набережныхъ, мостовъ (въ то время на мостахъ, въ Парижѣ, стояли нѣрѣдко дома). Другая особенность: не только никакая книга

не могла выйти иначе, какъ съ привилегіей короля, послѣ одобренія цензоровъ, записаннаго въ синдикатъ книжной торговли, но и членъ французской академіи не всегда могъ свободно печатать свои сочиненія безъ разрѣшенія корпораціи, къ которой онъ принадлежалъ; лишь по его просьбѣ академія обыкновенно благосклонно отказывалась отъ привилегіи, предоставленной ей ея правилами.

Во Франціи, когда еще не было королевской типографіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, король выбиралъ изъ числа парижскихъ типографовъ самаго талантливаго для печатанія, подъ его покровительствомъ, изданій вполне совершенныхъ, чтобы они могли служить образцами. Но впрочемъ самыя красивыя книги не всегда бываютъ самыми лучшими. Печатающія ихъ, кажется, чаще всего заботятся объ удовлетвореніи глаза, думаютъ скорѣе о любознательности любителей, чѣмъ о любознательности людей ученыхъ и съ развитымъ вкусомъ; и дѣйствительно, довольно рѣдки книги, въ которыхъ типографское совершенство сочетается съ наибольшими удобствами для читателей.

Всякій хорошій типографъ долженъ въ особенности заботиться о совершенной точности текста, чего, однако, не легко достигнуть въ книгѣ; для этого требуются совмѣстныя усилія наборщиковъ, корректоровъ, фактора, но они возможны только въ первоклассныхъ типографіяхъ, находящихся подъ добросовѣстнымъ и

толковымъ надзоромъ. Мы знаемъ уже жалобы грековъ и римлянъ на неаккуратность современныхъ имъ переписчиковъ. Но иные и новѣйшіе авторы жаловались, и не безъ основанія, на неряшливость типографій. Можно было бы составить претолстую книгу изъ всѣхъ погрѣшностей, допущенныхъ послѣдними; погрѣшности бываютъ и очень досадныя, бываютъ и очень смѣшныя; приведемъ же этому нѣсколько примѣровъ.

Цицеронъ, жаловавшійся на переписчиковъ, не всегда и самъ доставлялъ рукописи вполне исправленныя переписчикамъ Помпонія Аттика, его издателя и друга. Разъ онъ писалъ ему: «Въ моей рѣчи въ защиту Лигарія я назвалъ, въ числѣ его близкихъ друзей, Корфидія, который уже умеръ. Объ этомъ меня извѣстили со стороны Корфидія». Увы! они ничего не сдѣлали, и не смотря на увѣдомленіе Цицерона всѣ рукописи его рѣчи *pro Ligario* воскрешаютъ мертвага, котораго онъ желалъ вычеркнуть изъ нихъ. Эта неточность древнихъ копій, нерѣдко увеличивавшаяся въ средніе вѣка благодаря крайнему невѣжеству переписчиковъ, доставила много мученій новѣйшимъ издателямъ древнихъ текстовъ; она мало-по-малу вызвала къ жизни почти новую науку, *критику текстовъ*, науку занимающуюся сличеніемъ между собою рукописей одного и того же сочиненія, извлеченіемъ изъ нихъ варіантовъ для выбора наилучшаго чтенія, для восстановленія его путемъ догадокъ въ извѣст-

ныхъ мѣстахъ, гдѣ списки составляютъ ошибочное чтеніе.

Съ перваго раза какъ будто кажется, что печатныя книги легко избѣгаютъ подобнаго рода искаженій. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, потому что наборщики, корректоры и факторы минутами отличаются невниманіемъ и небрежностью. Сами авторы нерѣдко отдають наборщикамъ неразборчивыя рукописи, затѣмъ не всегда аккуратно исправляютъ свои корректурные оттиски; вполнѣ основательно винять ихъ въ очень плохомъ исправленіи, потому что они очень часто прочитываютъ текстъ именно такъ, какъ имъ нужно, а не такъ, какъ онъ въ дѣйствительности набранъ. Иные писатели не обладаютъ терпѣніемъ для окончательнаго исправленія своей рукописи. Они отдають въ типографію невыправленную рукопись, и уже въ оттискахъ, или какъ говорятъ по свинцу, дѣлають свои поправки. Отсюда проистекають цѣлыя тысячи всякаго рода случайностей, перечисленіе которыхъ здѣсь потребовало бы очень много мѣста. Достаточно будетъ привести одинъ или два анекдота, не бросая, такъ сказать, камня въ древнихъ переписчиковъ.

Цицеронъ, разсуждая съ своимъ другомъ Аттикомъ объ одномъ изъ своихъ сочиненій, сказалъ, чтобы занялись исправленіемъ въ немъ ошибокъ переписчиковъ (*menda librariorum*). Неопытный переводчикъ, не обративъ вниманія на то, что слово *librarius* въ

настоящемъ случаѣ стояло вмѣсто словъ *scriptor librarius* и означало переписчиковъ, написалъ: «ошибокъ книгопродавцевъ». Новѣйшій наборщикъ, очень хорошо зная, что типографскія ошибки или опечатки нимало не касаются книгопродавцевъ, не задумываясь перемѣнилъ это слово переводчика и замѣнилъ его словомъ «типографовъ». Такимъ образомъ вышло, что Цицеронъ былъ уже знакомъ съ книгопечатаніемъ.

Какъ разстаться съ этимъ предметомъ о точности книгъ, не выразивъ знаковъ уваженія полезнымъ труженикамъ литературы и книжной торговли, называемымъ *корректорами*?

Думали-ли вы когда-нибудь объ этихъ труженикахъ, перечитывающихъ, вблизи наборной и типографскихъ машинъ, съ утра до вечера, а иногда и цѣлую ночь, корректуры книги или газеты? Ихъ обязанности очень тяжелы и требуютъ не заурядныхъ способностей. Имъ приходится внимательно слѣдить за малѣйшими ошибками, которыя могутъ касаться правописанія словъ, формы шрифтовъ, разстановки знаковъ, нумерации листовъ и страницъ, и притомъ почти при безконечномъ разнообразіи предметовъ; ему приходится безпрестанно держать въ рукахъ рукопись, словарь, служащій авторитетомъ во многихъ сомнительныхъ вопросахъ. Глаза утомляются скоро и здоровье растрачивается за такой работой. Авторы слишкомъ часто неблагодарны относительно ихъ и слишкомъ скоры на счетъ высказыванія имъ порицаній, тогда какъ они оказываютъ столько другихъ драгоценныхъ услугъ.

## ГЛАВА X.

### Какимъ цѣлямъ не удовлетворяетъ книга.

Книга и устное обученіе. — Драма въ чтеніи и драма на сценѣ. — Рашель и классическая трагедія. — Передача стиховъ Гомера рапсодами. — Энциклопедія, ихъ пробѣлы и несовершенства. — Возвращеніе къ древности. — Надписи на мраморѣ и бронзѣ. — Обычай расклеиванія по стѣнамъ афишъ у древнихъ. — Эпитафіи. — Надписи касающіяся аеинской эфебіи. — Книги, даже и печатныя, подвержены гибели.

Вполнѣ-ли удовлетворяетъ книга, въ своемъ болѣе высокомъ совершенствѣ, всѣмъ цѣлямъ, для которыхъ ее предназначаютъ люди пишущіе, печатающіе и украшающіе ее всею роскошью искусствъ? Увы! нѣтъ; нельзя приписывать ей безграничныхъ достоинствъ. Уже Варронъ, изъ римлянъ, можетъ быть, написавшій и прочитавшій всѣхъ болѣе книгъ, сказалъ: «Книги лишь очень плохіе помощники знанія; онѣ содержатъ зачатки нашихъ изысканій; отъ нихъ умъ долженъ лишь отправляться, чтобы предаваться труду». Разовьемъ далѣе его мысль. Книга математическая, физиче-

ская или химическая, не всегда освобождаетъ людей, читающихъ ее, отъ слушанія лекцій профессора геометріи, физики или химіи. Слово учителя, умѣющаго хорошо преподавать, производитъ дѣйствіе лучше чтенія наилучшаго учебника. Вообще, не смотря на свои неизбѣжные недостатки, живое слово, въ дѣлѣ обученія и убѣжденія, обладаетъ необычайною силою и ясностью, которой ничто не въ состояніи замѣнить. Наилучшія рѣчи, написанныя лицомъ, произносившимъ ихъ, тщательно исправленныя, напечатанныя наилучшимъ образомъ, никогда не произведутъ на читателей такого дѣйствія, какое онѣ произвели на слушателей. «Книги нашихъ ораторовъ, сказалъ Цицеронъ, хорошіи знатоки, какой только существовалъ когда-либо, не обладаютъ духомъ, заставлявшимъ вещи казаться болѣе возвышенными, когда слышали ихъ произнесеніе».

Краснорѣчіе, въ драматическомъ произведеніи, подвергается еще болѣе опасному испытанію, когда мы читаемъ его глазами, не прибавляя къ нему тона и ударенія голоса. Расинъ и Корнель остаются замѣчательными писателями для читателя, наслаждающагося ихъ произведеніями въ тиши своего кабинета; но какъ они выростають на сценѣ театра, когда голосъ талантливыхъ артистовъ съ надлежащею рельефностью отгѣняетъ силу и разнообразіе страстей, волнующихъ ихъ дѣйствующихъ лица! Поэтому нельзя не признать, что образцовыя произведенія древней драмы утратили

у насъ весьма значительную долю своего обаянія. Трагедія Софокла, комедія Аристофана или Плавта представляются намъ простыми либретто представле- нія, котораго мы не можемъ воспроизвести съ его различными эффектами постановки на сценѣ и .могу- щественной звучности. Нерѣдко случается въ новѣй- шемъ театрѣ, что иная важная роль остается въ заб- веніи въ теченіи многихъ лѣтъ, за неимѣніемъ актера, умѣющаго придать ей жизнь и снова воодушевить страстями полумертвую букву печатныхъ словъ. Лю- бители еще помнятъ удивленіе и волненіе, произве- денныя знаменитою Рашелью, создавшею у Расина Герміону, Роксану, Федру, достойныхъ генія, нѣкогда создавшаго эти удивительные типы. Это было какъ бы воскрешеніемъ. Даже въ салонѣ обаяніе пре- лестной сцены Мольера или Расина, или какой-либо прелестной страницы другихъ писателей будетъ вдвое сильнѣе, если ихъ прочитаетъ человѣкъ способный понять эту поэзію и искусной дикціей выдвинуть силь- ныя мѣста и деликатные оттѣнки. Проза оратора также обязана голосу искуснаго чтеца силою и блескомъ, напоминающими и объясняющими великіе успѣхи адво- катовъ и вообще ораторовъ. Древніе живо понимали это различіе, и греческій философъ Платонъ описываетъ въ прелестномъ діалогѣ волненіе *рансоды*, передающаго внимательной толпѣ безсмертные стихи Гомера. Ионъ (имя этого артиста), декламируя ихъ, какъ будто воз- вратилъ себѣ почти божественное вдохновеніе поэта.



Ораторъ Эскинъ, побѣжденный въ торжественномъ процессѣ своимъ соперникомъ Демосееномъ и сосланный на Родосъ, послѣ своего пораженія, прочиталъ, говорятъ, въ открытой имъ школѣ, рѣчь, передъ которою онъ спасовалъ, и его молодые слушатели аплодировали этому краснорѣчію. «Что же было бы, воскликнулъ Эскинъ, еслибы вы слышали самый голось чудовища?» Перечитывая нынѣ эти двѣ прекрасныя рѣчи, мы понимаемъ сожалѣнія Эскина и отыскиваемъ того, кто бы могъ сообщить этому мертвому уже столько вѣковъ языку силу, которую отчаялся придать современникъ, одинъ изъ двухъ дѣятелей этого достопамятнаго спора.

Изъ этого краткаго обзора вы видите, что существуетъ искусство произношенія громкимъ голосомъ, чтенія, театральной дикціи, имѣющее свои трудности и свои законы; это искусство можетъ быть выражено въ правилахъ и передаваемо путемъ правильного обученія. Это искусство преподается особыми специалистами въ музыкальныхъ консерваторіяхъ и театральныхъ школахъ; о декламациі написаны цѣлыя книги.

Есть и другія нужды, которыхъ книга не можетъ удовлетворить вполне. Науки развились до такихъ размѣровъ, что одинъ человѣкъ не въ состояніи, какъ прежде, усвоить все; и по причинѣ еще болѣе основательной невозможно включить въ одно произведение или исторію всѣхъ временъ и народовъ, или приобрѣтенныя нами знанія о природѣ и истинахъ, которыми

обогатились науки физическія и математическія. Давно уже мечтали и пробовали составлять энциклопедіи, книги, обнимающія *весь кругъ знанія*. *Естественная исторія* Плинія Старшаго была попыткою въ этомъ родѣ. Въ средніе вѣка, наука, упавшая вслѣдствіе чувствительныхъ потерь, не разъ пробовала укладываться, подъ различными названіями, въ энциклопедіяхъ. Въ XVIII столѣтіи великая *энциклопедія*, редактированная Даламберомъ и Дидро, была продуктомъ благородныхъ усилій собрать и привести въ порядокъ всѣ знанія, прибрѣтенныя съ сотворенія міра и до нашихъ дней.

Она вышла, съ 1751 по 1777 годъ, въ тридцати трехъ томахъ in-folio, включая въ то число двѣнадцать томовъ чертежей; въ 1780 году къ этому прибавилось еще два тома Аналитическихъ таблицъ. Впослѣдствіи этотъ громадный трудъ подраздѣленъ на столько частей, сколько онъ содержалъ въ себѣ различныхъ наукъ; подъ своимъ новымъ названіемъ *Методической энциклопедіи*, онъ состоитъ не менѣе какъ изъ ста шестидесяти шести томовъ in-quarto. Но сколько несовершенствъ и пробѣловъ въ этой массѣ работъ, исполненныхъ неодинаково талантливыми руками! Ни одинъ человекъ, какъ бы ни былъ силенъ его умъ, не въ состояніи единолично, не говоримъ уже составить, но даже редактировать подобный трудъ. Нынѣ подобное предпріятіе становится болѣе и болѣе труднымъ, и едва-ли кто рѣшится на

него. Приходится покориться раздѣленію труда и составлять спеціальныя сборники, для греческихъ и римскихъ древностей, для исторіи литературы, для физическихъ и математическихъ наукъ и т. д.; и каждый изъ этихъ трудовъ самъ по себѣ достигаетъ очень большихъ размѣровъ. Исторія народовъ, распространившись на всю Азію, Америку, Океанію съ одного средиземнаго міра, обнимаетъ столь обширные горизонты, что зрѣніе теряется тамъ, и мы отказываемся изслѣдовать ихъ по всѣмъ направленіямъ. Разверните какой угодно сборникъ, называющійся *Всеобщей* или *Всемирной Біографіей*; тамъ вы найдете сотни замѣтныхъ пропусковъ. Повелители Китая, напримѣръ, и ученые китайской имперіи фигурируютъ тамъ лишь въ очень незначительномъ числѣ, если только они совсѣмъ не были забыты. А между тѣмъ одна изъ такихъ біографій (Біографія Мишо) содержитъ болѣе двадцати трехъ тысячъ замѣтокъ, и это число еще болѣе увеличилось въ сборникахъ подобнаго рода, изданныхъ въ послѣдніе годы. Одну изъ наиболѣе интересныхъ компиляцій, составленныхъ въ наше время для распространенія свѣдѣній среди любознательныхъ людей обо всѣхъ странахъ и всѣхъ народахъ, представляетъ *Univers pittoresque* (Живописная вселенная), составляемая извѣстными учеными по каждой отрасли всемирной исторіи. Но пятьдесятъ томовъ in-8°, изъ которыхъ она состоитъ, собственно говоря, не составляютъ одну книгу; они представляютъ что-то въ родъ сокращенной би-

библиотеки, въ которой каждый авторъ изложилъ по своему часть взятаго имъ на себя предмета.

. Такова же, но въ размѣрахъ болѣе скромныхъ, *Энциклопедія* или *Собрание Руководствъ*, издаваемое парижскимъ книгопродавцемъ Роре. Нынѣ оно состоитъ изъ трехъ сотъ девяноста двухъ томовъ въ двѣнадцатую долю листа, представляющихъ двѣсти семьдесятъ два произведенія, въ которыхъ, гдѣ это требуется, приложены атласы и чертежи. Всѣ науки, всѣ искусства, всѣ профессіи имѣютъ или будутъ имѣть свое мѣсто въ этомъ полезномъ собраніи, исправляемомъ, улучшаемомъ и дополняемомъ ежедневно, сообразно съ успѣхами человѣческаго знанія. Можно задумать сочиненія и болѣе высокаго значенія; но трудно найти болѣе полезныя, потому что они приложимы ко всѣмъ потребностямъ дѣятельнаго и промышленнаго народа.

Представляетъ-ли выгоду это развитіе книгопечатанія, оказывающаго услуги литературѣ и наукѣ? Вотъ вопросъ, естественно являющійся у безпристрастнаго человѣка, въ виду успѣховъ промышленности. Остановимся на этомъ на нѣсколько минутъ.

Способы, существовавшіе до Гутенберга, могутъ показаться намъ мало удовлетворительными относительно сохраненія человѣческихъ знаній. Между тѣмъ, они принесли значительную долю пользы, чего отвергать нельзя. Печатная бумага не можетъ насъ заставить забыть о мраморѣ и бронзѣ, на которыхъ прежде

вырѣзывали, и которые нынѣ еще служатъ у насъ для полезныхъ примѣненій.

Легкость, съ которою книгопечатаніе позволяетъ намъ заносить историческія воспоминанія въ книги, воспроизведеніе которыхъ дѣлаетъ невозможнымъ исчезновеніе и одной страницы,—эта легкость въ концѣ концовъ сдѣлала бесполезнымъ или мало полезнымъ употребленіе надписей, и въ особенности длинныхъ надписей. Египтяне, ассирійцы, греки и римляне имѣли обыкновеніе, какъ уже было сказано выше, записывать на камнѣ или на металлическихъ пластинкахъ многіе факты, которые нынѣ заносятся въ книги и имѣютъ всѣ шансы избѣгнуть забвенія. Поэтому, вотъ уже четыреста лѣтъ, какъ мы не думаемъ болѣе вырѣзывать на своихъ памятникахъ законы, распоряженія, уставы, приходо-расходные счета, какъ это дѣлали древніе цивилизованные народы. Малѣйшіе акты государственной и общественной власти, по обнародованіи тѣмъ или инымъ способомъ, перепечатываются въ сборникахъ. Греки, а вѣроятно и римляне, иногда наклеивали на стѣнахъ афиши съ различными объявленіями. Таковъ, напримѣръ, листъ папируса, относящійся къ 146 году до христіанской эры и содержащій примѣты двухъ рабовъ, бѣжавшихъ изъ Александріи, съ указаніемъ награды, обѣщанной тому, кто приведетъ ихъ къ ихъ господину. Этотъ драгоценный документъ хранится въ египетскомъ музеѣ, въ Парижѣ. Къ тому же порядку относится

врачные документы, называемые *проскрипционными таблицами*. Первый примѣръ для нихъ подалъ въ Римѣ Силла и ему впослѣдствіи подражали слишкомъ знаменитые триумвиры Антоній, Октавій и Лепидъ. Это списокъ гражданъ, приговоренныхъ къ смерти жестокими побѣдителями безъ всякаго суда, причемъ за голову ихъ была обѣщана награда. Но употребленіе подобныхъ афишъ, повидимому, было очень рѣдко. На стѣнахъ древняго города Помпеи встрѣчаются писанныя кистью избирательныя рекомендаціи: *Избираемъ того-то или того-то* \*).

И такъ, у насъ употребленіе гравюры на камнѣ для официальныхъ документовъ гораздо рѣже, по причинѣ его бесполезности. Тѣмъ не менѣе, все еще вырѣзываютъ на надгробныхъ камняхъ имена умершихъ, иногда съ перечисленіемъ, всегда краткимъ, главныхъ дѣяній ихъ жизни и званій, которыя они

---

\*) Нынѣ афишами стали пользоваться съ образовательною цѣлю. Мысль распространенія полезныхъ знаний посредствомъ афишъ принадлежитъ швейцарцамъ. Такую мысль нельзя не назвать практичною, такъ какъ для дѣтей и простаго народа красные, синіе, желтые листы служатъ отличной приманкой; все напечатанное на такомъ привлекательномъ фонѣ прочитывается съ большою охотою. У насъ, въ Петербургѣ, съ половины 1881 года также стали прибѣгать къ афишамъ для распространенія душевспасительныхъ и полезныхъ свѣдѣній для народа. Такъ, на рѣшеткѣ сквера у памятника Екатерины II развѣшено нѣсколько брошюръ, наклеенныхъ на картоны.

*Примѣчаніе переводчика.*

носили; не рѣдко также прибавляютъ туда какой-нибудь стихъ изъ священнаго писанія, стихи въ честь покойнаго. Не безынтересно бываетъ пробѣгать эти надгробныя надписи. Онѣ знакомятъ насъ съ нѣкоторыми обычаями нашихъ предковъ, съ нѣкоторыми воспоминаніями объ ихъ частной жизни. Точно также вырѣзываютъ на публичныхъ памятникахъ время ихъ постановки, имена властей, по повелѣнію которыхъ они были поставлены.

Всѣ эти памятники, однако, приносятъ очень мало пользы исторіи, потому что событія, о которыхъ они повѣствуютъ, почти всегда бываютъ записаны въ другомъ мѣстѣ: въ мемуарахъ, въ общихъ или частныхъ исторіяхъ. Для того, чтобы узнать, когда и гдѣ были построены наши дворцы, храмы, общественныя зданія, гдѣ воздвигнуть тотъ или другой памятникъ въ честь какого-либо великаго человѣка, намъ рѣдко приходится прибѣгать къ вырѣзаннымъ на нихъ надписямъ. Нельзя того же сказать о памятникахъ болѣе глубокой древности, предшествовавшей изобрѣтенію книгопечатанія, и въ особенности для памятниковъ древнихъ народовъ, историческія книги о которыхъ погибли. Египетскія и ассирійскія надписи представляютъ намъ нынѣ самую достовѣрную часть лѣтописей Египта и Ассиріи. Порядки греческихъ городовъ, и въ особенности Аѣинъ, религіозныя и политическія учрежденія Рима, извѣстны намъ болшею частію въ тысячахъ надписей, открытыхъ и

открываемыхъ еще каждодневно на почвѣ Греціи и римскаго міра. Существуетъ, напримѣръ, цѣлый рядъ греческихъ надписей, часть которыхъ имѣетъ по нѣсколько страницъ длины; эти надписи рассказываютъ намъ о жизни аѳинской молодежи въ теченіи двухъ лѣтъ того, что называлось въ то время эфебей, т. е. заведенія, похожаго на наши спеціальныя школы. Читатели не могутъ не интересоваться картиною жизни, которую вели воспитанники школъ въ Аѳинахъ. Они найдутъ въ этихъ, увидавшихъ свѣтъ едва лишь двадцать лѣтъ, документахъ, если вздумаютъ обратиться къ нимъ, уставы этой школы, акты, которыми ученики и учителя обоюдно свидѣтельствовали о ревностномъ исполненіи своихъ обязанностей, и узнаютъ, какія чувства соединяли ихъ вмѣстѣ. Тамъ мы видимъ все разнообразіе гимнастическихъ и литературныхъ упражненій, съ помощію которыхъ молодые люди приготавлились ко вступленію въ жизнь; тамъ перечисляются школы, которыя они посѣщали, и подарки книгами, сдѣланные *эфебами* гимназіямъ, въ которыхъ они окончили свое воспитаніе.

Это сравненіе между надписями на камнѣ и документами, сохраненными письменностью на различнаго сорта бумагахъ и въ особенности книгопечатаніемъ, не должно вселить въ васъ убѣжденія, что ни одна печатная книга не можетъ исчезнуть. Многія книги печатаются въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ, иногда ихъ оцѣнется только два или три въ



библіотекахъ; иногда не остается даже и одного: онѣ или были уничтожены, при выходѣ, властями, или же авторъ и его произведеніе не обратили на себя вниманія любителей и въ концѣ концовъ впади въ забвеніе. Вотъ примѣръ. Французскій поэтъ Петръ Пупо, жившій въ XVI столѣтіи и не оставившій послѣ себя прочной извѣстности, нынѣ извѣстенъ лишь по статьѣ, написанной о немъ французскимъ же ученымъ XVII столѣтія Вильгельмомъ Коллете; сборникъ же статей Коллете, никогда не бывшій изданнымъ цѣликомъ, погибъ въ 1871 году, во время пожара въ луврской библіотекѣ, въ Парижѣ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что нѣкоторые памятники письменности могутъ погибнуть даже и въ такіе вѣка, когда является такъ много изобрѣтеній для обезпеченія долговѣчности работъ человѣческаго ума. Но, благодаря Бога, подобные примѣры довольно рѣдки, и хочется вѣрить, что за четыре послѣдніе вѣка ни одна книга, достойная для передачи потомству, не миновала полокъ нашихъ библіотекъ.

---

## ГЛАВА XI.

### Продавцы и покупатели книгъ.

Различныя товарищества для изданія книгъ.—Крупный книгопродавецъ и букинистъ.—Различные классы покупателей.—Греческіе и римскіе предки нашихъ новѣйшихъ библиофиловъ.— Цицеронъ, Плутархъ, Лонгинъ, Кассіодоръ, Карлъ Великій, Алкуинъ.—Латинская Библія Теодульфа.—Каталогъ книгъ Фотія.—Библіотека французскаго короля Людовика IX Святаго.—Раздача книгъ.—Библіотека Сорбонская и библіотека Ричарда Бюри. — Цѣнная коллекція герцога Беррійскаго.

Послѣ только-что сдѣланнаго, хотя и далеко неполнаго, обзора богатствъ, которыми владѣютъ цивилизованные народы, въ видѣ всякаго рода книгъ, читатели должны чувствовать себя нѣсколько ошеломленными и смущенными всѣми пробуждаемыми этимъ зрѣлищемъ воспоминаніями, всѣми приманками, представляемыми имъ для ихъ любознательности. Многочисленны производители и продавцы книгъ, но еще многочисленнѣе покупатели. Хотѣлось бы распредѣлить ихъ по извѣстному методу, на классы и семейства.

Производство книгъ имѣетъ много причинъ и принимаетъ очень много формъ.

Книга или выходитъ, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, представляя знанія и мысли автора; или это бываетъ компиляція, сборникъ, сводъ чужихъ мыслей, или же печатаютъ древній или новѣйшій текстъ, не издавшій еще свѣта и покоившійся, въ большемъ или меньшемъ забвеніи, въ какой-нибудь библіотекѣ; или же воспроизводятъ съ особенной тщательностью и роскошью произведеніе уже извѣстнаго автора. Этимъ различнымъ видамъ изданія посвящаютъ себя книгопродавцы и типографы, сообразно своимъ личнымъ стремленіямъ. Нѣкоторые стремятся не только къ обогащенію, но и желаютъ заслужить уваженіе и полагаютъ свое самолюбіе лишь въ изданіи книгъ, достойныхъ вниманія знатоковъ. Но любители хорошихъ и изящныхъ книгъ не всегда ожидаютъ предложенія ихъ книгопродавцемъ; они дѣлаютъ на изданіе ихъ щедрія денежныя пожертвованія. Библіофилы, особенно въ наше время, любятъ составлять изъ себя общества для печатанія книгъ по своему вкусу. Эти свободныя сообщества не всѣ имѣютъ одинаковый характеръ. Одни имѣютъ въ виду науку. Другія же преслѣдуютъ болѣе ограниченную цѣль; о наукѣ, въ собственномъ смыслѣ слова, они думаютъ меньше, чѣмъ о любознательности; они печатаютъ или перепечатываютъ, но въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, рѣдкія сочиненія, которыя даже и послѣ эт

перепечатки все еще остаются рѣдкостями: таково у французовъ общество библіофиловъ, имѣющее свой журналъ, своихъ типографовъ, даже своихъ избранныхъ переплетчиковъ; оно состоитъ изъ членовъ по выбору, но не ограничиваетъ своихъ изданій цифрою своихъ членовъ; оно даетъ возможность постороннимъ любителямъ, если они не слишкомъ боятся расходовъ, украшать свои библіотеки, покупая книги съ такимъ хорошимъ выборомъ, имѣющія за себя гарантію такихъ опытныхъ знатоковъ. Нѣкоторые англійскіе клубы идутъ еще дальше; они, можно сказать, даже ужъ слишкомъ далеко простираютъ эгоизмъ библіофила. Они печатаютъ свои изданія только въ количествѣ равномъ числу членовъ, изъ которыхъ состоитъ каждый изъ нихъ; а такъ какъ каждый членъ обыкновенно человекъ богатый, очень дорожающій своей привилегіей и никогда не продающій книги, принадлежащей ему на правахъ подписчика, то вы видите, что эта книга перейдетъ въ общее достояніе лишь послѣ смерти владѣльца. Изъ всѣхъ эгоизмовъ этотъ послѣдній, безъ сомнѣнія, самый невинный, особенно когда напечатанныя такимъ образомъ сочиненія отличаются лишь посредственнымъ научнымъ достоинствомъ, а иногда даже и не будутъ никогда прочитаны привилегированнымъ счастливецомъ, владѣющимъ ими.

Что же касается продавцовъ, которыми мы также должны заняться, то ихъ есть нѣсколько классовъ, начиная съ богатаго издателя-книгопродавца и кон-

вая простымъ букинистомъ, сваливающимъ на прилавокъ книги всякаго виѣшняго вида, очень часто грязныя и дешевыя. Есть нѣсколько разрядовъ покупателей, запасавшихся книгами въ этихъ весьма разнообразныхъ магазинахъ. Есть также много людей, которые, нуждаясь въ книгахъ, но не имѣя денегъ для покупки ихъ, вынуждены ходить для занятій, за нѣсколько копѣекъ, въ кабинеты для чтенія. Эти различные промышленники и эти различные читатели заслуживали бы особыхъ главъ въ разсказываемой исторіи, которая въ такомъ случаѣ растянулась бы чрезмѣрно, еслибъ дѣлать подробныя описанія и приводить пикантные анекдоты. Напримѣръ, вотъ статистическія свѣдѣнія за 1857 годъ о мелкой торговлѣ книгами въ Парижѣ на открытомъ воздухѣ. Между набережными Орсе и Турнель было 68 букинистовъ, которые имѣли вмѣстѣ около 1020 ящиковъ, каждый длиною въ одинъ метръ; полагая по 75—80 книгъ на каждый ящикъ, общее число выставленныхъ букинистами книгъ будетъ равняться 70,000, отъ продажи которыхъ, по вычисленіямъ компетентнаго судьи, выручается около 400,000 франковъ въ годъ. Но будемъ продолжать нашъ историческій обзоръ библіофиловъ и библіотекъ.

Сенека философъ, въ книгѣ о *спокойствіи души*, съ страннымъ презрѣніемъ отзываясь о 400.000 томовъ, составлявшихъ большую александрійскую библіотеку: онъ видитъ въ этомъ только роскошь цар-

скаго тщеславія. Въ этомъ отношеніи онъ могъ бы также презирать богатыя бібліотеки Рима, представлявшія, между тѣмъ, столько источниковъ для всѣхъ классовъ любознательныхъ людей; со временемъ въ этихъ бібліотекахъ и его собственныя книги должны были фигурировать въ числѣ наиболѣе спрашиваемыхъ читателями; съ большею основательностью онъ насмѣхается надъ тѣми собирателями книгъ, которые употребляютъ ихъ только на украшеніе своихъ столовыхъ и которые цѣнятъ въ нихъ почти одинъ переплетъ. Наши современныя общества могли бы также представить много примѣровъ такой маніи.

Надо, вообще, признаться, что было бы очень немного большихъ бібліотекъ, еслибы только покупали книги, на которыя существуетъ большой спросъ. Когда римлянинъ Ларенцій, во II вѣкѣ христіанской эры, собралъ тридцать пять тыячъ томовъ, безъ сомнѣнія, этотъ богачъ не думалъ прочесть ихъ всѣ; онъ слѣдовалъ просто благородной маніи. Около того же времени Лукіанъ сатирикъ язвить ѣдкой насмѣшкой богача, собравшаго въ своей бібліотекѣ сотни изящныхъ рукописей и притомъ не могшаго цѣнить ихъ, ни пользоваться ими. Слѣдовательно, библиоманъ (человѣкъ, имѣющій страсть къ книгамъ) не есть лицо, явившееся въ наше время. Компетентный покупатель и любитель тоже имѣютъ себѣ образцы въ древности. Цицеронъ, видимо, былъ изъ такого сорта людей; сочиненія его свидѣтельствуютъ объ 'его гро-

мадной и разнообразной начитанности, и съ помощью своего друга, Аттика, онъ поддерживалъ свою богатую бібліотеку въ чрезвычайномъ порядкѣ. Въѣтъ спустя послѣ Цицерона, біографъ и моралистъ Плутархъ долженъ былъ также имѣть просвѣщенный вкусъ къ полезнымъ книгамъ, судя по цѣлымъ сотнямъ авторовъ, которыхъ онъ поочередно цитируетъ въ своихъ многочисленныхъ, дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи, знаменитый Лонгинъ, бывший министромъ царицы Зиновіи, получилъ отъ Плотина названіе «живой бібліотеки и ходячей академіи». Это предполагаетъ громадную память и любовь знатока къ сокровищамъ, накапливаемымъ въ бібліотекахъ.

Впослѣдствіи нашествіе варваровъ, какъ мы уже сказали, внесло много неурядицы и унынія въ литературныя общества, которыми древній міръ изобиловалъ. Тѣмъ не менѣе, не видно, чтобы любовь къ книгамъ когда-либо совсѣмъ исчезала даже среди самыхъ ужасныхъ соціальныхъ и политическихъ конвульсій. Министръ готскихъ королей въ Италіи, Касіодоръ, устраненный отъ дѣлъ съ паденіемъ своихъ властителей, превратилъ мѣсто своего уединенія въ громадную рабочую комнату для переписчиковъ, въ которой, подъ его руководствомъ, воспроизводились книги, или религіозныя, или языческія. Карлъ Великій, въ VIII вѣвѣ, окружилъ себя учеными, учредилъ школы и, для употребленія въ этихъ школахъ,

повелѣлъ увеличивать число списковъ древнихъ сочиненій; ирландскій монахъ Алкуинъ былъ героемъ этого ученаго двора, и его имя заслуживаетъ быть переданнымъ въ вѣчность, какъ имя истиннаго благодѣтеля ума человѣческаго. Рукописи того времени не отличаются, правда, изяществомъ ихъ исполненія; письму не достаетъ красоты и украшенія въ нихъ чрезвычайно рѣдки. Но скоро мы видимъ, что снова появляется любовь къ каллиграфіи, живописи и богатымъ переплетамъ, которая, можетъ быть, никогда не исчезала на греческомъ Востокѣ и которая снова появилась на Западѣ, при преемникахъ Карла Великаго. Въ IX вѣкѣ встрѣчается ученый орлеанскій епископъ Теодульфъ, заказывающій для своего употребленія рукописи рѣдкаго изящества. Два экземпляра его латинской Библии существуютъ еще нынѣ: одинъ въ кафедральномъ соборѣ въ Пуи, другой въ парижской національной библиотекѣ. Эти двѣ книги, столь похожія одна на другую, что ихъ можно принять за два экземпляра одного и того сочиненія, напечатаннаго какимъ-нибудь Гутенбергомъ или какимъ-нибудь Робертомъ Этьенномъ, написаны отъ начала до конца съ рѣдкимъ совершенствомъ, украшены арабесками и миниатюрами; сверхъ того, онѣ дошли до насъ въ современномъ переплетѣ, что видно изъ довольно плохихъ латинскихъ стиховъ, содержащихъ, кромѣ трогательной просьбы, и самое описаніе обертки. Вотъ переводъ этихъ стиховъ: «Читатель, будь счастливъ



много дѣтъ въ Божѣ, и не забывай, прошу тебя, своего друга Теодульфа. Вотъ и оконченъ трудъ; людямъ, купившимъ его, я желаю, равно какъ и тебѣ, читатель, мира, жизни и спасенія. Теодульфъ совершилъ этотъ трудъ изъ любви къ тому, чей благословенный законъ сіяетъ блескомъ камней, золота и пурпура; а подъ этимъ нарядомъ онъ сіяетъ еще болѣе славнымъ блескомъ».

Около того же времени, на Востоцѣ, знаменитый патріархъ Фотій, главный виновникъ раздѣленія греческой и римской церкви, составилъ себѣ очень большую библіотечу изъ богословскихъ книгъ и изъ языческихъ авторовъ. Онъ самъ составилъ аналитическій каталогъ ея, въ которомъ, мало заботясь о каллиграфіи и переплетѣ, онъ старается только познакомить насъ съ содержаніемъ его книгъ. Это для насъ единственный въ своемъ родѣ и весьма поучительный трудъ, такъ какъ трудолюбивый патріархъ имѣлъ въ рукахъ и «прочиталъ», какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ это во главѣ каждой статьи, сотни сочиненій, нынѣ потерянныхъ и извѣстныхъ намъ только по оставленнымъ имъ извлеченіямъ.

Четыре вѣка спустя, добрый французскій король Людовикъ IX святой такъ и представляется намъ сидящимъ въ комнатѣ, смежной съ дворцовой церковью, въ которой онъ собралъ, можетъ быть, сотни экземпляровъ Библии и твореній святыхъ Отцовъ. Когда ему представляется случай купить новую книгу, то

«ему больше нравится, говорить онъ, снять съ нея копію, такъ какъ тогда прибавится еще одна лишняя книга, которая будетъ обращаться въ публикѣ и приносить пользу другимъ читателямъ». Въ свою библиотеку, маленькую въ нашихъ глазахъ, но большую для того времени, онъ охотно допускаетъ постороннихъ читателей. Но не видно, чтобы онъ доходилъ до раздачи книгъ, особой благотворительности, рекомендованной парижскимъ соборомъ (въ 1212 году), но не совсѣмъ безопасной, такъ какъ много разъ оправдалась пословица: «Книга одолженная книга потерянная». Но противъ пословицы принимались мѣры предосторожности. Сорбоннская библиотека давала свои книги даже на сторону; и если она не требовала, подобно нѣкоторымъ другимъ, залога въ обезпеченіе сохранности взятой книги, то она по крайней мѣрѣ тщательно вела списокъ розданнымъ книгамъ, въ которомъ каждая книга была указана съ достаточной точностью, чтобы ее могло подмѣнить взявшее лицо. Этимъ мудрымъ правиламъ подражалъ знаменитый Ричардъ Бюри, епископъ Дургамскій, когда онъ въ 1343 году захотѣлъ обезпечить цѣлость своихъ книгъ въ библиотекѣ оксфордскаго университета, которому онъ принесъ ихъ въ даръ. Впрочемъ тогда, какъ и нынѣ, нѣкоторыя цѣнныя книги не выдавались совсѣмъ изъ библиотекъ; и даже для охраны ихъ отъ всякаго похищенія, къ ихъ прочному переплету прикрѣпляли цѣпь, которую припечатывали къ пюпитрамъ, при-

готовленнымъ для читателей. Нѣкоторые старые переплеты и нынѣ еще носятъ слѣды этой послѣдней предосторожности, сдѣлавшейся излишнею при надлежащемъ наблюденіи.

Въ концѣ XIV вѣка французскій король Карлъ V, имѣвшій много правъ на прозваніе мудрымъ, былъ также компетентнымъ библіофиломъ. Онъ заказывалъ для своего употребленія, различнымъ ученымъ, переводъ нѣсколькихъ латинскихъ и греческихъ сочиненій; эти послѣднія обыкновенно переводились на французскій языкъ по латинскимъ переводамъ. Впрочемъ, Карлъ V заставлялъ работать учейныхъ, переписчиковъ, раскрашивателей и переплетчиковъ не только ради того, чтобы окружить себя изящными и хорошими книгами, но онъ любилъ книги для своего личнаго поученія.

Одинъ изъ братьевъ Карла V, Іоаннь, герцогъ Беррійскій, по примѣру своего брата, имѣлъ пристрастіе къ изящнымъ рукописямъ; онъ собралъ ихъ больше 300, какъ путемъ покупки и обмѣна, такъ и заставляя ихъ исполнять талантливыхъ художниковъ на своихъ глазахъ за большія суммы денегъ. Отъ этой драгоценной коллекціи сохранились еще три каталога (помѣченные 1402, 1412 и 1416 годами); но еще лучше можно оцѣнить богатство ихъ по цѣлой сотнѣ томовъ ихъ, сохранившихся или въ парижской національной библіотекѣ, или въ библіотекахъ нѣкоторыхъ любителей.

Это воспоминаніе приводитъ насъ близко ко времени появленія книгопечатанія. Съ того времени, можно сказать, почти всякая библіотека раздѣляется на два отдѣленія: одно для рукописныхъ книгъ, другое для книгъ печатныхъ. Такимъ образомъ для любителей было двоякое искушеніе, и двойные расходы требовала отъ нихъ любовь къ книгамъ. Но число библіофиловъ возрасло съ удобствами, которыя доставила промышленность Гутенберга; короли, папы, аббаты богатыхъ монастырей не одни уже хлопотали объ образованіи библіотекъ: министры королей стремились къ этому благородному честолюбію. Магистраты, ученые всякаго рода составляли для своего употребленія коллекціи книгъ на всѣхъ языкахъ, заводили правильныя литературныя сношенія съ своими собратами.

---

## ГЛАВА XII.

### Публичныя и частныя бібліотеки.

Библіотека Мазарини первая открыта для публики во Франціи.—Инкунабулы.—Участь большей части частныхъ бібліотекъ; ихъ разсѣяніе полезно для науки и литературы.—Эгонамъ нѣкоторыхъ бібліофиловъ.—Домъ заваленный книгами.—Советы для составленія бібліотеки.—Различныя сочиненія о томъ же предметѣ.—Заключеніе.—Просьба къ читателю.

Парижская національная бібліотека имѣетъ главный фондъ своихъ богатствъ въ рукописяхъ и старопечатныхъ книгахъ, въ коллекціяхъ, составленныхъ или частными лицами, какъ де-Ту, или министрами, какъ великій Кольберъ. Мазарини поступилъ еще лучше въ своей страсти къ великолѣпной бібліотекѣ. Если онъ составилъ не имѣвшее въ то время равнаго себѣ собраніе изящныхъ и хорошихъ книгъ, то онъ сдѣлалъ это для того, чтобы открыть его для публики. Латинская надпись, вырванна на дверяхъ одной изъ залъ этой бібліотеки и сохранившаяся до нынѣ, сви-

дѣтельствуеть, что эта библіотека была первымъ примѣромъ подобной щедрости (*Publicarum in Gallia primordia*).

Примѣру, данному Мазарини въ 1643 году, послѣдовала въ 1652 году библіотека аббата Сентъ-Виктора, а въ 1737 году и французская королевская библіотека. Обычай открывать для публики всякую сколько нибудь замѣчательную библіотеку, принадлежащую государству или ученымъ обществамъ, обычай, относящійся, въ сущности говоря, къ древности, въ значительной степени распространилъ для всѣхъ любознательныхъ умовъ благодѣянія этихъ полезныхъ складовъ.

Въ Италіи, со времени возрожденія наукъ, библіотеки римская, флорентійская \*), миланская очень рано открылись, съ большею или меньшею осторожностью, для ученыхъ, могущихъ пользоваться ихъ сокровищами; въ Испаніи съ менѣе широкою готовностью; легче въ Австріи, и въ особенности въ Вѣнѣ; въ центрѣ и на сѣверѣ Германіи; въ Даніи; въ Англіи, въ особенности въ Оксфордѣ; въ Швеціи и въ Норвегіи; наконецъ, въ восточной Европѣ, въ особенности въ

---

\*) Честъ открытія первой публичной библіотеки въ Европѣ принадлежитъ флорентинскому ученому Никколо Никколи, который, умирая въ 1437 году, завѣщаніемъ обезпечилъ пользованіе публикѣ его книгами.

Москвѣ и Петербургѣ \*) ученые хранители расширили и обогащали склады, ввѣренные ихъ попеченіямъ. Иногда они сами составляли каталоги, въ особенности каталоги рукописей, — трудъ, требующій особенныхъ усилій знанія и терпѣнія. Парижская національная бібліотека соперничаетъ въ этомъ отношеніи съ самыми громадными бібліотеками въ Европѣ. Она состоитъ изъ пяти отдѣленій: рукописей, печатныхъ произведеній, эстамповъ и гравюръ, картъ и плановъ, медалей и древностей; каждое изъ этихъ отдѣленій расширяется и улучшается, предоставляетъ

---

\*) Въ 1874 году, въ императорской публичной бібліотекѣ, въ Петербургѣ, считалось болѣе 900,000 томовъ книгъ, 30,000 рукописей и автографовъ и болѣе 75.000 эстамповъ. Къ числу замѣчательныхъ предметовъ, принадлежащихъ бібліотекѣ, между прочимъ, относятся: замѣчательная коллекція Библій на всѣхъ живыхъ языкахъ (до 300), и въ томъ числѣ Библія кардинала Мазарини, отпечатанная Гутенбергомъ въ 1450—1455 годахъ; собраніе драгоценныхъ инкунабулъ, занимающихъ особую залу, отдѣланную въ средневѣковомъ стилѣ; Евангеліе, писанное въ XII вѣкѣ; Коранъ Магомета, посвященный, по преданію, его дочери Фатимѣ и много другихъ предметовъ. Замѣчательное собраніе можно видѣть также въ азіатскомъ музеѣ академіи наукъ, гдѣ хранится множество арабскихъ, персидскихъ и турецкихъ рукописей, китайскихъ, манджурскихъ, японскихъ, монгольскихъ и тунгусскихъ сочиненій. Въ числѣ другихъ любопытныхъ предметовъ, тамъ находятся разговоры Конфуція, лексиконы и разныя книги, одні писанныя золотомъ, другія серебромъ. Вообще этотъ музей считается рѣдкимъ въ Европѣ.

*Примѣчаніе переводчика.*

въ распоряженіе публики болѣе многочисленныя орудія изученія, которыми оно владѣеть. Но въ этомъ прогрессѣ впереди всѣхъ идетъ, кажется, администрація Британскаго Музея въ Лондонѣ, гдѣ щедрое назначеніе денежныхъ суммъ позволило произвести въ очень немногo лѣтъ большія улучшенія. Библіотека Британскаго Музея существуетъ лишь съ 1753 года, и основою для нея послужила библіотека сэра Ганса Слоана; въ числѣ другихъ приращеній, она получила въ 1823 году библіотеку, которую получилъ въ наслѣдство отъ своего отца король Георгъ IV. Тридцать четыре года спустя, новыя зданія, построенныя изъ желѣза и кирпича по планамъ талантливаго хранителя Паницци, открылись для 800,000 печатныхъ томовъ, которые она заключала въ себѣ, не считая рукописей, и эти зданія, стоившія не менѣе 3.750,000 франковъ, приспособлены самымъ счастливымъ образомъ для услугъ читателямъ и для предусмотрѣннаго роста, приблизительно по 2,000 томовъ ежегодно.

Мы видимъ, что публичная библіотека почти всегда представляетъ собою лишь развитіе частной библіотеки. Но коллекція этихъ большихъ любителей, у которыхъ, у самихъ, мало времени для изученія и чтенія, не составляютъ, собственно говоря, частныхъ библіотекъ. Различныя виды послѣднихъ многочисленны и заслуживаютъ вашего вниманія.

Прежде всего имѣть книги не значитъ еще имѣть библіотеку. Есть ученые, и при томъ очень почтен-



ные, которые покупаютъ сочиненія, необходимы при ихъ занятіяхъ, и ничего болѣе; которые ни мало не заботятся о томъ, чтобы держать ихъ въ полномъ порядкѣ и въ удовлетворительномъ состояніи, относятся къ нимъ небрежно, а иногда продаютъ ихъ снова, по мѣрѣ того, какъ онѣ дѣлаются для нихъ не нужными болѣе, почти точь-въ-точь какъ старый Катонъ, этотъ герой древняго Рима, пишущій въ своемъ разсужденіи о Земледѣліи: «Пусть хорошій экономъ продаетъ старое желѣзо, пусть онъ продаетъ вола и раба, не приносящихъ пользы». Это значитъ не чувствовать уваженія къ книгамъ, значитъ не имѣть библіотеки.

Другіе не только собираютъ общепользныя сочиненія, но и заставляютъ ихъ переплетать тщательно, если не роскошно, смотря по своимъ средствамъ. Иногда, чтобы доставить себѣ пріятное и легкое развлеченіе, они собираютъ нѣкоторыя сочиненія, чуждыя науки, которую они занимаютъ; они не пренебрегаютъ тщательно выставлять ихъ въ рядъ на дубовыхъ или орѣховыхъ полкахъ и даже запирать ихъ въ шкапахъ со стеклами для защиты ихъ отъ пыли. Такіе ученые ужъ немножко библіофилы.

Но существуетъ много способовъ «любить книги».

Иной библіофилъ отыскиваетъ первыя изданія каждаго автора, изданія не всегда самыя лучшія. Иногда также онъ розыскиваетъ такъ называемыя *инкунабулы*, т. е. самыя древніе образцы типографіи, пе-

чатныя произведенія, появившіяся до или немного послѣ 1500 года нашей эры. Онъ желаетъ прослѣдить по этимъ образцамъ первые опыты и послѣдовательныя усовершенствованія книгопечатанія. Есть библіофилы, привязывающіеся къ какому-нибудь одному классу сочиненій, напримѣръ къ драматическимъ произведеніямъ; каталоги тѣхъ библіотекъ, составленные или при ихъ жизни, или послѣ ихъ смерти, представляютъ спеціальныя библіографіи и сами по себѣ представляютъ глубочайшій интересъ для историковъ литературы. Вы будете имѣть нѣкоторое понятіе о количествѣ напечатанныхъ театральныхъ пьесъ, если мы скажемъ, что парижская національная библіотека имѣетъ ихъ *двадцать пять тысячъ*, вышедшихъ отдѣльными изданіями, не считая сборниковъ.

Иные любители чувствуютъ особенную страсть къ одному писателю, или даже къ какому-нибудь одному изъ его сочиненій. Недавно въ Парижѣ продавали коллекцію, состоявшую изъ *Провинціальныхъ писемъ* Паскаля, но заключавшую ихъ всѣ.

Философъ и великій писатель нашего времени, Викторъ Кузенъ собралъ, путемъ розысковъ и большихъ затратъ, всѣ образцовыя произведенія классическихъ литературъ, всѣ великіе памятники человѣческой мысли. Ему принадлежали самыя лучшія и самыя изящныя изданія, переплетенныя съ особеннымъ вкусомъ. Его библіотека была настоящимъ музеемъ

науки и литературы, и если публика немного пользовалась ею при его жизни, то не потеряла еще надежды, такъ какъ счастливый владѣлецъ передалъ по завѣщанію это сокровище парижскому университету и обезпечилъ сохраненіе его, завѣщавъ денежные средства, необходимыя для содержанія библіотеки и облегченія доступа къ ней для избранныхъ читателей, подъ наблюдениемъ библіотекаря. Менѣе изящна и составлена съ менѣе тонкимъ вкусомъ библіотека, завѣщанная Леклеркомъ парижскому же университету. Она состоитъ почти изъ пятнадцати тысячъ томовъ и изобилуетъ въ особенности авторами греческими, латинскими, французскими и итальянскими, а также сочиненіями по исторіи литературы. Вотъ два благородныхъ примѣра приношеній новѣйшаго времени. Но поднимаясь по восходящей ступени вѣковъ, мы нашли бы много примѣровъ завѣщанія такихъ коллекцій книгъ городамъ людьми съ богатыми знаніями и большимъ вкусомъ. Такова была въ древности библіотека, которую Плиній Младшій принесъ въ даръ городу Кому отъ своего имени и отъ имени своихъ родителей; онъ сказалъ по этому поводу рѣчь, которую онъ издалъ впоследствии и пересмотръ которой очень занималъ его, какъ это видно изъ письма, написаннаго имъ по этому поводу одному изъ друзей.

Многія частныя библіотеки, или скорѣе почти всѣ осуждены силою вещей на расточеніе послѣ смерти ихъ владѣльцевъ. Если послѣдній оставилъ нѣсколь-

нихъ наслѣдниковъ, то библіотека, въ случаѣ неопредѣленія для нея въ завѣщаніи спеціальнаго назначенія, поступаетъ въ продажу съ аукціона. Не безъ грусти присутствуешь на подобныхъ зрѣлищахъ. Любитель литературы истратилъ значительную долю своего состоянія на составленіе своей прекрасной библіотеки; онъ тщательно расширялъ ее, украшалъ ее съ любовью, остроумно прилаживалъ ее для своего употребленія, нерѣдко открывалъ для всѣхъ лицъ, имѣвшихъ надобность въ его книгахъ; онъ вложилъ въ нее много своего ума и своей души; иные томы онъ отмѣтилъ своею подписью, или же напечаталъ какой-нибудь прелестный девизъ. И вотъ приходитъ день, когда собранное съ такими хлопотами сокровище раздробляется на части подъ наблюденіемъ аукціониста и когда его остатки перейдутъ въ другія руки для составленія новыхъ коллекцій. Каталогъ останется единственнымъ и несовершеннымъ напоминаніемъ о трудѣ, стоившемъ столькихъ издержекъ и столькихъ усилій. Но нельзя не признать, что такой дѣлежъ, прискорбный для ученаго, не могущаго предупредить его, не безъ нѣкоторой пользы для науки и литературы; благодаря ему, нѣкоторыя рѣдкія и цѣнныя книги, которыя могли бы быть забытыми въ рукахъ невѣжественнаго наслѣдника или, будучи завѣщаны какой-либо публичной библіотеки, оставались бы безъ употребленія въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ продажи совершенно справедливо попа-

даютъ въ руки ученаго, могущаго пользоваться ими.

Впрочемъ, страсть библіофила не всегда свободна отъ эгоизма, и притомъ отъ эгоизма, иногда доходящаго до варварства. У одного ученаго была страсть скупать на публичныхъ аукціонахъ всѣ экземпляры книгъ, о чрезвычайной рѣдкости которыхъ онъ зналъ и которыя онъ съ удовольствіемъ скрывалъ въ закоулкахъ своей библіотеки. Такъ какъ онъ мало раздавалъ книги, то благодаря публичной распродажѣ его книгъ пушено во всеобщее обращеніе много произведеній, которыя до того времени оставались бесполезными, пребывая на полкахъ его рабочаго кабинета. Для любителей подобнаго рода придумано выразительное названіе *библіографовъ*. Его можно бы приложить ко многимъ разновидностямъ зарывателей книгъ. Эта странная извращенность была извѣстна въ древности и осуждалась, какъ преступленіе. Свидѣтельствомъ этому служить Исидоръ Пелузскій, христіанскій авторъ V столѣтія, который въ письмѣ къ Симплицію упрекаетъ своего друга въ покупку книгъ лишь для зарыванія ихъ въ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ онѣ служатъ только для питанія червей вмѣсто того, чтобы служить для изученія честнымъ людямъ.

Мы, напротивъ, уважаемъ богатаго библіофила, любящаго всякаго рода чтеніе, знающаго нѣсколько языковъ и тѣмъ самымъ увлекаемаго къ прочтенію произведеній многихъ литературъ, на ихъ первоначальномъ языкѣ. Въ Парижѣ былъ одинъ такой биб-

любилъ, который, при своей чрезвычайной страсти, собиралъ непрерывно книги всякаго рода, такъ что въ концѣ концовъ весь домъ оказался наполненнымъ ими отъ низу до верху. Каждый годъ, такимъ образомъ, этотъ любознательный человекъ уменьшалъ у жены и дѣтей своихъ помѣщеніе въ этомъ домѣ, который загромождала громадная семья его книгъ. Каталогъ библіотеки, составленный при ея продажѣ, состоялъ изъ одиннадцати или двѣнадцати томовъ.

Не менѣе интересенъ, или еще болѣе интересенъ хранитель публичной библіотеки, привязывающійся страстно къ складу, охрана котораго ему поручена; онъ старается не только сохранять его въ хорошемъ состояніи, но и обогащать его цѣнными приобрѣтеніями, онъ способенъ въ точности изучить всѣ полки, составить или исправить каталогъ, вѣрно отыскивать всѣ книги, которыя у него спрашиваютъ, да даже и тѣ, которыя у него не спрашиваютъ, но которыя онъ обязательно указываетъ неопытнымъ читателямъ. Это послѣдней услуги можно ожидать почти только отъ хранителя какого-нибудь спеціальнаго книгохранилища (медицины, юриспруденціи, или другихъ наукъ), такъ какъ слишкомъ многочисленные склады, заключающіе въ себѣ слишкомъ большое разнообразіе книгъ, подавляютъ самымъ своимъ богатствомъ память и дѣятельность самаго преданнаго дѣлу хранителя. Къ счастью, въ подобныхъ случаяхъ онъ

всегда имѣть помощниковъ, у которыхъ нѣтъ недостатка ни въ усердіи, ни въ толковости.

Послѣ всего этого читатели могутъ спросить, какимъ образомъ они сами должны составлять себѣ бібліотеки.

Парижская національная бібліотека заключаетъ въ себѣ около двухъ милліоновъ томовъ; и если она имѣетъ почти всѣ книги, изданныя во Франціи, то во всякомъ случаѣ въ ней нѣтъ многихъ тысячъ произведеній, изданныхъ внѣ Франціи. Органъ французской книжной торговли *Journal de la Librairie*, официально извѣщающій о всѣхъ изданіяхъ, появившихся во Франціи, содержитъ 12,764 статьи за 1877 годъ и 12,828 статей за 1878 годъ. Это вамъ показываетъ, среди какого ужасающаго изобилія приходится нынѣ дѣлать выборъ, если желаютъ составить себѣ бібліотеку; но давно уже подобный выборъ сдѣлался затруднительнымъ. Въ предъидущей главѣ было уже говорено о большихъ бібліотекахъ, какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, находившихся въ главныхъ городахъ древняго міра: Афинахъ, Александріи, Пергамѣ и Римѣ. Когда книги считались тамъ тысячами или сотнями тысячъ, покупатель, заботившійся о томъ, чтобы не тратить свои деньги на негодныя пріобрѣтенія и свое время на бесполезное чтеніе, очень нуждался въ компетентныхъ совѣтахъ, чтобы не дать обмануть себя книгопродавцамъ, или не польститься на невинные, но пустые курьезы. Поэтому мы уже

очень рано видимъ, что нѣкоторые грамматикѣ ставили себѣ задачею руководить любителями книгъ. Таковъ былъ, въ началѣ христіанской эры, чѣкій Артемонъ, человѣкъ, впрочемъ, очень темный; онъ написалъ руководство по искусству «сбирать книги» и другое по «способу пользоваться ими». Этого рода руководства вполнѣдствіи сильно размножились. Въ концѣ средних вѣковъ встрѣчается *Philobiblion* Ричарда Бюри.

Въ XVII вѣкѣ голландецъ Сальдонъ издалъ свое латинское разсужденіе *de Libris varioque eorum usu et abusu*, 1688. Въ 1772 году аббатъ Шодонъ издалъ *Библиотеку знатока, или мнѣніе о выборѣ лучшихъ книгъ, написанныхъ на французскомъ языкѣ по всемъ родамъ науки и литературы*; эта книга была нѣсколько разъ перепечатана съ поправками и дополненіями всякаго рода. Это драгоцѣнныя справочныя книги. Громадную услугу оказалъ бы нынѣшней молодежи человѣкъ, который составилъ бы для нея подобную справочную книгу. Мы не беремся выполнить такую задачу. Впрочемъ, слѣдовало бы раздѣлить этотъ трудъ, чтобы сдѣлать такое руководство истинно полезнымъ для всякаго призванія, которое можетъ избрать прилежная молодежь. Мы же ограничимся здѣсь нѣсколькими немногими общими совѣтами, но которые будутъ, по крайней мѣрѣ, примѣнимы ко всемъ возрастамъ и ко всемъ отраслямъ знанія.

Разсказываютъ, что одна умная женщина раздѣлила



своихъ друзей на три разряда: «У меня есть друзья, говорила она, которыхъ я очень люблю и съ которыми никогда не вижу слишкомъ часто; у меня есть друзья, которыхъ я почти не люблю и которые не причиняютъ мнѣ большаго огорченія своимъ рѣдкимъ посѣщеніемъ; у меня есть друзья, которыхъ я совсѣмъ не люблю и которые доставляютъ мнѣ удовольствіе, избавляя меня отъ своихъ визитовъ». Такое дѣленіе можно очень удобно приложить къ книгамъ библіотеки. Есть много книгъ бесполезныхъ, которыхъ не слѣдуетъ покупать, которыя могли быть подарены какимъ-либо другомъ и сохраняются изъ вниманія къ дарителю, но никогда не читаются. Есть книги, по самому своему свойству предназначенныя только для справокъ, тѣмъ не менѣе книги необходимыя, которыя нужно всегда имѣть подъ рукой, если не желаютъ, за малѣйшей справкой, отправиться изъ дому и идти въ публичную библіотеку. Наконецъ и главнѣе всего, есть книги для повседневнаго употребленія, которыя читаютъ и перечитываютъ безпрестанно или для поученія, или для развлеченія. Этихъ книгъ приобрѣтаютъ по нѣскольکو экземпляровъ: одинъ экземпляръ, который постоянно ходитъ по рукамъ, въ которомъ можно загибать углы страницъ, писать карандашемъ или даже перомъ замѣтки на поляхъ, вещь не рѣдко очень полезная для занимающагося человѣка; затѣмъ экземпляръ хорошо переплетенный, который можно давать друзьямъ; нако-

нецъ, иногда роскошный экземпляръ, украшенный изящнымъ переплетомъ, къ которому прикасаются не иначе, какъ съ уваженіемъ. Нужно много денегъ, чтобы составить себѣ коллекцію этихъ избранныхъ книгъ, тѣхъ книгъ, которыя составляютъ *резервъ* въ большихъ библіотекахъ; но знатоку всегда доставляетъ удовольствіе собирать настоящіе образцы искусства, которые можно поставить подъ стекло, какъ ставятъ севрскій фарфоръ, богемскія стеклянныя издѣлія, изящныя древнія глиняныя издѣлія. Тѣмъ не мѣнѣе, для серьезнаго ума, избравшаго себѣ путь въ разнообразіи человѣческихъ знаній, важно собрать вокругъ себя всѣ истинно полезныя при его работѣ орудія и думать о излишнемъ только послѣ обезпеченія необходимаго.

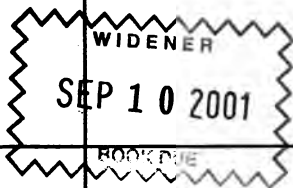
Займетъ-ли, читатели, въ вашей библіотекѣ мѣсто, и какое, настоящая книга, въ которой собрано все наиболѣе важное относительно исторіи книгъ? Рѣшить это вы должны, конечно, сами; но, припоминая только-что приведенныя слова, авторъ надѣется, что эта маленькая книжка не будетъ отнесена въ послѣдній разрядъ вашихъ друзей; если ужъ она не можетъ занять мѣста въ первомъ разрядѣ, то отведите ей мѣсто во второмъ.

К о н е ц ъ .

The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

*Non-receipt of overdue notices does **not** exempt the borrower from overdue fines.*

**Harvard College Widener Library**  
**Cambridge, MA 02138      617-495-2413**



**Please handle with care.**  
Thank you for helping to preserve  
library collections at Harvard.